

Серия «Русское философское наследие»

**АНТОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Том 6

Рагуза-Москва
2024

УДК 030
ББК 92
А 33

А 33 Антология современной русской философии. Том 6. Сост., вступ. ст. М. В. Бахтин. – Рагуза-М: «Энциклопедист-Максимум», 2024. – 234 с. (серия "Русское философское наследие")

ISBN 978-5-98849-124-2

Настоящая Антология включает небольшие сочинения современных философов (статьи, эссе, исследования, доклады), отражающие состояние отечественной философской мысли в начале XXI столетия.

Издание предназначено для профессионально подготовленных специалистов высшей и средней специальной школы, аспирантов, студентов, познающих современные тенденции и направления развития русской философии.

Статьи, размещенные в настоящей Антологии, включены в РИНЦ.

ISBN 978-5-98849-124-2

© "Энциклопедист-Максимум", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бахтин М.В.</i> Развитие принципов причинности и телеологизма в моделях истории А. Тойнби и М. Вебера.....	4
<i>Назиров А.Э.</i> Смерть философа. Методологические основания синтеза естественных и общественных наук.....	13 18
<i>Очкин В.Л.</i> Полемика – идеальная и реальная	27
<i>Коноплёв Н.С.</i> Литературная переключка классиков (к 80-летнему юбилею А.В. Вампилова и В.Г. Распутина).....	154
<i>Голубчиков Ю.Н.</i> Тревожные раскаты грядущего	196
<i>Михалевич Б.А.</i> Концептологическая проекция стиля на эстетическое поле «чистого искусства»	230

БАХТИН

Максим Вячеславович

Философ, историк, организатор образования и науки, общественный деятель, инвестор, меценат, энциклопедист, доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, академик Петровской академии наук и искусств. Генеральный директор Международного центра образования и туризма «Спутник».

Родился 3 декабря 1974 года.

Окончил с отличием исторический факультет Пензенского государственного педагогического

университета им.

В.Г. Белинского (1996), учился на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета (1998–2001), окончил аспирантуру, докторантуру кафедры философии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (2001/2014), Московскую духовную семинарию и академию (2005/2007). Докторская диссертация «Эпистемология социально-исторического знания: модели истории и их социально-антропологические репрезентации» (2012).

Специалист в области философии науки, социальной философии, философии истории, геополитики. Исследует проблему цикличности российской истории, обосновывает очередную подъем российской государственности середине XXI столетия.

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПОВ ПРИЧИННОСТИ И ТЕЛЕОЛОГИЗМА В МОДЕЛЯХ ИСТОРИИ А.ТОЙНБИ И М.ВЕБЕРА

Английский историк и философ истории А.Тойнби строил свою модель развития истории на основе принципов причинности

и телеологизма. А.Тойнби объяснял развитие человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, среди которых он выделил 21 основную цивилизацию, каждая из которых проходит стадии возникновения, роста, надлома, разложения и гибели. В отличие от О.Шпенглера, А.Тойнби использует понятие “цивилизация” для обозначения культурно-исторических типов общества, а также вводит в свою концепцию элементы поступательного развития, которые усматривает в прогрессе человечества в области духовного совершенствования [4, с. 250].

А.Тойнби объясняет историю, как проявление Жизни. Каждый момент исторического движения представляет, по его мнению, порождающее начало следующего и в то же время самоопределяемую, внутренне завершенную целостность. Это обуславливает соответствующий подход к объяснению каждого момента истории, требующий искать его причины в двух уровнях:

- 1) в нем самом;
- 2) в предшествующих моментах истории.

Этот подход основывается на некоторых аспектах системного метода в его приложении к объяснению исторических событий и представляется весьма плодотворным и эффективным.

В качестве основы своей модели истории А.Тойнби выдвигает взаимодействие мирового закона – божественного Логоса и человечества, которое каждый раз дает Ответ на божественное Вмешательство, выраженное в форме природного или какого-либо иного Вызова.

Теория “исторических Вызовов” А.Тойнби вызвала критику в научной литературе. Так, Л.Н.Гумилев в своей монографии “Этногенез и биосфера Земли” указывает на неспособность этой теории объяснять многие исторические факты, в частности, он указывает на то, что если считать море, омывающее Грецию и Скандинавию, “Вызовом”, то почему греки дали на него ответ только в VIII-VI вв. до н.э., а скандинавы - в IX-XII вв. н.э.? А в прочие эпохи не было ни победоносных эллинов, ни отчаянных хищных финикийцев, ни грозных викингов, а были ловцы губок и селедки? Шумеры сделали из Двуречья Эдем, “отделяя воду от суши”, а турки все так запустили, что там опять образовалось болото, хотя, по А.Тойнби, они должны были ответить на “Вызов” Тигра и Евфрата [3, с. 153]. Подобные возражения указывают на ограниченность применимости “теории Вызовов” в

объяснениях исторических явлений, но не опровергают объяснительного значения самого принципа учета влияния природных факторов на социальный процесс.

А.Тойнби не отрицает, что исторический вызов может остаться без ответа, но как стимул развития общества он реально существует.

Надломы цивилизаций Тойнби объясняет потерей их способности к самодетерминации. Он указывает, что неспособность того или иного общества вследствие утраты творческих сил ответить на Вызов, лишает его жизнеспособности и в конце концов предопределяет его исчезновение. Именно трагедией распада общества объясняет Тойнби феномен социальных революций. При этом он указывает на определенный социальный закон: если революция не достигает своей цели, то она переходит в реакцию [4, с. 338]. Этот закон позволяет ему осуществлять объяснения истории конкретных обществ и предсказания их дальнейшей судьбы.

Распад общества сопровождается нарастающим чувством неконтролируемости потока жизни. А.Тойнби основывает свое понимание этого исторического процесса на выделении ряда конкретных моментов, характеризующих его сущность. Отметим главные из них:

1. Поляризация альтернативных форм поведения, обусловленная тем, что единственный свободный выбор, оставленный Душе, – это выбор между активной и пассивной реакциями [4, с. 358].

2. Чувство промискуитета (всеобщего смешения), представляющего собой пассивную замену чувства стиля и проявляющегося в ходе социального распада во всех областях жизни: в религии, литературе, языке, искусстве, манерах людей и их привычках [4, с. 378].

3. Вульгаризация правящего меньшинства, состоящая в его нравственном падении и обретении им характерных черт низших слоев населения [329, с.384].

Перечисленные моменты раскрывают определенную закономерную взаимосвязь между социальным распадом общества и сферой человеческого сознания. Причем свое объяснение А.Тойнби основывает именно на этих факторах

раскола в человеческой душе, считая их эпицентром данного процесса.

Раскрытые А.Тойнби закономерные связи между распадом общества и поляризацией альтернативных форм поведения, чувством промискуитета и вульгаризацией правящего меньшинства отражают реальные причинно-следственные отношения исторического процесса, даже вне их зависимости от вопроса о первичности той или иной стороны этих отношений.

А.Тойнби объясняет ход истории, как постижение человечеством самого себя и в себе самом божественного закона и высшего предназначения. В этом явно прослеживается параллель со взглядами Г.Гегеля. Но, в отличие от последнего, концепция объяснения истории обретает у Тойнби более сильную нравственную интерпретацию. Так, он указывает, что ответственность за надломы цивилизаций лежит на совести их лидеров [4, с. 305].

Концепция истории А.Тойнби тесно связана с теориями О.Шпенглера и П.Сорокина. Но у А.Тойнби категория “цивилизация” получила гораздо более серьезное обоснование и обрела, благодаря этому, более широкие эвристические возможности.

А.Тойнби понимает под цивилизацией – замкнутое общество, характеризующееся набором определенных признаков, позволяющих их классифицировать. Шкала критериев здесь весьма изменчива, определенным постоянством обладают лишь два признака: религия и формы ее организации, а также месторасположение данной цивилизации.

Жизнеспособность цивилизации определяется возможностью освоения жизненной среды и развитием в людях духовного начала. Несходство цивилизаций друг с другом А.Тойнби объясняет различным характером Вызовов и Ответов, свойственной каждой из них.

Проанализируем объяснение А.Тойнби причин поражения России в ряде войн второй половины XIX – начала XX вв.

Он рассматривает Крымскую войну (1853-56 гг.), русско-японскую войну 1905 года и I мировую войну. Поражения России в этих войнах он объясняет:

1) ее неспособностью к перевооружению на уровне западных технологий. Россия не смогла адекватно ответить на Вызов

времени, состоящий в необходимости индустриализации, обеспечивающей расширение сферы своего влияния, а Англия, Франция, Япония и Германия смогли это сделать, и в результате контактов между ними и Россией последняя потерпела ряд поражений;

2) недостаточностью Петровских реформ. Процесс вестернизации не затронул всех сторон жизни России и был жестко ограничен определенными рамками.

А.Тойнби строит свое объяснение на основе закономерности: отсталая нация нередко вульгаризирует заимствованные извне достижения, приспособляя их к своей более примитивной культуре. Приложение этой закономерности к анализу Петровской эпохи дает возможность установить другую, более конкретную взаимосвязь явлений: усвоение некоторых элементов западной науки и техники привело при Петре I к усилению крепостничества, которое стало тормозом развития страны [4, с. 565].

В этом объяснении А.Тойнби указывает на причинную взаимосвязь следующих событий: противоречивый характер реформ Петра I – катастрофа 1914-1918 гг., сделавшая очевидной промышленную и социальную отсталость России – приход к власти большевиков, поставивших задачу индустриализации страны.

В рассматриваемом примере четко прослеживается общая схема объяснения исторических событий, которую А.Тойнби ориентирует на решение трех познавательных задач:

1) раскрытие специфики исторических Вызовов данному обществу (объяснение объективных проблем, вставших перед ним);

2) выявление специфики Ответов этого общества (объяснение внутренних условий и характера решения этих проблем);

3) определение контактов между цивилизациями, отвечающими на одинаковые исторические Вызовы (объяснение внешней обусловленности Ответов цивилизаций).

Общая модель истории А.Тойнби позволяет ему в данном случае осуществлять объяснения конкретных исторических событий и процессов, которые, в свою очередь, обосновывают его общую концепцию.

Усиливая позицию О.Шпенглера, А.Тойнби делает важный вывод о том, что социальные процессы, последовательно происходящие в цивилизациях, носят аналогичный характер. Это позволяет ему резко повысить степень обоснованности своей теории, а также вывести некоторые законы, используемые им во многих объяснениях. Из них выделяются два наиболее важных:

1) чем сильнее Вызов, тем сильнее Стимул [4, с. 171];

2) Вызов со стороны человеческого окружения компенсируется благоприятными природными условиями и наоборот. Например: восставший пролетариат, начинающий новую цивилизацию, выдерживает это испытание потому, что наследует среду обитания в готовом и приспособленном для нужд человека виде, тогда как невыносимый быт первопроходцев, осваивающих новые местности, напротив, уравнивается отсутствием угрозы со стороны человеческого окружения [4, с. 173].

Осмысление принципов причинности и телеологизма в модели истории А.Тойнби требует сравнения основ его концептуального подхода с объяснением истории, предложенным О.Шпенглером. Основу его теоретической модели составляет представление о двух формах космической необходимости: о причинности как судьбе органической формы и о причинности как физико-химической причинно-следственной связи. Тем самым, О.Шпенглер указывает на две формы причинности, несводимых одна к другой, – “идею судьбы” и “каузальность”. Первая объясняет логику истории, вторая – логику природы.

Вызывает серьезные возражения отрицание О.Шпенглером телеологического момента теоретической модели социально-исторического процесса, признававшегося большинством представителей предшествующей философии истории. В обоснование этого отрицания философ указывает на то, что у человечества нет никакой цели, никакой идеи, никакого плана, так же как нет цели у вида бабочек или орхидей [6, с. 151].

Подобный вывод, быть может, верный по отношению к поиску целей социального процесса вне самой истории, ошибочно лишает исторические события такого важнейшего компонента, как целеполагающая деятельность их субъектов, что, соответственно, резко ограничивает перспективы их объяснения.

Принципы причинности и телеологизма в объяснении истории, обосновываемые в модели истории А. Тойнби, получили свою новую интерпретацию и дальнейшее развитие в теоретической модели социально-исторического процесса М. Вебера, который предпринял попытку переосмыслить марксистский подход к историческому объяснению с позиции большего плюрализма методологических оснований.

В качестве обоснования своего подхода М. Вебер берет ситуацию повышения экономических расценок, которое, в соответствии с любой экономической теорией, должно вести к повышению производительности труда. Однако во многих крестьянских общинах это давало обратный эффект – снижения производительности труда, что может быть объяснено силой привычки и определенной психологией: при более высоких расценках крестьянин, привыкший зарабатывать две с половиной марки в день, обнаруживает, что может заработать ту же сумму, работая меньше, и так и поступает. Выбор в пользу досуга, а не дохода определяется традициями и образом его жизни. М. Вебер указывает, что объяснение данной ситуации лишь действием материальных сил оказывается недостаточным, поскольку выбор субъекта происходит преимущественно в сфере сознания.

М. Вебер в качестве центральной проблемы своего концептуального объяснения истории выдвигает вопрос о связи хозяйственной жизни общества, материальных и идеологических интересов различных социальных групп и религиозного сознания. В работе “Протестантская этика и дух капитализма” он объясняет сущность капиталистического общества, исходя из двух оснований: “особых, совершенно специфических форм хозяйственной организации” и хозяйствующих субъектов, проникнутых своеобразной хозяйственной идеологией – “капиталистическим духом”.

М. Вебер подходит к объяснению общества через рассмотрение его как конгломерата социальных групп, что позволяет ему выдвинуть следующие основные принципы своей концепции объяснения истории:

1. Любое общество подразделяется на социальные страты, которые отличаются друг от друга по своему экономическому положению, специфическому образу жизни и мировоззрению.

2. Социальные страты либо пытаются сохранить свой “образ жизни”, либо улучшить его, что достигается через социальное обособление (“дистанцирование”) или через монополизацию экономических возможностей.

3. Объяснить конкретное общество в его статике или динамике можно через выяснение стремлений социальных страт, которые в первом случае будут соответствовать идеям и ценностям, преобладающим в обществе, а во втором случае – соотноситься с идеями и ценностями, пытающимися улучшить образ жизни той или иной социальной страты.

4. Являясь членами социальных страт, люди представляют собой продукт общественной организации, и, соответственно, идеи и поступки индивидов могут быть объяснены через отличительные черты этой общественной организации.

Данные принципы лежат в основе объяснения М.Вебером истории в целом и в то же время служат методологической базой подхода к объяснению конкретных исторических явлений и процессов.

Уделяя значительное внимание объяснению классовых конфликтов, М.Вебер, в отличие от марксизма, подчеркивает многомерность классовых различий. Помимо дифференциации людей по отношениям собственности, он предлагает такие основания социального деления, как отношение к власти, статус и престиж отдельных группировок, религиозные и идеологические признаки.

В отечественной научной литературе существует мнение о противоположности марксистского и веберианского подходов к объяснению истории [5, с. 82]. Думается, что подобное противопоставление сильно преувеличено, поскольку, несмотря на определенные различия, в социальных объяснениях К.Маркса и М.Вебера обнаруживается ряд общих основополагающих принципов.

Это наглядно прослеживается в объяснении Вебером причин падения античной культуры, которые он видит:

1) в подрыве организации рабского труда как основы римского общества, связанном с нехваткой пополнения рабской силы из-за приостановки завоевательных войн;

2) в изменении социального статуса городов, представляющих собой экономическую основу античной

культуры и утративших свое влияние на крупные поместья, вследствие чего культура постепенно “делается деревенской”;

3) в образовании элементов феодального общества в недрах доживавшей свой век Римской империи (сословное деление общества, появление типа средневекового помещичьего двора, замкнутое натуральное хозяйство) [2, с. 453-465].

Проанализированный фрагмент исторического текста позволяет согласиться с мнением, профессора В.В.Балахонского о том, что теоретическая модель исторического процесса М.Вебера во многих существенных аспектах вписывается в общие методологические установки советской историографии, основанные на марксистской концепции объяснения истории [1, с. 44].

Ссылки

1. Балахонский В.В. Объяснение истории: историко-философский, методологический и гносеологический аспекты: Монография. – СПб., 1997. – 199 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества. – М.: Юрист, 1994.
3. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 528 с.
4. Тойнби А.Дж. Постижение истории. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
5. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 839 с.
6. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Искусство, 1993. – 298 с.

НАЗИРОВ

Анатолий Эзелевич

Доктор философских наук, профессор Межвузовского центра по образованию в области истории и философии науки и техники Санкт-Петербургского Морского технического университета. Почетный работник высшей школы Российской Федерации.

Родился в 1950 году в с. Леуши Кондинского района Тюменской области в семье работника культуры.

Окончил физико-математический факультет по специальности «физика» Шадринского государственного педагогического института (1971), аспирантуру кафедры философии Ленинградского государственного финансово-экономического института (1976), докторантуру при кафедре философии науки и техники философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета (1995), Республиканский гуманитарный институт при Санкт-Петербургском государственном университете по программе «Философия» (2001).

СМЕРТЬ ФИЛОСОФА

В нулевые годы в «Веселом поселке» Санкт-Петербурга на тротуаре возле универсама лежал пожилой человек в окружении продуктов, рассыпанных из пакета. Он вышел из магазина, и с ним случился инфаркт, который, после двух часов лежания и не оказанной своевременной помощи, привел к летальному исходу. Проходя мимо, люди думали, что это бомж или пьяница, и по привычке к равнодушию старались не мешать.

Примерно так я услышал рассказ о смерти доктора философских наук профессора ИПК при СПб-университете Бориса Васильевича Лапицкого, бывшего одним из моих оппонентов на защите докторской диссертации в 1996 г. Описанное событие воспринялось как знаковое для нашего времени и подумалось, что смерть Сократа, Христа и ...Лапицкого

имеет свою специфику. Последняя – являет поколение как равнодушное, соответствующее характеристике, данной Паисием Святогорцем. (См. Блаженной памяти старец Паисий Святогорец Слова т. 2 Духовное пробуждение., издательский дом «святая гора» Москва 2010. с.33).

Борис Васильевич был самобытным, раскрепощенным и увлеченным мыслителем. Еще в 1970-х, в бытность ассистентом кафедры диалектического материализма философского факультета ЛГУ им. А.А. Жданова, в беседе со мной он говорил: «...конечно, В.П. Бранский у нас главный, но и мы что-то значим», имея в виду философию науки. При обсуждении его книги по структуре субъекта я обратил внимание на то, что выражение «субъектно-субъектное отношение» является метафорой, потому что в теории познания возможно лишь субъектно-объектное отношение. На это замечание Б.В.Лапицкий предложил мне отметить все замечания по книге, поскольку они помогут ему при защите докторской, т.е. к критике он отнесся скромно и по-деловому. По поводу же моей докторской диссертации при обсуждении он сказал: «Работа любопытная, но мне больше нравится концепция К.Юнга», на защите, отметил: «...план диссертанта наполеоновский, но самое смешное в том, что он почти выполнен». Увлеченность Лапицкого проявлялась в том, что в своих лекциях по истории философии в ИПК при гос. Университете он, раскрывая нюансы в развитии древнегреческой мифологии, не успевал дойти, собственно, до философии.

Итак, смерть философа во все времена имела свою специфику: Эмпедокл, устав отвечать на вопрос «...почему он не умрет, если для него быть живым или мертвым одно и то же?», прыгнул в жерло действующего вулкана; Сократ перед смертью просил стражника не мешать ему выразить мысль ученикам, а для этого он готов выпить еще одну чашу с ядом; Христос просит Петра не препятствовать его распятию, ибо такая смерть и есть главная ценность его жизни.

Еще характерная смерть для духа нашего времени – это смерть главного героя романа Джорджи Амаду «Донна Флор и два ее мужа», который в расцвете сил в разгар карнавала в Бразилии умирает от физического и нервного истощения. Аналогична смерть от истощения, при фанатичном занятии

восточными единоборствами, философа, спортсмена и актера – Брюса Ли. Характерна богоборческая смерть героя романа Войнич «Овод», который в стремлении превзойти Христа в смерти руководит собственным расстрелом.

Чем же вызвано равнодушие в целом и равнодушие к смерти в частности? М.Хайдеггер говорит, что массовые смерти в газовых камерах Германии и в Гулагах Советского союза вызваны «...нетостью бога в культуре». Можно полагать, что равнодушие XXI века порождено смертью бога в культуре в XIX веке (Ф. Ницше) и – смертью человека в XX веке (Т.М. Горячева). Современное православие учит, что для подготовки к смерти необходимо умирание при жизни. Так Схимонахиня Ардалиона учит: «Чтобы легко умирать, нужно прежде смерти умереть для всего, нужно уничтожить все земные пристрастия». (Носители Духа. Сост: игумен Игнатий, А.И. Осипов. Издательство Сретенского монастыря Москва 2011. С.40.) Иначе говоря: чтобы жизнь была лучше после смерти, надо лучше умирать при жизни.

Взаимопроникновения жизни и смерти позволяют отнестись как к благу не только жизни, но и – к смерти, и это не просто в смысле эвтаназии, а шире и глубже. Тема живого и мертвого содержится и в моей поэме Заратустра по мотивам Ф.Ницше, в которой живой – это живущий в духе, мертвый – не живущий в духе. Такова же и христианская традиция: воскрешение из мертвых означает, что мы помогли человеку, не живущему в духе, начать жить в сфере духа. Аналогичный смысл превращения воды в вино: как пресный напиток выражает жизнь без духа, а вино – жизнь, как пьянящую радость бытия. Проникновение духа (точнее «святого духа») в душу есть процесс, называемый рождением бога, т.е. богородицей, или иначе: Христос воскрес. Жизнь в духе есть жизнь вечная, она же жизнь в боге, во Христе и символизируется хождением по воде. «Святой дух» есть синтез бытия и блага взаимопроникающих и взаимополагающих друг друга. Принимание этого синтеза в душу в массовом сознании называется верой. Вместе взятые: бытие, благо и их принятие есть христианский бог, а также, по сути – бог всех мировых религий. Проникновение духа в душу возможно при чистоте души (очищенной от грехов) и оно, как рождение новой мысли, вызывает радость обновления души и жизни, т.е. психосоматическое оздоровление. (В культуре это состояние

называется: «Богородице дева радуйся»). Очищенная от пороков душа выступает в качестве богородицы, т.е. непорочной деви Марии, а синтез бытия и блага – в качестве Святого духа, который как перерождающий душу есть бог-отец, а как перерожденная душа есть бог-сын.

Все мероприятия, проводимые православной церковью, служат очищению души, а подлинная цель православной церкви не просто приобщение к богу, а – рождение бога в душе прихожанина, человека. Специфика православия, среди других христианских конфессий, состоит в стремлении проникновения духа в душу на уровне подсознания и преобразование биологических инстинктов. В самом возникновении христианства поставлена цель: «...не отмена закона Моисея, а исполнение его». В этой связи св. Отец Игнатий (Д.А. Брянчанинов), отмечал, что надо бороться с пороком «...отрубать голову пороку, а путь к Христу начинается с познания своей греховности, и падения». Самопознание, при этом, существует на уровне понимания и рефлексии, которые определяют уровни психологии и рефлексии, обуславливая характер коммуникации.

В зороастрийской традиции смерть отсутствует, крылатое выражение зороастрийцев: «Еще никому не удалось умереть». Таково традиционное понимание жизни как жизни в духе, в мысли, и в этом свете декартовское «когито эрго сум» предстает как тождественное по смыслу «воскрешению из мертвых». Поэтому само выражение «смерть философа» – метафорично и воспринимается в контексте смерти метафизики, субъекта и автора. Зороастрийская традиция не только способствовала возникновению буддизма, христианства и ислама, но и – учения о воскрешении всех живших на Земле людей (Н.Ф. Федоров). И хотя христианство и ислам относятся к зороастризму как к язычеству и огнепоклонству, но при этом содержат в себе его традиции, например, в христианстве бог ассоциируется со светом, а святой дух – с языками пламени.

Синтез бытия и блага есть единство мысли и духа, а их отрыв друг от друга в религиозной традиции называют отходом ангела от бога, т. е. падшим ангелом, не имеющим самостоятельной основы. Максима духа (духовности) выражена в Махабхарате: «Ни один человек не может быть счастливым, если хоть один человек несчастен». Этот тезис – антипод равнодушия

современного поколения, о котором пишут святые отцы. Реальная историческая практика человечества и жизнь отдельного человека представляет собой колебания расхождений бытия и блага около их оптимального соотношения, определяющего ход истории. Многие разногласия и противоречия будут разрешены, если в религиозных текстах слово Бог сопровождать транскрипцией бытия и блага, а в переводах Корана слово «Аллах» заменить словом «Бог». Если атеистами выражение: «мир спасет Бог» воспринимается как наивное и подозрительное, то выражение: «мир спасет синтез бытия и блага» – как убедительное, а ведь это одно и то же.

Четыре философа внесли фундаментальный вклад в формирование понятия христианского бога: Парменид, Платон, Зенон и Августин Блаженный. Первый разработал понятие бытия, второй – блага, третий их синтез, а четвертый – обосновал необходимость принятия в душу этого синтеза как основания мысли, речи и поступка. Три вышеотмеченных признака и образуют понятие христианского бога, а без третьего – это бог эпохи эллинизма, которому близки боги иудаизма и ислама. В целом боги как элементы мифологии с возникновением философии превращаются в категории, а с появлением науки – в понятия. Боги сохраняются в культуре как элементы мифопоэтического мышления, на котором основываются и такие современные феномены духовной культуры, как искусство, философия и наука. Поэтому бог в отличие от идей и понятий воспринимается как личностный и человеческий, а переживание идей и понятий предполагает развитые интеллектуальные чувства, без которых они воспринимаются как словоблудие.

Формы смерти и ее осмысление обусловлены самоидентификацией на уровне понимания и рефлексии в познавательном и коммуникативном аспектах. Во внутреннем мире человека существует множество осмыслений своего «Я», включающего в себя и единство с благом (христианство), и единство с бытием (буддизм) на уровнях бестияльности, человека и сверхчеловека порождающую жизнь вечную. Таким образом, смерть есть переход от одного уровня самоидентификации к другому, а жизнь – переживание себя на одном из уровней.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИНТЕЗА ЕСТЕСТВЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Проблема человека становится не только ведущим стимулом теоретического осмысления взаимосвязи общественных, естественных и технических наук, но и главным звеном в разработке философских оснований этой взаимосвязи, выделения совокупности тех методологических и мировоззренческих аспектов, которые не могут быть выявлены из различных областей научного знания, а должны отражать интеграционные тенденции развивающегося взаимодействия. Этот процесс многокачественен, поскольку охватывает все стороны общественного бытия и общественного сознания и поэтому проникает в саму философию, открывая новые перспективы ее развития. В настоящее время в исследовании этой проблемы на передний план выдвигаются философско-методологические аспекты, обусловленные необходимостью синтеза понятийных систем различных наук, изучающих человека и природу. «Принципиально важно дать характеристику именно человеческой реальности в ее самостоятельном значении, то есть сущностном отличии от реальности социального и природного типа, но, вместе с тем, как неразрывно связанной с ними»¹.

В социальной антропологии XX в. (А.Р. Малиновский, Б.К. Рэдклиф-Браун, К. Леви-Стросс) отношения человека и общества трактуются как самовоспроизводящиеся презентативные связи, сущность которых состоит в их идеальности². Аналогично, в социальной синергетике (Бранский В.П., Пожарский С.Д.) развитие социума связывается с «законом самоорганизации идеалов»³. Понятие практики, связывающее между собой понятия идеального и природно-материального, способствует преодолению субъектно-объектного отношения как метафизической установки новоевропейского периода мышления в европейской культуре.

¹ Рабош В.А., Зайцев Д.Ф. Философия человека в современном философском образовании // Философия человека и современное образование. СПб, 2006. С.45.

² См. Брысина Т.Н. Социальная антропология. Ульяновск, 2013.

³ См. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Синергетическая философия истории. Рязань, 2009.

Закономерностью развития современного естествознания становится все большее включение антропологического фактора в его систему. Более того, на само построение естественнонаучной теории влияют характеристики человека как физического существа, т. е. способ включенности человека в природу, определяемый его физическими параметрами. В связи с этим настоящей потребностью исследования человека является процесс вовлечения в анализ самых различных, на первый взгляд кажущихся несовместимыми, областей современного научного знания.

Труд как конкретно-всеобщий процесс взаимодействия материальных объектов предстает в виде чувственно воспринимаемого, существующего в пространстве и времени процесса, т.е. как особенный процесс, имеющий тенденцию стать действительно всеобщим и развивающий в силу своих внутренних противоречий другие особенности процесса взаимодействия материальных объектов. В связи с этим можно констатировать не только планетарную, но и космическую функцию труда как универсального процесса взаимодействия, который синтезирует, объединяя в единое целое, все предшествующие ему локальные (особенные) формы взаимодействия материальных объектов. Воспроизводя их как наиболее необходимые условия своего бытия и развития, человек, тем самым, создает возможность логического воспроизведения всеобщих закономерностей развития материального мира.

Конкретный историзм воспроизводит не развитие вообще, а конкретно-всеобщую форму развития материального мира. Мир «может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы»⁴. Логическое отражение особенностей данной формы совпадает с определением развития в его всеобщем виде. Следовательно, теоретическое исследование человека в его саморазвивающейся сущности дает возможность понять развитие материального мира в его наиболее высокой форме.

Диалектика исторического и логического при исследовании человека находит свое отражение в методе восхождения от

⁴ Энгельс Ф. Карл Маркс. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С.497.

абстрактного к конкретному, который является развитием принципа единства исторического и логического. Восхождение от абстрактного к конкретному наиболее полно и всесторонне отражает как сущность, так и временную последовательность форм развития человека, в силу чего этот метод является как логическим, так и историческим. Формируясь на основе диалектического синтеза исторического и логического, данный метод представляет собой наиболее развитый и целостный метод познания человека. Метод восхождения от абстрактного к конкретному как наиболее развитый, являясь процессом диалектического синтеза «многих определений», представляет собой не исходный пункт, а результат развития теоретических методов исследования.

Научная теория человека представляет собой такую синтетическую форму знания, в которой все ранее полученные естественнонаучные и гуманитарные знания о человеке объединяются в единую систему⁵. Рассмотрение практики как универсального взаимодействия, обуславливающего сущность человеческого бытия, выступает методологическим обоснованием в исследовании социокультурной и научно-познавательной деятельности человека.

К.Маркс в анализе капиталистического общества исходил из товара как из клеточки (простейшей абстракции), поскольку товар выступал ведущей стороной противоречия в его отношении с человеком. Развитие общества преобразует эту исходную систему, в которой ведущей стороной становится человек.

Каково сходство и различие этих сторон в структуре общественного бытия? Ответ на данный вопрос тесно связан с ответом на другой – каково соотношение общественного бытия и производственных отношений? Человек выступает в разных качествах, которые следует различать (природное, производственное, социальное, духовное).

Для более строгого подхода необходимо выяснить логику, которая приводит к отождествлению способа производства и общественного бытия, и показать, в каком смысле оно возможно. Закон определяющей роли способа производства в развитии

⁵ См.: Назиров А.Э., Сафронов И.А. Философские основания единства научного знания о человеке // Естественнонаучное и социогуманитарное знание. Л., 1990.

общества как основной общесоциологический закон марксизма имеет различные аспекты: отношения базиса и надстройки, производительных сил и производственных отношений. Выделение в способе производства таких сторон, как производительные силы и производственные отношения, имеет смысл лишь конкретно в их отношении друг к другу как сторон диалектического противоречия. Когда же мы соотносим способ производства с надстройкой или общественным сознанием, то их противоположность становится относительной, она снимается в едином понятии, соответственно, базиса или общественного бытия. Какое в этом случае содержание остается от способа производства и, в частности, от производительных сил? Дело в том, что элементы производительных сил (трудящиеся люди с их навыками и средства производства) «входят» в общественное бытие и базис не наряду с производственными отношениями, а как их другая форма (т.е. как продукт труда, предмет обмена, распределения и потребления). Последние же есть не что иное, как превращенная форма тех же производственных отношений. Существенно отметить, что эти элементы относятся к общественному бытию не как природно материальные (иначе общественное бытие было бы тождественно природному), а как общественно материальные (Например, здание не как каменное, а как продукт труда, предмет потребления; аналогично человек – не как природное, а как общественное существо). В качестве элемента производительных сил человек выступает лишь тогда, когда он сам является продуктом труда и, в условиях отчужденного труда, – предметом обмена и потребления.

Возражения в марксистской философии по поводу отнесения к общественному бытию лишь производственных отношений ссылкой на то, что остается структура без элементов, т.е. без производительных сил, несостоятельно, поскольку и производительные силы вошли в это понятие, но как превращенная форма тех же отношений. Уточнение содержания понятия «общественное бытие» следует искать не в отношениях, выходящих за пределы производственных, а в более строгом анализе последних как на общественном, так и на индивидуальном уровнях.

Сходные затруднения возникают в понимании надстройки. Существуют различные мнения о природе общественных идей и

их соотношении с идеологическими отношениями. Нередко встречаются утверждения, что политические идеи отражают политические отношения, соответственно, правовые идеи – правовые отношения, мораль – нравственные отношения и т.д. Кроме того, из неоднозначности понимания общественного бытия вытекает различие взглядов на содержание и формы общественного сознания. Само понятие «общественное» применительно к сознанию употребляется в разных смыслах (продукт общественной деятельности, отражение общественного бытия, отношение с индивидуальным сознанием), что само по себе вызывает известную полисемию. В первом смысле всякое сознание является общественным как продукт развития общества, в третьем – отношение общественного сознания с индивидуальным обусловлено общественным и индивидуальным бытием. В центр внимания возьмем второе значение.

После того как разграничены понятия природно-материального и общественно-материального, необходимо аналогично разграничить два вида сознания: отражающего природное бытие (естественные науки) и – общественное бытие (общественные науки). Взаимосвязь этих видов сознания порождает третий вид – технические науки, отражающие способ воздействия человека на природу.

Отношения внутри способа производства между производительными силами и производственными отношениями есть материальное взаимопроникновение природы и общества. Часть природы, с которой взаимодействует общество и которая входит в структуру производительных сил – это предмет труда. Под воздействием орудий труда он преобразуется и приобретает новые свойства (способность удовлетворять потребности, быть предметом обмена и распределения, т.е. способность включаться в общественное взаимодействие, стать элементом общественного бытия). Однако качество предмета обладает лишь относительной самостоятельностью, независимостью от природного материала.

Развитие товарно-денежных отношений реализуется как разрешение противоречия между абстрактным и конкретным трудом, между стоимостью товара в ее денежном эквиваленте и потребительной ее стоимостью, определяющей способ бытия человека. Если ведущей стороной этого противоречия является конкретный труд, то он создает такую потребительную

стоимость, которая служит средством развития человека. Здесь обнаруживается новая закономерность – поскольку в процессе потребления производится сам человек, постольку потребление, оставаясь вторичным по отношению к производству, в каком-то смысле выступает производством более высокого порядка (производством человека), чем производство вещей.

Закон возрастающих затрат на средства производства для производства средств производства в сравнении с затратами на средства производства для производства предметов потребления специфически действует в условиях научно-технического прогресса. Наблюдается резкое возрастание стоимости и цен на современное оборудование, обеспечивающее технологические процессы. И наряду с этим повысилась зависимость решения экономических задач от гражданских, нравственных качеств, профессиональной подготовки человека при его работе с весьма сложной и дорогостоящей техникой.

Развитие общества подошло к рубежу, при котором дальнейший экономический прогресс становится невозможным без резко возрастающих затрат на самого человека. Эта новая закономерность, отражающая современный этап развития экономики, обнаруживает себя в том, что недостатки в реализации социальной политики становятся тормозом социально-экономического развития. Так, забота о социальной сфере является мощным фактором совершенствования экономики.

Переход от классической экономической теории Рикардо и Смита к экономической теории Маркса связан с введением в теорию нового конструкта, обеспечивающего симметрию между стоимостью произведенного продукта и стоимостью заработной платы – прибавочной стоимости⁶. Методологические особенности построения экономической теории социальной сферы обусловлены обращением соотношения средств и целей способа производства при переходе от экономического аспекта практики к социальному. При этом товар становится средством, а

⁶ Подобный метод введения новых идеализированных объектов в теорию современной физики называется методом калибровочных полей. С их помощью реализуется переход от глобальной симметрии к локальной, обусловленной обменом частиц на более глубоком уровне сущего.

производство человека – целью.

Время, затрачиваемое на общественно-необходимый труд, как мера стоимости, заменяется свободным временем, как условием свободного развития человека. Последнее включает в себя потребность в труде по производству товаров, и в этом реализуется тождество производства и потребления.

Развитие экономической теории в XX веке столкнулось с пониманием конечности географической среды как предмета труда и с дискретностью процесса труда, а, следовательно, стоимости. Эти особенности современной экономической теории напоминают релятивистские и квантовые принципы неклассической физики и свидетельствуют о неклассическом характере современного экономического мышления. Его неклассичность возрастает в социальной сфере с нелинейной зависимостью результата от процесса вложений в человека. Недостаточность традиционного экономического мышления в социальной сфере проявилась в практике эксплуатации энергоресурсов в последние годы

Нелинейность, открытость и когерентность (взаимозависимость) системы отношений человека и производственного процесса позволяет судить о ней как о самоорганизующейся системе, описываемой средствами синергетики. Это обстоятельство обнаруживает недостатки использования классического логико-математического анализа, включающего методы вариационного исчисления, использованные Канторовичем.

Превращение человека в цель общественного производства – сущность экономики социальной сферы, и введение этой сущности как нового конструкта в теорию обеспечивает «симметрию» на более глубоком уровне. Учитывая вышесказанное, можно полагать, что более адекватной формой описания этих процессов может служить теория нечетких множеств. И если в физике для адекватности описания калибровочных полей используется математическая теория расслоенных пространств, то не исключено, что для описания неклассических экономических объектов потребуются топосы с более сложной структурой.

Экономическая теория социальной сферы способна выступить в качестве научного основания социальной политики и

методологической основы построения социально ориентированного государства. Без научно-теоретического обоснования социальной политики попытки перестройки общественной жизни на приоритеты общечеловеческих ценностей останутся утопическими. Современные научно-технические инновации могут рассматриваться как средство превращения человека в цель общественного производства, предполагающей переход сервисной сферы на новый качественный уровень.

Эффективная социально-экономическая политика зависит от синтеза различных политэкономических концепций. Первая – классическая теория А. Смита и Д. Риккардо исходит из того, что конкурентная рыночная система саморегулируется. Рыночная конкуренция ограничивает развитие потребностей, способностей и мышления человека, а общественная собственность порождает иждивенчество, экономическое рабство. В условиях неравновесности экономика не сводится к оптимизации деятельности «экономического человека», и теория должна учитывать закономерности группового поведения, роль производительных сил и государства. Вторая – марксистская, основанная на идее прибавочной стоимости, в основе которой лежит общественно необходимый труд, создающий стоимость, а иные формы деятельности лишь перераспределяют произведенный продукт по законам обмена. Третья – кейнсианская, согласно которой государство через реформы создает механизмы экономического роста, систему общественных работ, бюджетного финансирования, переподготовки кадров. Четвертая – институционально-эволюционная рассматривает экономику как подсистему общества наряду с другими подсистемами. При этом экономический рост предстает средством повышения качества жизни и творческой активности людей.

Методология социально-экономического развития должна опираться на синтез экономических концепций и определять курс реформ, направленных на перевод России с ресурсно-сырьевой модели экономики на инновационную модель. Последнее предполагает развитие приоритетных направлений модернизации экономики: энергосбережение, космические и ядерные технологии, новейшие исследования в области медицины и информатизации общества. Реализация этих направлений обещает

инновационный прорыв в нашем воспроизводстве и формирует стратегию инновационного развития до 2020 г.⁷.

Нобелевская премия по экономике 2002 года получена за теорию ограниченной рациональности, исходящей не из представлений об оптимальности экономического поведения человека, а из идеи иррационального поведения при совершении покупок⁸. Даниел Канеман, один из основоположников психологической экономической теории и поведенческих факторов, в которых объединены экономика и когнитивистика, для объяснения иррациональности отношения человека к риску в принятии решений и в управлении своим поведением знаменит своей работой, выполненной совместно с другими авторами, по установлению когнитивной основы для общих человеческих заблуждений в использовании эвристик, а также для развития теории перспектив. В работе, отмеченной нобелевской премией 2015 года, исследованы взаимосвязи финансового состояния человека и состояния его здоровья, потребления, бедности и благосостояния. Англо-американский экономист Энгус Дитон стал лауреатом Нобелевской премии по экономике за 1915г. Для формирования экономической политики, способствующей благосостоянию и снижающей бедность, необходимо понять, как делают выбор отдельные потребители. Актуальными стали исследования в области кадровой экономики, которые включают в себя разработки новых моделей мотивации сотрудников в увеличения и производительности труда, в области экономической неустойчивости, в области неоднородности фирм в международной торговле. Постнеклассическое мышление в перспективах развития экономической теории проявляется в учете роли иррациональных потребностей человека в экономических процессах.

⁷ .См.: Сидоров А.И. Потенциал Вольного экономического общества России – на пользу регионам // Общество - среда – развитие. №4(21)'11. СПб. 2011.С. 20-24.

⁸ См., Харегад, Р.М., Зельтен Р. . Модели ограниченной рациональности:: пути достижения интеллектуальной конкурентоспособности. // Вопросы экономики №5 , 2014 ..

ОЧКИН Владимир Леонидович

Философ, специалист в области марксистской философии, поэт.

Родился 17 мая 1936 года в Пензе. Окончил философский факультет Московского ордена Ленина и ордена Трудового Красного знамени государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности «философия» с присвоением квалификации – «философ» (1959), аспирантуру при кафедре философии Казанского госуниверситета им. В.И. Ульянова-Ленина (1964).

В 1964–1968 годах – преподаватель кафедры философии Уральского государственного педагогического института им. А.С. Пушкина. В 1968–2012 годах – преподаватель Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского (ученое звание доцента (1993)).

Особые научные интересы – это проблемы: 1) гносеологической роли эмоционально-конативной чувственности; 2) закономерности развития и формирования личности коммунистического типа («богатого человека», по Марксу); 3) смысла и значения критического и полемического характера марксизма; 4) сущности и следствий «идеологизма» (Маркс) философствующего сознания и мышления; 5) методологической роли диалектико-материалистических категорий идеального и идеала в мышлении и осознании человеком бытия и себя самого; 6) основных (идеологических, политических, экономических) причин поражения социализма в СССР и всемирно-исторических последствий этого краха, и т.д., и т.п.

ПОЛЕМИКА – ИДЕАЛЬНАЯ И РЕАЛЬНАЯ

3.1. *Так потерпел ли Ленин поражение? Или – нет?!*

*Размышлизмы вокруг и около проблемы,
заявленной в статье В.Г. Арсланова.*

*«...Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Её страстей и заблуждений...
Его преследуют хулы :
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья...
И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых...»*
Н. А. Некрасов

В блестящей статье – послесловии В.Г. Арсланова к книге М.А. Лифшица «Диалог с Эвальдом Ильенковым», мое сознание царапнула и зацепила мысль автора о якобы «понесенном Лениным поражении». Она контрастировала, по моему ощущению, со всем основным содержанием «Диалога» и арслановских к нему комментариев подобно тому как, скажем, выглядело бы темное пятно сомнительного происхождения на белой свежeweымытой сорочке. Этот диссонанс вынуждал задуматься повнимательнее: что бы сие значило? как это понять? можно ли это принять? и т.д. Ведь одно дело, когда оголтелые или скрытые антикоммунисты всех мастей трезвонят с вожделением («когда от близости спасенья уже кружится голова», как пелось в известном фильме) о безусловном «крахе» коммунизма, вкупе со всеми «зловредными и утопичными» идеями его отцов-основателей, о «духовной смерти» Маркса и Ленина, о том, наконец, как рыжие прихватизаторы лихо «забили последний гвоздь в гроб коммунизма» и т.д. и т.п. Это вполне закономерное и симптоматичное проявление классовой ненависти и страха социальных паразитов, вампиров, империалистических и

бандитских хищников всех мастей и их идеологической обслуги перед лицом грозящей им опасности от их смертельного врага – мирового коммунистического движения. Сам факт подобных заклинаний есть невольное признание мощи и жизненности противника. Будь он в самом деле побежден и обезврежен, разве бы они голосили столь настырно и рьяно о его поражении и гибели?! И разве это не признак слабости как раз – считать врага побежденным, победив его лишь в своем воображении? Так что все эти вражеские «констатации» и «прогнозы» о летальном исходе для коммунизма – всего лишь декларации о намерениях и своего рода грозные предупреждения коммунистам, о чем они не должны никогда забывать как про «классовую правду классового врага» (В.И. Ленин).

Однако важно не только *что* говорят, но, бывает, ещё важнее и *кто*, и *как* говорит. Поэтому-то совсем другое дело, когда ученик и, так сказать, душеприказчик такого марксиста божьей милостью как М.А. Лифшиц, вдруг заявляет вполне определенно, хотя и с философскими оговорками и тонкостями: «Ленин, безусловно, потерпел сокрушительное поражение... Да, Ленин потерпел поражение,... Истинную неудачу.... *удалось* потерпеть Ленину», и т.п. Я сознательно вырвал эти высказывания из контекста, ибо именно так, скорей всего, будут их использовать и трактовать (если прочтут данный текст, разумеется) оппоненты и прямые враги Ленина, равно как и «проницательные читатели», если воспользоваться ироническим термином Чернышевского. Автор потом может жаловаться и разъяснять, что он совсем не то имел в виду, что ему приписывают... Но дело (а *слово* и есть сегодня наше дело!) сделано, и слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Но даже и не в оппонентах дело. Как сказал бы сам Ленин, надо привыкнуть к тому, что добросовестность оппонентов – редкое исключение. Главное здесь в самой сути проблемы: действительно ли потерпел поражение Ленин (а стало быть и всё то социально-историческое движение, личностным воплощением, идеальным олицетворением которого он является)? И если *да*, то в каком смысле это следует понимать и какие следствия из сего проистекают? И сходным образом – если *нет*, ибо грандиозный факт развала СССР, разгрома КПСС, дискредитации идей коммунизма и марксизма-ленинизма, факт реставрации

капитализма в России (какого-никакого, как его ни называй: бандитским, компрадорским, а то и просто «кафеорабизмом», по чьему-то остроумному выражению), факт идеологического и идейно-психологического разброда и шатания в коммунистическом и левом движении, и т.д. – эти факты или система фактов вопиет, что называется, и вроде как говорит сама за себя, именно и «поставляя» ныне аргументы на потребу врагам и оппонентам коммунизма.

Россия сегодня вновь, как и в начале прошлого века, можно сказать по аналогии, воплощает в себе в «снятом», идеализованном виде главный узел, своего рода «микромодель» и вместе с тем ключевое звено в цепи основных противоречий современной эпохи, её суть как *«целого»*, т.е. выступает как то, что индивидуализированно, «оединиченно», как сказал бы Гегель, выражает «дух самих вещей». Или, если воспользоваться выражением молодого Маркса, «здесь самый род выступает как нечто существующее, и поэтому в отношении других форм существования, не соответствующих своей сущности, он сам выступает как *особый* вид». В подобном понимании диалектики общего и отдельного, части и целого, современная Россия, таким образом, обнаруживает себя как некий «микрокосм», выражающий на свой лад, в своем «лице» и на своем примере главный, гамлетовский вопрос глобального «макрокосмоса» – всемирного процесса развития человечества. Потому-то и вопрос оценки судьбы и значения Ленина и ленинизма правомерно встраивается в самую суть всемирно-исторического вопроса о грядущей судьбе («конце»?!) истории «планеты людей», о перспективных возможностях реализации коммунистического идеала, в особенности. Идеала, разумеется, в том смысле, в каком это специально оговаривали авторы «Немецкой идеологии, т.е. не как *«состояния»*, которое еще только «должно быть установлено» и с которым почему-то уже «должна сообразовываться действительность», а как *«действительного»* движения, которое уничтожает теперешнее состояние». В контексте обозначенного всеобщего вопроса современности и должен в полном своем объеме и историческом смысле, по-моему мнению, анализироваться и решаться вопрос о Ленине, об его идейном наследстве, о значении для всего комдвижения опыта его борьбы, побед и «поражений», уроков всей его жизнедеятельности

(вспомним в этой связи, кстати, воспроизведенный Арслановым совет М.А. Лифшица насчет того, что по отношению к Ленину необходимо «приучить себя к тому, что теория величайшей ценности заложена здесь в самой «невидной», практической форме»). Иначе говоря, если вопрос о «поражении» (или все-таки «победе»?!) Ленина все же и рассматривать как отдельный, автономный, «частный», то непременно на основе той ленинской рекомендации, согласно которой тот, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы. А натывать слепо на них в каждом частном случае значит обрекать» (перефразируем дальше ленинскую мысль применительно к данному случаю) свой анализ вопроса «на худшие шатания и беспринципность». Я говорю здесь, конечно, тривиальности, уповая, однако, на правоту полуиронического замечания Бернарда Шоу, что ничто так не сближает людей как вовремя сказанная банальность. Ну, в самом деле, разве это не тривиально, что мысль, будто «Ленин, безусловно, потерпел сокрушительное поражение», взятая безоговорочно, влечет за собой потенциально, в рамках известной логики, столь вожделенную для всякого антиленинца, антикоммуниста, антимарксиста мысль о «сокрушительном поражении» коммунизма и марксизма вообще? Это, конечно же, прекрасно понимал и сам Арсланов, заявляя о ленинском «поражении». И значит мы возвращаемся к вопросу, как сие понимать и согласовать с самой сутью «позитивного марксизма», в смысле Ленина и Лифшица, да и Арсланова тож. Ибо, как говорится, «коготок увяз – всей птичке пропасть». А тут нужна ясность и четкость.

Из чего следует вывод о «поражении Ленина»? «Непосредственно, по-видимому, судя по тексту Послесловия, вот из чего: «К концу XX века в России окончательно, кажется, победил «чумазый», хам... Созданное Лениным государство лежит в руинах, а его идеи привлекают, кажется (именно всего лишь «кажется», а не *есть* – В.О.), ныне только явных или неявных экстремистов-маргиналов». Наконец, и сам-то Ленин, мол, «предстает ныне величайшим нигилистом и разрушителем всех времен и народов, затмившем Чингисхана, настоящим дьяволом *in persona*». Чьи же это аргументы? Самого Арсланова

или, все же, скорее, ленинских «врагов суровых», столь щедрых на «хулу», беснующихся, посредством продажных СМИ, «в диких криках озлобленья», по всякому поводу «клеймить готовых» благородного гения, обличителя их «толпы, её страстей и заблуждений»? Вопрос, судя по всему, риторический. Характерно уже само это повторяющееся «кажется». Окончательно ли в России победил «чумазый» или это только «кажется» всем тем, кто этого уж очень жаждет? Действительно ли ленинские идеи привлекают ныне только явных или неявных экстремистов-маргиналов или так только «кажется» прежде всего именно тем, кто страстно эти идеи ненавидит и массового их усвоения и реализации больше всего на свете боится? Так не ясно ли, что не может единомышленник Лифшица принимать в качестве истинных подобные мифы и упования буржуйского сознания?! Или, тем более, клеветническую демонизацию («дьяволизацию») ленинского образа, изготовленную в основе своей,— полезно сегодня это вновь вспомнить, — еще во времена величайшей революции XX века. Старый это приём: не можешь одолеть *идею* — опорочь её *автора*! Старый, но всё заново применяемый.

Так что с этими аргументами получается тот анекдот, что исходят-то они явно из антиленинского лагеря, а отнюдь не из самой объективной действительности во всей её целостности. Стало быть, и подкрепляемый подобными аргументами тезис оказывается, вроде как, того же вражеского окраса. Но, как известно, никто не может быть авторитетным судьей в том деле, в котором задействован его насущный интерес. Так откуда же следует в рассматриваемом нами деле эта декларируемая Арслановым «безусловность» того «сокрушительного поражения», которое якобы «потерпел» Ленин? Из факта развала, распада СССР? Из нынешнего трагикомического положения России и постсоветского «пространства»? Но, заявляя о том, что «созданное Лениным государство лежит в руинах», нужно, если подумать по-хорошему, как раз паки и паки разбираться конкретно в том, прежде всего, рухнуло ли именно *ленинское* государство? Или, напротив, это государство именно потому ныне и «лежит в руинах», что перестало быть *ленинским* в сути своей? Т.е. при сохранении внешней, вроде бы ленинской, формы, утратило, в главном, свое подлинно ленинское содержание. Как в схожих случаях говаривал Ленин: по форме правильно, а по

существованию издевательство. Так не есть ли это некоторым образом *доказательство от противного* именно ленинской правоты, проявление победы *его идеи* социалистического государства в её основе, а вовсе не показатель «сокрушительного поражения» или «неудачи» Ленина? И не то же ли самое можно сказать и по поводу современной очевидной деградации России и иных республик бывшего СССР, обусловленной действием разрушительных псевдореформ под флагом *антикоммунизма!* А в качестве *прямого доказательства* не следует ли привлечь современный опыт Китая, Кубы, Вьетнама, КНДР? Да и вообще все те случаи, когда отставшим в социально-экономическом развитии странам приходилось под формой социализма создавать те посылки цивилизации, которые не доделал в их истории их недоделанный капитализм. Как это и было в России в XX веке.

В противовес своим вышеприведенным оценкам сам же Арсланов и отмечает справедливо: «В то же время Ленин оказался прав – история России в XX веке может быть верно понята только как процесс «иногo перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех основных западноевропейских государствах». И далее, повторив, как догму: «да, Ленин потерпел поражение», он, вместе с тем, верно, по сути, констатирует: «но его поражение было платой за прорыв «порочного круга», за созидание нового мирового состояния, тогда как тотальный нигилизм ведет к углублению кризиса, замыканию в полной безнадежности «ничто» (т.е. как раз, согласно логике, к окончательному поражению антиленинизма?!). Получается, в итоге, что декларируемое ленинское «поражение» оказывается всего лишь «платой» (а бывает ли что-то без платы?), своего рода «ценой» (вспомним: «мы за ценой не постоим!») за достижение фактической *победы?!* Ибо как иначе расценить «прорыв «порочного круга», и «созидание нового мирового состояния», и «создание основных посылок цивилизации» в отсталой стране бывшего периферийного капитализма?! Как *победу*, конечно, даже пусть и частичную, неполную, хотя бы в том смысле, в каком М.А. Лифшиц писал, что «если на другой день после Октября не совершилась мировая революция, которую иступленно ждали массы среди гражданской войны и разрухи, то совершилась мировая реформа, и это было побочным результатом неслыханных жертв, принесенных нашим народом для общего

дела социализма».(Мих. Лифшиц. Собр.соч. в 3-х томах, т.3. М. 1986, с.256). А ведь кроме этого «побочного результата» существовал ещё более 70-ти лет и *прямой результат* великих подвигов русского народа под руководством Ленина, а затем его ученика – Сталина: победа в Октябре и в гражданской войне, создание второй по мощи на планете сверхдержавы, победа в Великой Отечественной войне и в послевоенном, поражающем воображение (особенно на фоне срама нынешнего псевдореформаторства), восстановлении страны и т.п. И разве неправ был Лифшиц, утверждая вслед за поэтом: «*То, что жизнью взято раз, // Не в силах рок отнять у нас*»?! И формулируя в связи с этим «общий закон — закон перехода из содержания в форму, которая, в свою очередь, становится условием всякого дальнейшего конкретного развития»?! Если же все эти титанические свершения, всё созданное творчеством сотен миллионов трудящихся социально-культурное богатство советской истории, вкупе с бесценным практическим и теоретическим опытом достижений и неудач, открытий и ошибок, поражений и побед и т.д., квалифицировать как «сокрушительное поражение» или «истинную неудачу», то в русле подобной логики, пожалуй, и вся многовековая история человечества подпадает под такие же нигилистические оценки. Ведь в самом деле, не заслуживает ли вся всемирная история сегодня весьма обоснованной пессимистической оценки как «автобиография сумасшедшего» (А.И.Герцен), как мир «практического безумия» (К. Маркс) и тому подобных определений исконной «дефектности» и «поражения разума», поскольку, при всем видимом историческом прогрессе, перед человечеством реально встала ныне перспектива либо глобального «нового», дескать, то ли «средневековья», то ли, скорее, «рабовладения» под «железной пятой» всемирной финансовой олигархии, либо вселенского «харакири», апокалипсиса в той или иной форме. Технологических возможностей для этого теперь более чем достаточно. Третьего нам, *квасисапиенсам* (по ироническому замечанию Герцена, отнесение человека к роду *sapiens* – всего лишь дерзкая шутка Линнея), как говорится, не дано в том безнадежно гипотетическом случае, если и в самом деле Ленин (читайте: коммунизм) “потерпел сокрушительное поражение”, причем, “безусловно»?!?, или, говоря определеннее,

окончательно, раз и навсегда! Но по верному замечанию самого же Арсланова, “одно дело, если все человечество рухнет, подобно башням Нью-Йорка, или другое, когда виновники провокаций, войн, развращения и оглупления населения – окажутся, в соответствии с мерой своей вины, на скамье подсудимых”. И как в последнем случае оценить пресловутое ленинское «поражение» нам, если этот «вариант» всемирной истории может осуществиться гарантировано только в случае безусловной, полной и глобальной *победы Ленина* и Дела, которому он посвятил и отдал свою жизнь. По сути своей, заметим справедливости ради, подобное же направление мыслей на каждом шагу обнаруживается и во взятом в его цельности тексте самого Арсланова. Так, по его словам, Ленину, с выдвинутым им, как главой советского государства, девизом: «союз со всеми антифутуристами (читайте: антিনিгилистами)», принадлежит развитие и осуществление того «позитивного марксизма», который и составляет «суть, сердце того, что на самом деле говорил Маркс». Интересное опять-таки получается «поражение»: куда как плодотворнее иных «побед», тем более «пирровых», вроде, скажем, «победы» ультралиберализма в России, обрушившей великую державу в «третий мир»! Нечто схожее, еще раз отметим, утверждает в других местах своего текста и сам Арсланов, говоря, в частности, о таких «неудачах», которые выше иного успеха и даже способны выступать для того, кому *повезло* их иметь, как «парадоксальное счастье». Не подобную ли «истинную неудачу», трагическую и величественную, которая выше, богаче человеческим смыслом «победы», скажем, неолиберализма, и *удалось* потерпеть Ленину?! И России в XX веке, вернее той ее части, которая дала импульс социализму и вынесла на себе все его и трагические, и героические последствия. Но и здесь, все же, вновь имеем закавыку: что же, – спрашивается – ничего кроме «трагических последствий» так-таки и не было в России XX столетия? Как-то уж очень это созвучно с опостылевшими лицемерными воплями дерьмократов о «черной дыре» советской истории, «царстве репрессий» и т.п. Так, может, нам вообще в этой проблеме следует вооружиться логикой поэтической формулы: *«Другие по живому следу // Пройдут твой путь за пядью пядь, // Но пораженья от победы // Ты сам не должен отличать»?* Слишком уж семантически и

прагматически релятивны, требуя каждый раз конкретного осмысления и оценивания, сами эти объективные феномены *победы* и *поражения*. А с другой стороны, слишком уж велика, в силу их практической значимости для человека, тяга к их субъективистскому истолкованию и выгодному для *толкователя* оцениванию. Вместе с тем, разве неправ был древний мудрец, утверждая, что временная неудача (*поражение* тож) лучше временной удачи (сиречь *победы*). Уместно вспомнить и ленинскую, не раз им повторявшуюся мысль: «именно великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастьи. Разбитые армии хорошо учатся». Всё это так. Более того, «с точки зрения вечности», как говорится, в «метафизическом», так сказать, смысле все наши *поражения* и *победы* едина суть, как еще Гераклит толковал во время оно. Но локально-то, конкретно-практически, разница их столь велика, что не случайно оплачивается нередко миллионами и миллионами человеческих жизней, массовыми проявлениями героической духовности и самыми удручающими явлениями бездуховности, вроде тех, что, по Марксу, представляют собой «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души – фурий частного интереса». Но, повторим, есть «победы» и *победы*, *поражения* и «поражения». Дифференцировать надо, как сказал бы учитель Арсланова.

Вот и автор Послесловия с осязательным пафосом констатирует, что Ленин, поставив все, что имел, на Ничто: мировую революцию, казавшуюся невероятной его оппонентам, *«победил»* (выделено мной – В.О.), получив мощное встречное движение самой реальности... Ленин превратил анонимный дух вещей в моральную силу миллионов, в их сознательные действия, творящие новый мир – и новую мировую ситуацию. Пройдя между двумя жерновами («с одной стороны, социализм – единственный путь развязывания узла времени, с другой – «бесспорное», по признанию Ленина, положение, что Россия к социализму не готова. Каждая из этих истин перемальвает, как жернов – так это поясняет Арсланов, – но безвыходность стала *выходом*. Вот оно недостающее звено в логической цепочке классиков марксизма – «заем у

бесконечности», то есть опора на мир как *целое*». На этой основе и стало возможным то, что и сам Ленин был склонен именовать «чудом» и что на самом-то деле было результатом как его собственной «напряженной и неустанной идейной борьбы», так и героического революционного энтузиазма авангарда угнетенных масс, их отчаянной решимости в борьбе за власть Советов (вспомним-ка ключевые слова знаменитой песни: «... и как один умрем в борьбе за это»). При этих условиях сама полная безвыходность положения, в котором очутилась страна, «удесятеряя тем силы рабочих и крестьян, – цитирует Арсланов слова Ленин – открывала нам возможность *иного* (выделено Арслановым – В.О.) перехода к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах». В этом направлении срабатывает и то, что Ленин называл неоднократно «*моральной силой*», анализируя причины *победы* в Гражданской войне. Вопрос этот глубоко был изложен М.А. Лифшицем в его особо актуально звучащей ныне статье «Нравственное значение Октябрьской революции» и рассматривается в этой связи также Арслановым. Последний при этом констатирует, что «в бессмысленном кошмаре, какой представлял собой мир накануне революции, возникло совершенно новое объективное качество – сила сплочения миллионов, которая оказалась способна *победить* (выделено мной – В.О.) пушки и танки». А затем, также, – если продолжить эту мысль, – преодолеть (*победить!*) разруху и развал в «обессиленной, взбаламученной», разоренной и покалеченной войнами и смутой стране и вековую её отсталость, и её «*Барство дикое без чувства, без Закона*», как и всё то вообще, что и сделало царскую Россию перед революцией фактически полуколониальной страной. Причем, все эти победы, проверенные на прочность в самой страшной, беспощадно истребительной войне, основанное Лениным государство и народ советский завоевали – напомнить об этом сегодня, когда «*грядущее опоры лишено, // Прошедшее поругано жестоко*» (Н.А. Некрасов)», отнюдь не лишне – находясь фактически в положении «осажденной крепости», под постоянной угрозой нападения извне, равно как и вполне реального предательства, коварной, скрытой измены и саботажа изнутри. (А перестроечно-реформаторские перипетии весьма осязаемо всем продемонстрировали реальную роль и смертельную опасность как невольного, так и сознательного

предательства). Так что великие Победы советской эпохи вдвойне дорогого стоят, ибо не по «Невскому проспекту» истории марш эпохи этой проходил.

Так когда же случилось с Лениным (если случилось—таки в самом деле) то, что квалифицируется Арслановым (и теми, кто в этом с ним согласится с восторгом, может быть) как «поражение» и «неудача» Ленина и иже с ним? Не тогда ли, когда объективный «дух вещей», «разум» мира, взятого «как целое», главенствующий «ветер истории»(Лифшиц) ухитрились запрячь в свою бесовскую работу как раз антиленинские, антикоммунистические силы империализма и иудушек всех мастей, а моральная сила коммунистического движения, советского образа жизни была растрочена, глупо, попусту и дискредитирована всеми этими – послесталинскими особенно – не по уму усердными, самодовольными псевдоленинцами и приспособленцами? Вспомним на сей счет мудрое предостережение М.А.Лифшица (тридцатисемилетней давности, кстати сказать): «...моральная сила имеет свое объективное содержание, только более всеобщее, безусловное, чем простое количество материальных средств, брошенных на чашу весов. Моральная сила есть отношение историческое, классовое. Но все же это величина, которая может расти, которую нужно беречь как зеницу ока, ибо ее можно растратить попусту, зря и совсем потерять. А заменить эту великую драгоценность ничем нельзя – ни богатством, ни хитростью, ни оружием. Без не все это будет не к добру» (там же, с.257). Увы, именно согласно такому чисто гипотетическому, как казалось тогда, а на деле кассандровски пророческому, предупреждению и случилось, в конце концов, то, чего более всего опасался Ленин: квазикоммунисты вконец опорочили и «победили» коммунизм, как бы стремясь всячески доказать вместе с тем, что «наш народ совершенно безнадежно народ дураков». Пока что им это весьма удается, к несчастью. Не это ли и следует рассматривать как «сокрушительное поражение» и «истинную неудачу» Ленина, по Арсланову?! Однако, разве не сам же Ленин не раз предостерегал народ и соратников о подобной опасности перерождения становящегося «коммунизма» и указывал на те или иные меры предупреждения и преодоления такой опасности? Так можно ли возлагать на него вину и ответственность, считать его «поражением» то, что *после его*

смерти продолжатели его дела оказались недостойными его, оказались далеко не на высоте своего призвания, а то и вольными-невольными предателями его?! Разве ж предки виноваты, что потомки глуповаты, а то и подловаты?! Валить всю вину на мёртвых – благородно ли это? «Нет ничего более легкого, как наслаждаться по всякому поводу своим моральным совершенством; всего легче делать это по отношению к мертвым» – писал молодой Маркс в своих «Тетрадах по эпикурейской философии» (МЭС, т.40, с. 117). Хочется в этой связи напомнить еще одно справедливое рассуждение истинного марксиста: «нет ничего страшнее карикатуры на истину, нет хуже насмешки, чем усердие ее мнимых друзей. Однако дурное применение истины, по верной мысли Белинского, не есть аргумент против самой истины; такой аргумент не имеет никакого значения по крайней мере для самостоятельной трезвой мысли. Марксизм не отвечает за вульгаризацию его идей, так же как христианство не отвечает за тупость богословских споров, а Просвещение в лице Дидро или Чернышевского не отвечает за плоские речи госпожи Кукшиной, эмансипированной дамы из романа Тургенева «Отцы и дети». Все великие идеи подвергались вульгаризации, и это само по себе может служить косвенным доказательством их общественного значения.... Конечно, вакцина против вырождения великих идей существует, и только в рамках старой классовой цивилизации победа плоскости неизбежна. Развитие социалистической демократии единственное средство против всякого догматизма и оскудения мысли» (Мих. Лифшиц. Мифология древняя и современная. М. «Искусство». 1980. С. 556, 557). Применяя данный подход к рассматриваемой проблеме, мы обоснованно приходим к тому выводу, что подобным же образом можно сказать: 1) Ленин не потерпел какого-либо итогового поражения *при жизни*, ибо всегда добивался того, говоря словами Энгельса (о Наполеоне), «что даже временное поражение выглядело как операция, способствовавшая окончательной победе»; 2) Ленин не отвечает за то временное поражение, которое потерпело коммунистическое движение в лице СССР и «советской» (тем более псевдосоветской – на определенном этапе) формы социализма, как и за всё то, что выдавалось под его именем, отнюдь не соответствуя сути и смыслу его идейного наследия. Верно сказано: «не всякий, кто говорит: «Господи! Господи!»,

войдет в царствие небесное». Ибо «много званых, да мало избранных»! 3) Если же трактовать ленинское «поражение» в смысле некой «трагической», «метафизической» вины или вышеупомянутой «истинной неудачи, трагической и величественной», то это, повидимому, неизбежная судьба всех тех великих деятелей в истории, которых Плеханов, вслед за Карлейлем, называет «начинателями». «Великий человек является именно начинателем, – писал Плеханов – потому что он видит *далее* других и хочет *сильнее* других». Но он «не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом – все его значение, в этом – вся его сила. Но это – колоссальное значение, страшная сила» (Избр. филос. произв. в 5 т., т.2. Госполитиздат. М. 1956, с.333). Эта-то сила и страшит, как Немезида, защитников пережившего себя порядка и хода вещей, против которого выступает *героиничный начинатель*, неминуемо вызывая на себя жгучую ненависть всех тех, кому он мешает жить, как им хочется. «Владимир Ленин – по выражению Горького – был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто до него не умел сделать это». Оттого-то и «ненависть мировой буржуазии к нему обнажено и отвратительно ясна, ее синие, чумные пятна всюду блещут ярко. Отвратительная сама по себе, эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин – вдохновитель и вождь пролетариев всех стран». Если эта, немеркнущая и 80 лет после физической смерти гения-героя, ненависть к нему всей банды эксплуататоров и прохиндеев есть обнаружение его «поражения», «неудачи» и даже «вины», тогда что же такое победоносное величие подвига в справедливой борьбе за освобождение человека и человечества от всех видов гнета, за созидание «более высокой общественной формы, основным принципом которой является полное и свободное развитие каждого индивидуума», т.е. такой ассоциации, в которой «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»? Потерпел ли «поражение» Сократ, принужденный выпить чашу с цикутой? Или сожженный на костре за свои убеждения Джордано Бруно? Наследники его палачей сегодня извиняются за «ошибку». Потерпел ли

«поражение» или «истинную неудачу» Николай Островский, обреченный судьбой на обездвиженность и слепоту? Или, такие герои, как Александр Матросов, отдавшие свои жизни для спасения других? Или, наконец, мыслители, подобные Ильенкову или Лифшицу? По словам Г.В. Плеханова, «в нравственном смысле велик каждый, кто, по евангельскому выражению, «полагает душу свою за други своя». Так кто они: победители или «потерпевшие поражения и неудачи»? А ведь это лучшая, благороднейшая часть человечества, следовавшая завету поэта: «...умрешь не даром: дело прочно, когда под ним струится кровь!» Или и он ошибался, как и все мы?! Как и Стагирит, скажем, полагавший, что именно благородный человек суть критерий истины?! Арсланов с горькой иронией констатирует: «Россия более не напоминает богоугодное заведение, в котором царствуют проходимцы под монашескими рясами. Бандит одержал *моральную победу* (выделено мной – В.О.) и не стесняется уже являться перед публикой в своем натуральном облики. Высшие государственные лица изъясняются, прибегая к блатному жаргону. Цинизм стал символом жизненного успеха». Вот так: бандиты, проходимцы, циники одерживают «победы» и даже «моральные», поскольку «правят бал от имени того, чье позорное и бессмысленное поражение (и здесь, по Арсланову, «поражение»! – В.О.), гибель на кресте в дальней провинции великой империи не была замечена никем из образованных и умных современников». Увы нам! Не перефразировать ли геростратовски знаменитый тезис «движение – всё, конечная цель – ничто» в прямо противоположный: «конечная цель – всё, движение – ничто», поскольку оно суть всего лишь сумма «поражений» лучших и «побед» худших? А в общем, все это выглядит вполне в духе старого материализма, который, по выражению Энгельса, «судил обо всем по мотивам действий, делил исторических деятелей на честных и бесчестных и находил, что честные, как правило, оказывались в дураках, а бесчестные торжествовали», из чего для него «вытекал тот вывод, что изучение истории дает очень мало назидательного». К сходному выводу, хоть и на иной лад, приходят те футурологи, которые предрекают желанный для буржуазного самодовольства «конец истории». Новые погудки на старый лад! Как по родственному поводу язвительно заметил еще в позапрошлом веке Маркс,

«утверждение, что свободная конкуренция равносильна конечной форме развития производительных сил, а потому и человеческой свободы, сводится к тому, что господство буржуазии означает конец всемирной истории – несомненно, приятная мысль для позавчерашних выскочек» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., 2-е изд., т.46, ч.2, с. 156). Сам же Энгельс, считая необходимым для научного понимания истории «исследовать историческую роль морального зла», отмечал справедливость того диалектического взгляда Гегеля, что «зло есть форма, в которой проявляется движущая сила исторического развития» и раскрывал заключенный в этом тезисе «двойкий смысл». «С одной стороны, каждый новый шаг вперед необходимо является оскорблением какой-нибудь святыни, бунтом против старого, отживающего, но освященного привычкой порядка. С другой стороны, с тех пор как возникла противоположность классов, рычагами исторического развития сделались дурные страсти людей: жадность и властолюбие». Что это как не «поражение» человеческой духовности?! Однако именно осознанно критическое изучение этой суровой диалектики «мамашинской истории» в её преисторической форме и выработало у классиков марксизма-ленинизма научно обоснованную убежденность в конечной *победе* труда над капиталом, закономерной *победе* коммунизма, как исторически неизбежного для человечества «скачка из царства необходимости в царство свободы». Сколько бы временных поражений и неудач оно (трудовое человечество) на этом верном пути ни испытало. «Как только меновая стоимость перестанет составлять предел для материального производства и его предел будет определяться его отношением к целостному развитию индивида, то отпадет вся эта история с ее судорогами и страданиями» (там же, с. 123). Без такого *credo* нет марксиста-коммуниста.

И вновь здесь следует подчеркнуть, что явственно проступает моментами этот, если так можно выразиться, *антипораженческий, победоносный* мотив марксизма и в арслановском тексте, когда, скажем, он приводит мысли Лифшица насчет того, что все же в «мире ... есть слабый перевес добра. Он сказывается, например в том, что зло господствует от имени добра и под его обличьем». Так, постмодернистские идеи «гибели истины» или «окончательного поражения разума» хоть и давно обветшали (ср. с

идеей «конца истории»), но все еще производят впечатление потому, что *«подражают* другому, себе противоположному, то есть, как современный капитализм, живут за счет своего другого». Но абсолютной истиной является и то, что «вечно жить за счет другого нельзя. Рано или поздно, хотим мы того или не хотим, но час истины наступает, хотя бы в виде расплаты. Если от нас что-то зависит, то только то, какую форму примет эта неизбежная расплата: слепого урагана, уничтожающего и правого и виноватого без разбора – или же более разумную форму, когда сознательные различия возможны и действительны». В соответствии с этим, по мнению Лифшица, как отмечает Арсланов, «суть позитивного марксизма – Ленина в первую очередь – заключается не только в способности брать «заем у бесконечности», но прежде всего в том, чтобы сводить к минимуму неизбежную плату за прорыв порочного круга времени. Последнее – самая злободневная задача эпохи, открытой Октябрем». Иными словами, высший пилотаж *умного* (в ленинском смысле) коммуниста-революционера заключается в способности добиваться максимума *победных* результатов ценою минимума поражений, неудач, ошибок. И это справедливо и в том случае, когда налицо то, что Б.М.Теплов в своей прекрасной работе «Ум полководца» обозначил (имея в виду, в частности, Бородинское сражение) как «победу с *отстроченным результатом*». В подобных случаях уместны пословицы: «Дурак видит выгоду, умный – последствия, дурак делает каждый раз одну и ту же ошибку, умный – каждый раз новую» и т.п. «Умен не тот, кто не делает ошибок (ср.: терпит неудачи, поражения и т.п. – В.О.). Таких людей нет и быть не может. – отмечал реалистично Ленин. – Умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и кто умеет легко и быстро исправлять их». С такого рода обязательной поправкой, как мне представляется, только и можно (если уж очень хочется), с претензией на справедливость, говорить об ошибках, неудачах, поражениях таких благородных гигантов – гениев человеческой мысли и дела, как Ленин и конгениальные ему личности в истории. Ибо они выступают как реальные воплощения, олицетворения идеала человека в согласии с его понятием, как верно в подобных случаях говорил Гегель. А человек в его идеале не для того исторически создает самого себя, чтобы терпеть поражения. Не эту ли сторону марксизма (не сторону, а *суть* его – подчеркнул бы,

думаю, Ленин) так стремился выявить М.А.Лифшиц, доказывая, что «марксизм по самой своей глубинной сути представляет программу *Restauratio Magna* – великого восстановления. Это вы разлагаете жизнь, вы нигилисты – такова, писал Лифшиц (по словам Арсланова), главная мысль «Коммунистического манифеста», обращенная к Капиталу, его представителям и его культуре». В том же смысле он утверждал, всесторонне обосновывая это, что Ленин «убежден не просто в том, что абсолютная истина существует, а в том, что она существует реально и присуща тому миру, в котором мы живем. Этой объективной логике жизни он доверяется, когда советует следовать лозунгу Наполеона: надо сначала ввязаться в бой, а там посмотрим. Ибо жизнь умнее всех наших предположений. Но из сказанного для него не следует, что нужно отказаться от расчетов, планов и прогнозов. Напротив, надо стремиться к тому, чтобы довести их до предела возможного совершенства. Предел заключается в том, что объективная реальность в конечном счете умнее всех наших прогнозов. И потому, как напишет позднее Мих.Лифшиц, не «мы мыслим и чувствуем объективную реальность – она мыслит и чувствует себя нами». К этому только нужно добавить, что «объективные отношения действительности включают в себя и нашу волю, наше сознание, наши действия». Так где же в этой системе отношений – вновь и вновь напрашивается тот же сакраментальный вопрос – место для того, что обозначено Арслановым как «сокрушительное поражение», как «истинная неудача» Ленина? И как ему удастся эти оценки сочетать со всем богатством излагаемых им идей лифшицианской «Онтогносеологии» и «теории тождеств», лишь малую толику оттенков мысли коих удалось здесь затронуть? Хотелось бы проследить эти ходы мысли и далее, и не только для поиска более обоснованных ответов на поставленные вопросы. Но в данном конкретном случае, кажется, пора и честь знать. Да и разумнее, пожалуй, дожидаться, когда на свет божий появится это «грандиозное нон-финито Лифшица, хранящееся в его архиве», которое по пессимистическому заявлению Арсланова, якобы, «почти ни к кого не вызывает интереса». Не потому ли и создается такое впечатление, что труд сей не явлен пока публике во всей своей цельности и красе? Что же касается его незаконченности, незавершенности, то во-1-х, вспомним, многим ли творцам

удавалось вполне закончить, завершить то, что они считали главным делом своей жизни? Вопрос, по-моему, риторический. А во-2-х, сам же Лифшиц великолепно по этому поводу написал (цитирую по тексту Арсланова): «Намеченное, но не получившее законченной формы и даже оставленное в пути имеет свои права. Неосуществленное входит в общий баланс осуществления целого и часто бывает ближе к сердцу его, как первый набросок может быть ближе к цели, чем законченная картина. Нельзя ценить только победителей. Иначе бы мы оправдали горькие слова поэта: *«О, люди, жалкий род, достойный слез и смеха, // Жрецы минутного, поклонники успеха»*. Что можно к этому здесь добавить?! Разве что еще ехидство известных сентенций о неизбежности наказания за добрые дела, равно как и вообще за всякую инициативу? Но это «ехидство», ведь, не от хорошей жизни, а то и говорится, подчас, всего лишь для самооправдания.

И наконец, по поводу лейтмотивного у нас здесь вопроса насчет совместимости заявлений о ленинском «поражении» с общим смыслом и духом марксизма-ленинизма, тем более в его лифшицианской трактовке? Позволю себе высказать гипотезу, которой я объясняю эту антиномичную ситуацию для себя. Я исхожу при этом из мысли Лифшица о «противоположном жесте», применяя её к арслановскому тезису о «поражении» Ленина. Смысл же такого «жеста», по-моему: спровоцировать доверчивых и «беспонятных», по ленинскому выражению, читателей, вроде меня, на полемику, которая лучше всего обеспечивает интерес к столь серьезному, глубокому тексту и упорство в попытках его одоления. Не так ли? Впрочем, вполне возможно, что я при этом ошибаюсь. Тогда остается только просить разъяснений у самого глубокоуважаемого автора разбираемого опуса – то есть, у самого В.Г.Арсланова.

Со своей же стороны, хочу предложить в качестве, так сказать, *позитивного* изложения обсуждаемой проблемы – свой стихо-опус четырехгодичной давности.

(2004 г.)

ЛЕНИН СЕГОДНЯ

«Против великих достоинств других людей нет иного средства спасения кроме любви».

В стране Советов много лицемеров –
приспособленцев коварных подросло.
Они ТАК извращали нашу ВЕРУ,
чтобы их время подлое пришло.
Им ненавистна Ленина И Д Е Я
счастливой жизни для людей ТРУДА.
И вот из ГЕНИЯ хотят слепить злодея
лжецы, прорвавшиеся ныне в «господа».
ТИТАНУ справедливости пигмеи
свои пороки приписать хотят.
Не созидать – врать, воровать умеет
лишь – эта банда ельцинских крысят.

Но нынче Ленин оживает снова
на страх всем паразитам, всем иудам,
коль всё яснее сущность и основа
порабощения трудящегося люда.
На подвиг мысли вдохновив сурово,
нам смысл борьбы правдиво и отважно
вновь разъясняет ленинское слово,
в противовес безмозглым и продажным.
Так значит, Ленин вновь Учитель жизни
для тех, кто Истине учиться хочет,
кто понял, что путь Правды – в Коммунизме,
что служит Злу, кто коммунизм порочит!

Сегодня Ленин вновь глашатай битвы
за Равенство, за Братство, за Свободу
людей труда: их не спасут молитвы
и культ маммоны, возводимый в моду!
Как прежде, Ленин – вера и надежда,
что Труд, Ум, Совесть будут жизнью править,
что не удастся умникам-невеждам
историю России вспять направить.
Сегодня Ленин вновь пароль и знамя
для тех, кто честен и не одурачен,
для тех, чьё сердце опалило пламя,
которым Дом Советов был охвачен.

Да! И сегодня Ленин с нами снова!
И должен каждый для себя решить,
насколько воспринять душа его готова
бессмертный пафос Ленинской души.
И завтра Ленин снова нам поможет
увидеть «гвоздь» проблем и путь решений...
А в Новом обществе потомок подытожит
смысл и ошибок наших и свершений.

Предатели, хулители и «судьи» –
любители вы лгать и извращать!
ИДЕИ ленинской вам неподвластны судьбы:
на вас навеки – Каина печать!
А солнце МЫСЛИ тучи не закроют,
во мраке не упрятать свет идей!
И Правду Ленина вновь новый век откроет,
как компас и маяк для мыслящих людей.
Мой современник! Плюнь на их наветы –
они мерзавцев страхом рождены.
Усваивай, друг, Ленина ЗАВЕТЫ,
чтоб осознать ПУТЬ ВЕРНЫЙ для Страны!

22. 04. 2000.

3.2. Терроризм: к проблеме определения его сущности

Об опасности такого социально-политического феномена, как терроризм, для современного мира, всё более становящегося, по известному выражению, чем-то вроде «большой-большой деревней», о трудностях, вместе с тем, общезначимого определения этого многоликого явления, не говорит (или не пишет) сегодня только ленивый. Чтобы убедиться в этом, достаточно поискать во «всемирной паутине» соответствующую проблематику. Да и в обсуждаемой статье проф. Ю.И. Чунькова «Терроризм как способ осуществления глобальной политики» о вредоносности и опасности различных проявлений терроризма, особенно в России, немало и, в общем, весьма верно сказано.

В самом деле, одних только эпитетов и характеристик для различения тех или иных вариантов и разновидностей терроризма существует и/или вновь возникает (по мере появления и обнаружения его новых форм и проявлений) превеликое множество. Например, терроризм внутригосударственный или международный; террор как политика государства и как метод внутривластной и внешнеполитической борьбы, или так называемой «гибридной войны»; террор националистический или религиозный (с теми или иными возможными комбинациями таковых); левоэкстремистский или правоэкстремистский; анархистский или с поддержкой государства; скрытый или демонстративный; индивидуальный или организованный в какие-то группы, коллективные (вплоть до глобальных) объединения; направленный на определённые объекты или, как говорят, «рассеянный» (действующий на случайно «подвернувшиеся под руку» массы людей); наконец, собственно политический или сопряжённый с криминальными целями и элементами и т.д.

Считается, таким образом, с точки зрения экспертов, что допустимо или, даже, следует классифицировать проявления терроризма по таким основаниям и критериям, как, скажем, объём или масштаб действий террористов; характер последствий терактов; то или иное содержание их целей; направленность действий террористов или, что нередко (но не всегда) то же самое, характер предъявляемых требований; мотивы террористической деятельности; численность и организованность её участников; их психическое здоровье; используемые орудия и характерные способы достижения целей террора; привлекаемые финансовые средства и источники их получения; характер связей с официальными структурами; количество жертв (одиночные, массовые и т.п.); их демографические и социальные характеристики; нанесённый материальный ущерб; масштаб и степень морально-психологического вреда, причинённого социуму (социально-политическая напряжённость, недоверие к власти, паника, страх, тревожность и т.п.), тем или иным категориям населения, и т.д.

Многогранность феномена террора, многоликость его форм, проявлений, вариантов, разновидностей, их изменчивость с течением времени или появление совершенно новых, непохожих на прежние, видов, политико-идеологический знаковый

(негативный или позитивный, смотря для кого как)) характер самого термина (значит, и понятия) и т.п., объясняют в значительной степени тот парадоксальный факт, что при всей значимости этого социально-политического явления (мир ныне – и это очевидно – захлестнула, как цунами, волна терроризма), при всех усиленных попытках всё это объяснить, понять и определить специфическую сущность террора (сотни статей и книг, более 2 млн. «ответов» этому, якобы, посвящается) – при всём при этом всё еще не существует даже общепринятого универсального определения (достаточно точной научной дефиниции) *понятий* террора и терроризма. Зато бытует множество различных толкований, обусловленных различием, вплоть до несовместимости, социальных и идеологических позиций, поверхностностью, нередко, некомпетентностью подхода и т.д. Отнюдь не случайно, поэтому, то, что высказываются, даже экспертами подчас, диаметрально противоположные точки зрения по вопросу, скажем, что именно считать *террористическим* актом, а что таковым в подлинном смысле слова не является, как, например, киллерство в криминальных «разборках» и т.п.. И дело здесь вовсе не только в юридических «тонкостях» и казусах, с соответствующими правовыми последствиями. И даже не только в том, что отсутствие глубокого и точного понимания сущности (а значит и причин) терроризма и критериев его отличия от смежных или сходных явлений весьма затрудняет борьбу с ним и вообще кардинальное решение этой серьезнейшей (и неоднозначной) проблемы. Как это сказано в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 42/159: «Эффективность борьбы против терроризма могла бы быть повышена путём выработки общепризнанного определения международного терроризма». И это вовсе не преувеличение роли точной дефиниции для успеха в практике. Не зря же сказано, что нет ничего практичнее хорошей (т.е. верной) теории.

Однако нельзя не видеть в данной проблеме ещё и тот принципиально важный – психологически и политически – аспект, что *понятия* (а чаще, вернее говоря, расхожие обиходные «термины», а то и просто филистерски толкуемые «словечки») «террор», «терроризм» явно приобрели в общественном мнении, в наше время особенно, очевидно и однозначно крайне *негативный* в ценностном отношении смысл. Почти в той же степени, что и

термин «фашизм». Велик поэтому соблазн, особенно для демагогов праворадикального толка, со стороны господствующих классов, бездоказательно использовать негативный, априорно обвинительный смысл этих терминов в целях дискредитации своих противников. И именно тогда, когда те, отнюдь не следуя принципу «непротивления злу насилием», а, напротив, поступают согласно библейской заповеди «мне отмщение и аз воздам» или в духе народной максимы: «волкодав – прав, людоед – нет». Поскольку руководствуются, пусть даже интуитивно, той истиной, что «угнетённый имеет право использовать в борьбе против своего угнетателя все те средства, которые угнетатель пускает в ход против него» (К. Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 2, с. 591. В дальнейшем данный источник обозначается: МЭС, т., с.).

Наглядная и эмоционально жгучая в наши дни иллюстрация такого передёргивания, нередко извращения самого смысла и сути *понятий* «террор» и «терроризм» – это, в особенности, то, что происходит на наших глазах в Украине, захваченной фашистской хунтой, которая выступая фактически как власть, опирающаяся на террор против инакомыслящих, называет, в лице своих высших представителей, как раз, именно *антитеррористической* операцией (АТО) то, что бесчеловечно вытворяют киевские войска и майданные банды на юго-востоке страны, в Донецке, Луганске и окрестностях. И, соответственно, напротив, именует «террористами» (в лучшем случае – «сепаратистами») тех жителей и ополченцев, которые поднялись самоотверженно на защиту своей родной земли, своей свободы и независимости от посягательств этой преступной новой власти, не признанной законным народным референдумом Донбасса. А так называемый «цивилизованный мир» не только ничуть не возражает против такого концептуального и морально-политического жульничества и действительного терроризма и вандализма преступной киевской камарильи, но и всячески эту нелегитимную власть и её антинародную, лживую политику поддерживает, поощряет, оправдывает все её безобразия и преступления, объявляя зато во всем виноватой Россию.

Подобного рода произвол в словоупотреблении столь важных в социально-политическом смысле категорий – произвол, отнюдь не безобидный, как видим, и не только в

пропагандистском смысле – потому и возможен в психолого-логическом отношении (не говоря уже о социально-классовых интересах), что чрезвычайно «размытым» и весьма неопределенным сплошь да рядом, в представлениях общественного сознания, оказывается само содержание этих понятий «террора и терроризма» и, в соответствии с этим, отсутствует, как уже сказано, их достаточно строгое, общепринятое, научно выработанное определение. Вот, скажем для примера, и в обсуждаемой статье проф. Ю.И. Чунькова под понятие «терроризма подводятся (правда, в форме риторического вопроса) даже такие явления как «всеобщая изнуряющая атмосфера тотальной несправедливости в российском буржуазном обществе», политика в котором является, по мнению автора, «терроризмом в отношении большинства населения». Равным образом и «отлаженная и постоянно действующая система фальсификации выборов всех уровней власти и самоуправления» также, как он риторически вопрошает, разве «не является государственным терроризмом?» Показательно в этом смысле и то определение терроризма (если это можно назвать «определением»), которым открывается статья автора. «Терроризм – пишет он – как новое на планете глобальное явление – это регулируемый отдельными государствами и правящими классами внутри стран разрушительный для человеческой цивилизации процесс, с одной стороны, значительно ухудшающий социально-экономическое и правовое положение отдельных стран и широких народных масс, с другой – вынуждающий массы при защите своих интересов от насилия со стороны фашиствующих держав и властей предержащих использовать вооружённую борьбу, жертвенные подрывы и убийства представителей власти и невинных граждан». Если считать, что эта характеристика претендует на то, чтобы считаться классическим по способу (т.е. через ближайший род и видовое отличие) определением *терроризма*, то явно, что под такое «определение» можно подвести едва ли не большую часть политической истории классово-антагонистического общества, равно как и чуть ли не всю современную международную политику империализма в целом, а в особенности те или иные её проявления, вроде уже отмеченной выше нынешней политики украинской правящей верхушки и ряда правительств Запада по

отношению к Украине и России. В логике это называется «ошибкой слишком широкого определения». Но при этом как раз *то*, что *специфично* именно для терроризма, в отличие от прочих форм принуждения и насилия, в данном, всего лишь оценочном по существу, определении, увы, отнюдь не ухватывается и не постигается.

Разумеется, мысли и чувства, выраженные здесь автором, нетрудно понять и разделить гуманистически мыслящему человеку, но, тем не менее, неминуемо возникает обязательный для научного мышления вопрос: в чём же, в принципе, заключается тот *специфический* (самую особенную, своеобразную *суть* дела определяющий) признак террора и терроризма, отличающий его от множества других форм и способов насилия и вообще принудительного воздействия одних людей (групп, организаций, социальных структур и т.п.) по отношению к другим? А ведь не зря же подчеркивал «молодой» Маркс, что «объяснение, в котором нет указания на *differentia specifica* (специфическое различие. *Ред.*), *не есть* объяснение ...», и таким образом получается только видимость действительного познания, так как эти субъекты (т.е. предметы, явления и т.п., подлежащие объяснению и определению – В.О.), – поскольку они не поняты в их специфической сущности, – остаются непонятыми определениями», а стало быть, оказываются всего лишь «простыми *названиями*» для не понимаемых в их особой сущности явлений (МЭС, т. 1, с. 229-230). Нечто подобное говорится и в любом учебнике элементарной, формальной логики и должно учитываться в любых серьёзных попытках определения непростых явлений. И как тут не вспомнить завет великого диалектика-идеалиста: «Понять – значит преодолеть». На деле, конечно, одного понимания мало – нужны действия. Но могут ли быть успешными действия против того, сущность чего плохо понимаешь и даже определить не можешь?!

Как известно, рассматриваемые термины (*террор*, *терроризм*) происходят от латинского слова *terror*, означающего «страх», «ужас», и естественно, что эти понятия и были заложены в первоначальных попытках определения данных явлений, ставших широко известными со времён Французской буржуазной революции 1789–1794 годов (хотя само явление в той или иной форме существует, по-видимому, с незапамятных времён). Так, в

словаре Французской академии наук (1798 г.) период террора определяется как «система страха», В Великобритании это – «правление ужаса». Интересно отметить, что если в «Толковом словаре русского языка» В.И. Даля термин «террор» вообще ещё отсутствует, то в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона ему уже даётся следующее историческое и *смысловое* толкование: «ТЕРРОР («la Terreur»), 1) период франц. революции, господство ужаса во Франции, с мая 1793 по 27 июля 1794, введённое якобинцами, которые бесчисленными казнями думали удержать в своих руках власть. «Белый Т.» (la terreur blanche), ряд жестокостей и насилий, совершённых роялистами 1815 – 16 под белым знаменем Бурбонов. – (2) Со времён Великой Франц. революции под Т. стали понимать политическую систему, достигающую своих целей путём бесчисленных казней, карательных экспедиций, кровавых расправ, расстрелов без суда, сжигания селений, конфискаций, убийств, метания бомб, экспроприаций и проч. Различают правительственный Т. (белый Т.) и революционный (красный Т.)». Если даже и таким пониманием руководствоваться, то как раз именно действия нынешней киевской правящей верхушки (а вовсе не ополченцев ДНР и ЛНР) должны квалифицироваться по существу, несомненно и не иначе, как довольно-таки типичный «правительственный террор». То же самое получится, если прибегнуть к объяснению термина, например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, в котором «политика и практика террора» трактуется как «устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии вплоть до уничтожения» или вообще как «жестокое запугивание насилия». В «Советском энциклопедическом словаре» (1981), соответственно, та же терминология представлена таким образом: «терроризировать (франц. terroriser, от лат. terror – страх, ужас), преследовать, угрожая расправой, убийствами, держать в состоянии страха». А «Террористический акт, по сов. праву особо опасное гос. преступление; заключается в убийстве или причинении тяжкого телесного повреждения гос. или обществ. деятелю или представителю власти, совершённом в связи с его гос. или обществ. деятельностью, с целью подрыва или ослабления Сов. власти, а также представителю иностр. гос-ва – с целью

провокации войны или междунар. осложнений». О массовых терактах здесь ещё особо ничего не говорится.

Но нельзя не заметить, что в большинстве современных характеристик террора и терроризма признаётся, что их атрибутивный признак заключается именно в демонстрационно-публичном, провокационном *устрашении* определённого противника или какой-то массы людей (а то и всего социума), в запугивании их, ради достижения определённых целей, путём физического насилия или угрозы его применения вплоть до физического уничтожения. Иначе говоря, в опоре на силу или такого рода насилие – как на *средство* достижения цели, – которое способно деморализовать население (или его часть и/или представителей власти) и посеять панику, страх, ужас, неспособность к сопротивлению и тем самым заставить *подчиниться воле* террористов, добивающихся определённых социально-политических целей, не всегда явно афишируемых. Последнее чаще всего характерно для «белого» террора.

Вот для сравнения ещё некоторые иные определения, больше учитывающие реальность и представления современного – так называемого – «общества спектакля», – почерпнутые, в основном, из Интернета: «Терроризм – это устрашающе расчетливая попытка использовать насилие для определённых целей. Главная мишень террористов – не непосредственные жертвы их акций, не те конкретные люди, которых они обрекают на гибель, а те, кто, затаив дыхание, следят за разворачивающейся драмой на экранах телевизоров» (Г.А.Дробот). Поэтому «террорист обычно старается использовать насилие в символическом смысле, чтобы охватить миллионную аудиторию» (Р.Фальк). Или вот другое определение, совпадающее с мнением видных зарубежных ученых о терроризме как виде политического или уголовного насилия, затрагивающего в той или иной степени международные отношения. «Терроризм как тактика политической борьбы характеризуется систематическим применением идеологически мотивированного насилия, выражающегося в убийствах, диверсиях, саботаже, похищениях и других действиях, представляющих угрозу жизни и безопасности людей. Такое насилие используется как для устрашения конкретных противников, так и запугивания правительства, партий, общественно-политических и религиозных движений ради достижения политических и социально-экономических целей»

(Е.П.Кожушко). Наконец, – более расширенное, но не выделяющее, почему-то столь важные, особенно сегодня, в условиях информационно-идеологической войны, психологические моменты публичности, «устрашения» и т.п., – и такое вот определение: «Международный терроризм – это посягающее на международный правопорядок применение государством или самостоятельно действующим лицом (или группой лиц, организаций) насилия, посягающего на жизнь, здоровье, свободу физических лиц, направленного на достижение международно-противоправных целей путём взрыва, поджога или иными способами транспортных средств, общественных или жилых помещений или других материальных объектов, а также устранением лиц, не являющихся непосредственными жертвами нападения» (В.Н.Янгол). Гораздо мягче звучит, к примеру, «дефиниция», когда терроризм характеризуется как «форма использования насилия без какого-либо уважения и внимания к достоинству человека» (Джереми Гринсток, британский представитель в ООН).

Это, разумеется, всего лишь малая толика из 2 млн. ответов, зафиксированных в Интернете на тему о терроре и терроризме как научных понятиях. Выделяют в связи со всем этим следующие наиболее характерные признаки международного терроризма: 1) политическая мотивировка; 2) в качестве жертв выступает гражданское население (не-комбатанты); 3) расчёт делается на демонстрационный, устрашающий эффект. Американский ученый В.Вауг (W.Waugh), в свою очередь, выделил и такие 4 признака терроризма, как упоминаемые большинством исследователей: 1) особо жестокие формы насилия; 2) формирование целей, не связанных с конкретным проявлением насилия; 3) оказание психологического воздействия на широкие слои населения; 4) выбор жертв на основе критерия их символической ценности. Эти два «списка» признаков, как видим, в определённой степени дополняют или/и поясняют друг друга, давая в совокупности более конкретное представление о феноменах террора и терроризма в их отличии от других форм насилия и принуждения. И всё-таки во всём этом больше описания, чем дефиниции.

Однако, резюмируя даже этот не слишком обширный материал, можно уловить в большинстве случаев, что атрибутивный, сущностный признак терроризма и террора – это *устрашение* политического оппонента (конкурента, противника)

различными способами, методами (прямым физическим и\или психологическим *насилием* или угрозой применения такового, не останавливаясь перед уничтожением людей или социальных объектов) *в целях управления* им и\или связанными с ним лицами (Ю.С.Горбунов и др.). В этих моментах и усматривают обычно то, что отграничивает терроризм от других видов насилия и одновременно отличает современный терроризм от терроризма XIX века. Характерен здесь акцент на *психологическое воздействие*, которое акт насилия оказывает в обществе на те или иные социальные слои и структуры ради достижения целей, часто не связанных прямо с самим террористическим насилием (актами устрашения, диверсий, убийств), а *для удовлетворения* каких-либо политических, экономических, социальных *требований*, для осуществления тех или иных *изменений* в социуме и т.п. В наше время, в условиях постоянно идущей информационно-психологической, идеологической войны, напряженной борьбы за умы, чувства и души миллионных масс, террористические действия, как правило, носят публичный, подчас, прямо-таки «театральный» характер и нацелены, своим демонстрационным эффектом, на то, чтобы, используя тем или иным способом деятельность жадных на сенсации СМИ (в том числе и Интернет), вызвать у перепуганных масс недоверие к неспособным справиться с террором властям, которые неуютны определённым силам внутри или вне страны. И, ослабляя власть, стимулировать какие-то им желанные социально-политические изменения, вплоть до устранения неприемлемого этим враждебным силам правительства или режима, или одиозной личности, значимой фигуры в глобальной «шахматной игре».

В соответствии с этим и *подлинными* субъектами террора оказываются, в подавляющем большинстве случаев, отнюдь не отдельные убийцы-одиночки и диверсанты, неадекватные, неменяемые личности и т.п., – даже если именно такого рода «монстры» и выступают очевидными исполнителями терактов, – а более или менее сплочённые («идеей», корыстью, какой-либо фанатичной «верой» и т.д.) группы, кланы, организации, как внутригосударственные, так и международные. В том числе, даже и целые государства, как это доказывает, что следует особо подчеркнуть, тот же Ю.И.Чуньков, ссылаясь и на пример фашистской Германии, и утверждая, что «США в наше время –

жесточайший террорист на всей международной арене» и что «фашиствующие Соединенные Штаты в наши дни – главный рассадник и спонсор терроризма на планете», лозунгами о защите демократии и «игрой в демократию» на чужих территориях лицемерно-фальшиво прикрывающие свою террористическую политику, многочисленные примеры которой известны всем, кто хочет знать историческую правду, а не пропагандистские мифологемы.

Терроризм международный, – явно переступающий границы отдельных государств и всё более приобретающий глобальный, планетарный характер, – в каком бы из своих вариантов он перед нами не выступал, совершенно неверно, как справедливо настаивает Ю.И.Чуныков, и нельзя объяснять, «исходя только из психологии преступников». Важно понять, настойчиво и обоснованно доказывает он, рассматривая в переживаемую нами эпоху терроризм как «способ осуществления глобальной политики», что «именно обеспечение господства глобальному капиталу составляет «материнство» терроризма. В условиях использования принципа «разделяй и властвуй», постоянных военных агрессий и постоянного военного присутствия США, неэквивалентного обмена в торговле и нищеты миллиардов людей, тотальной безработицы и всеобщей долларизации экономик многих стран, постоянных государственных переворотов и марионеточных правительств, у народов подконтрольных регионов не осталось никаких других методов ответа на насилие, кроме ответного терроризма. Терроризм на планете порождается государственным терроризмом фашиствующих на международной арене Соединённых Штатов Америки». В этом соль и пафос обсуждаемой статьи.

В этой связи нельзя не обратить внимание ещё раз на обстоятельство, отмеченное с самого начала и в статье Ю.И. Чуныкова, когда он различает терроризм, с одной стороны, «регулируемый отдельными государствами и правящими классами», т.е. *белый террор*, «вынуждающий массы при защите своих интересов от насилия со стороны фашиствующих держав и властей предержанных», в свою очередь, как самооборону, «использовать вооруженную борьбу, жертвенные подрывы и убийства представителей власти и невиновных граждан», т.е.

осуществлять, так называемый, «ответный», *красный* террор, также хорошо известный и в истории, и в современности. Иначе говоря, должно быть очевидно, что терроризм терроризму рознь и «смешивать – перефразируя слова поэта, сказанные, правда, по другому поводу – два эти «ремесла» есть тьма искусников, я не из их числа». И оценочные суждения в подобных случаях, естественно, должны принципиально различаться. Так, к примеру, классики марксизма, анализируя опыт революций и контрреволюций 40-х годов XIX века в Европе, считали исторически оправданным применение *революционного* террора в качестве вынужденной меры в условиях контрреволюционного террора, когда уже сам один, по выражению Маркса, «каннибализм контрреволюции убедит народы в том, что существует лишь одно средство *сократить*, упростить и концентрировать кровожадную агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества, только *одно средство – революционный терроризм*». А в ответ на полицейское уничтожение демократической «*Neue Rheinische Zeitung*» и лицемерные официальные объяснения и оправдания этого реакционного акта Маркс пишет: «*Мы беспощадны и не просим никакой пощады у вас. Когда придёт наш черёд, мы не будем прикрывать терроризм лицемерными фразами. Но монархические террористы, террористы милостью бога и закона, на практике жестоки, презренны и подлы, в теории трусливы, скрытны и двуличны, в обоих случаях бесчестны*». В свою очередь и Энгельс оценивает, как знаменательную и достойную характеристику нации, когда она, «окружённая превосходящими силами контрреволюции, осмеливается противопоставить трусливой контрреволюционной ярости революционную страсть, противопоставить *terreur blanche – terreur rouge*» (– белому террору – красный террор. *Ред.*). (МЭС, т. 6, с. 548, 175; т. 5, с. 494. – Я беру здесь оценку Энгельса *in abstracto*).

Возможно, что некоторые ревнители «толерантности», те или иные «неогуманисты» и «правозащитники», заявят, что подобные мысли и формулировки утратили свою актуальность и даже стали в наши дни неприемлемыми? Но не вернее ли будет и сегодня, напротив, открыто и честно признать, что выраженные в подобных высказываниях идеи классиков находят своё явное подтверждение не только в их время, но и, в том числе, и в

текущей истории, когда демократические и гуманистические западные ценности, с символикой «свободы» во главе их, пытаются именно в действительной, а не в пропагандистской, и мифической истории, вбивать в головы народных масс (в «недостаточно цивилизованных» странах) посредством таких «летальных» аргументов, как бомбы, снаряды и аналогичные «достижения» цивилизации?

«Не плакать, не смеяться, а понимать» – так учил философ науку мышления. Одно дело – так или иначе *оценивать* те или иные формы и варианты террора и терроризма, но, в принципе, иное дело для истинно познающего объективную реальность мышления – «постигать специфическую логику специфического предмета» (МЭС, т.1, с. 325). В данном случае, такого многоликого и неоднозначного «предмета», как терроризм в его специфической сущности, причинах и логике. Как мы видели, последнее пока что не слишком хорошо у нас получается. Вследствие этого – не лишне здесь в этой связи заметить, – что и оценки (и они ведь так или иначе связаны с мерой понимания оцениваемого предмета) нередко характеризуют не сам по себе сей «предмет», сколько *отношение* к нему оценивающего, обусловленное его социально-классовой позицией, интересами и интеллектуальными, нравственными свойствами, способностями, да и информационными возможностями. Перефразируя известное изречение, можно сформулировать поэтому нечто вроде критерия для «оценивания оценивающего»: «Скажи мне что ты думаешь о том или ином известном тебе проявлении террора или терроризма и как его оцениваешь с нравственно-политической точки зрения – и я скажу тебе, кто ты».

Если же попытаться, в качестве подытоживания и завершения этих фрагментарных замечаний, выразить, по возможности кратко, в том числе и в форме простейшего определения, специфическую сущность террора и терроризма, то можно было бы, с моей точки зрения, сформулировать это по элементам следующим образом. Во-1-х, логично, по-моему, рассматривать, в условиях нашего времени (в отличие от прежнего словоупотребления) *террор* как метод, а *терроризм* как в той или иной степени систематичную практику применения этого метода. Во-2-х, «ближайшим родовым понятием» для обозначения данных феноменов являются, на мой взгляд (в согласии с этимологией),

такой способ *принудительного управления* поведением (действиями, поступками) людей, который опирается на более или менее массовые состояния *страха, ужаса, запуганности, паники*, вызываемые воздействием на сознание людей чрезвычайным проявлением *насилия* или угрозой его крайнего применения. В-3-х, в качестве «видового отличия», или специфического признака (*differentia specifica*) оказывается, в таком случае, публичный, *демонстративный* (театрализованный, символический и т.п.) характер осуществляемых террористических актов, дабы такой формой шокирующего и направленного *воздействия* на общественное мнение и/или власть *подчинить их воле* применяющих террор субъектов и добиться осуществления намеченных ими целей. Иначе и короче говоря, ***терроризм – это чрезвычайный, основанный на страхе перед чрезмерным насилием, очевидно принудительный способ управления поведением людей, подчинения их воле, целям и интересам субъектов, использующих методы террора.*** Важно при этом понимать меру возможной ограниченности и недостаточности и этого определения (дефиниции), как и всякого другого.

Поэтому в заключение полезно, я думаю, ученой скромности ради, вспомнить известную, данную классиком (в связи с определением сущности жизни), оценку значения дефиниций вообще, а, стало быть, и дефиниции терроризма и террора. «Все дефиниции имеют в научном отношении незначительную ценность» – пишет Энгельс и поясняет: «потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция. Для того чтобы выяснить и показать, что такое жизнь, мы должны исследовать все формы жизни и изобразить их в их взаимной связи. Но для *обыденного употребления* краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков в так называемой дефиниции часто бывает полезно и даже необходимо, да оно и не может вредить, если только от дефиниции не требуют, чтобы она давала больше того, что она в состоянии выразить» (МЭС, т. 20, с. 84, 634-635). Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Классика, как известно, в том отношении подобна хорошему вину, что не только не устаревает с «возрастом», но, проходя проверку временем, обретает всё большую зрелость,

силу, «крепость» и ценность. Правда, чтобы вполне чувствовать и понимать эту её особую ценность, надо в определённой мере созреть и самому, так сказать, «дегустатору».

2015 г.

3.3. Человек или Бог? – вот в чём вопрос!

Предисловие к сочинению И.Д. Балалаева
«Во что верить: в Бога или в Человека?» Пенза, 2012.

«Истина есть великое слово и ещё более великое дело. Если дух и душа человека ещё здоровы, то у него при звуках этого слова должна выше вздыматься грудь. Однако здесь тотчас же возникает «но»: доступно ли нам познание истины? Кажется, что есть какое-то несоответствие между ограниченным человеком и сущей в себе и для себя истиной».

Г.В.Ф. Гегель

«...Религия будет исчезать в той мере, в какой будет развиваться социализм. Её исчезновение должно произойти в результате общественного развития, котором крупная роль принадлежит воспитанию».

Карл Маркс

«Бог есть (исторически и житейски) прежде всего комплекс идей, порождённых тупой придавленностью человека и внешней природой, и классовым гнѐтом, – идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу».

В.И. Ленин

Очередная работа И.Д. Балалаева посвящена проблеме отношения человека и религии или, говоря конкретнее, проблеме истинного предмета человеческой веры: во что (или: в кого, кому, чему?) следует верить (или, может быть, вообще не верить?) как в достаточно обоснованную истину: в Человека или в «Бога» (а то и в «богов»? – если иметь в виду политеизм)? Иначе говоря, каким принципом – как правильным, верным, т. е., опять-таки, истинным – должен руководствоваться разумный, т.е. способный

самостоятельно *мыслить*, человек (*Homo sapiens!*) в своём миропонимании и жизнедеятельности. То ли принципом религиозной *веры*: «без Бога – ни до порога», т.е. – всё происходит «по божьей воле», а человек всего лишь – «раб божий», «агнец божий» и т.д. и т.п. То ли следует доверять, как единственно достоверным, противоположным принципам – научного, материалистического (и по сути своей – атеистического) *знания*: человек и только человек есть сущность, базис, субъект всей человеческой деятельности и всех человеческих отношений. И потому вся всемирная история – «*не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.2, с. 102. – В дальнейшем обозначается: МЭС, т., с.). А вовсе не «откровение какого-либо «бога», как утверждают различные религии, или проявления какого-то сверхчеловеческого «мирового разума», «духа» и т.п., как доказывают родственные религиозному сознанию по своей мировоззренческой сущности разновидности идеализма. Таким образом, в сочинении Балалаева фактически затрагивается определяющий для миропонимания и мироощущения человека вопрос об *истине*: «что есть Истина?» – как Понтий Пилат вопрошал Христа. Но – может здесь озаботиться скептическим вопросом известный «проницательный читатель» – актуальны ли, могут ли быть для кого-то злободневны и востребованы размышления по *таким* поводам и «предметам» сегодня, во 2-м десятилетии 21 века, когда мыслящая и страдающая часть человечества вообще, а в России на свой лад и особенно, уже просто-таки задыхается от нарастания *непосредственно* жизненно значимых проблем катастрофического, чтоб не сказать – апокалипсического – характера (экологические бедствия, мировой системный кризис, угроза ядерной войны, демографические проблемы и т.д.)?... Вопрос, конечно, правомерный, но обоснованный ответ на него каждый – добросовестно мыслящий – человек должен поискать сам, если хочет отнестись к вековечной и, вместе с тем, пока что всегда злободневной, проблеме религии осознанно и самостоятельно, принимая во внимание и научную теорию, и историю, и современное состояние этой проблемы. В той или иной мере помочь неискушённому в методологической и мировоззренческой рефлексии читателю в этом процессе развития его самосознания и состоит задача данного сочинения, вкупе с сопровождающими его

разнообразными интересными и поучительными приложениями, дополняющими основное содержание книги.

Чтобы правильно понять и оценить смысл и назначение рекомендуемого сочинения, нужно заметить, что оно логично (в плане внутренней связи проблем и идей) примыкает к предыдущим трудам автора о социализме и народном воспитании как их определенное продолжение и дополнение. Эта внутренняя содержательная (и даже стилистически ощутимая: «стиль – это человек») *связь* рассматриваемых автором проблем вполне естественна и обусловлена, во-1-х, самой *логикой* материалистического и социалистического миропонимания вообще и в её авторском восприятии, в частности, а во-2-х, разумеется, определённой авторской нацеленностью, обусловленной и характером предполагаемой категории читателей (любящих *самостоятельно* подумать над серьёзными вопросами жизни), и соответствующей этому просветительной, на диалог ориентированной манерой и «сверхзадачей» изложения поставленных автором проблем. Тут, очевидно, действует принципиальная закономерность человеческого мышления, согласно которой адекватное понимание сущности, общих законов какой-либо сферы реальности – необходимая предпосылка верного понимания частных проявлений этой сущности. В соответствии с этим, считаю нужным, прежде всего, подчеркнуть, что последовательно научное выяснение подлинной сущности религии стало возможно на основе и в процессе раскрытия действительных законов исторического развития человечества и всех его проявлений (в том числе, разумеется, и религиозных). И, стало быть, верного понимания того исходного фундаментального положения историзма, что «*как само общество производит человека как человека, так и он производит общество*», ибо и вообще «*вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека» (там же, т.42, с. 118, 126).

В этом контексте суть указанной *логики* связи проблем религии, социализма, воспитания, на основе материалистического понимания истории, я хотел бы, по возможности кратко и обобщенно, выразить, используя в основном, – точности ради и в согласии с настоятельной «просьбой» Энгельса («я прошу Вас

изучать эту теорию по первоисточникам, а не из вторых рук, – право же, это гораздо легче» – писал он Йозефу Блоху в 1890 г.), – формулировки самих творцов диалектического материализма и научного социализма. На мой взгляд такое «цитатничество» лучше самодеятельных пересказов, тем более – если они грешат «отсебятиной».

«С точки зрения Маркса, – писал тот же Энгельс менее чем за полгода до своей кончины, – весь ход истории – имеются в виду значительные события – совершался до сих пор бессознательно, то есть эти события и их дальнейшие последствия не зависели от воли людей; участники исторических событий либо желали непосредственно чего-то другого, чем то, что было достигнуто, либо это достигнутое влекло за собой опять-таки совершенно другие, непредвиденные последствия» (там же, т.39, с. 352). Можно, стало быть, сказать, что весь этот великий исторический процесс человеческого развития происходил (и всё ещё, увы, происходит), подобно природным процессам, в *стихийном*, неуправляемом самими совершающими его людьми «режиме», в согласии с известной пословицей: «человек предполагает, а бог (т.е. господство над людьми подавляющих их, ими непознанных и неподвластных им *сил* – природных и общественных – В.О.) располагает». То есть, согласно такому, религиозному, пониманию, никто иной как Бог (или боги, демоны и т.п.) всё сущее определяют, по меньшей мере в *конечном* счёте, а может быть и не только в целом и в итоге, но и в «деталях», если считать истиной то, что «без воли божьей ни единый волос не упадёт с головы человеческой», и т.д. На подобного рода мифологическо-религиозной идейной основе восприятия жизни людей в истории (и не только в истории, но и в индивидуальных проявлениях) как неподвластном им процессе, и возникают как мифологические понятия «судьбы» («рока», «фатума»), так и тот феномен, что, вслед за Гегелем, но уже на материалистический лад, классики марксизма называли «иронией» (иногда даже – «трагической иронией») мировой истории, особенно когда, по формуле Маркса, «благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность». Почти по известному «афоризму Черномырдина»: «хотели как лучше, а получилось – как всегда». Заметим, что эта, получившая такое распространение и признание, полуанекдотическая «формула» высказана ведь одним

из отечественных «реформаторов», вознамерившихся целенаправленно «переделать» Россию на свой «салтык», обещавший, де, всей стране процветание и благоденствие. Что из подобных «благих намерений» получилось – мы сегодня, 20 лет спустя после начала так называемых «реформ», имеем несчастье наблюдать воочию и, как это поётся в модной некогда песенке: «то ли ещё будет – ой-ёй-ёй!». Может ли кто-нибудь ныне достоверно предсказать, к примеру, во что выльются, к каким последствиям в обозримом будущем приведут все эти происходящие ныне – когда я пишу эти строки – на площадях и улицах столицы (и не только в ней) пост-и-пред-выборные многотысячные митинговые акции граждан, возмущенных политикой властей, требующих удовлетворения своих требований, которые, к тому же, столь противоречат друг другу, если не в словах, то на деле, у разных и противоборствующих социальных слоёв, классов и партий?!?

Таким образом, как видим, история и сегодня предстаёт перед познающим мышлением как некий парадокс, антиномия, жизненно-практическое *противоречие*, поскольку приходится признать, что люди – существа, с одной стороны, явно, вроде бы, обладающие сознанием и волей – творят, с другой стороны, свою совокупную историю, как сказано, *бессознательно* и *безвольно*, как бы по «велению» каких-то господствующих над ними «сверхчеловеческих», «сверхъестественных» сил, которые так привычно обобщать в понятии «Бога». Так, может быть, и справедливо – возникает в этой связи вопрос – в данном случае применять к таким, «внешнему управлению» подверженным, существам известную оправдательную, вроде бы и гуманную, и «примиряющую» формулу: «прости им, боже, ибо не ведают, что творят»? Как, скажем, логику подобного рассуждения неоднократно изображал Омар Хайям в своих рубайях:

«В этом мире на каждом шагу – западня.

Я по собственной воле не прожил и дня.

Без меня в небесах принимают решенья,

А потом бунтарём называют меня!»

Насчет «божьего» прощения – это правомерно адресовать следует к самим верующим в бога (к примеру, в Евангелии от Иоанна приводится ответ Христа фарисеям: «Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы *на себе* греха; но как вы

говорите, что видите, то грех остается на вас». – 10.41). А вот насчет человеческих *прощений* – вопрос издавна и весьма спорный и требующий каждый раз, как правило, конкретного анализа с учетом всех реальных обстоятельств. И, прежде всего, конечно, осознания того неоспоримого факта, что действительная тысячелетняя история человечества протекает в постоянной борьбе одних индивидов и социальных групп против других (а может ли *человеческая* борьба быть без стремлений и воли, осознания цели, вины, ответственности и т.п.?!) по причинам и в силу противоположности их общественного положения и вытекающего отсюда антагонизма интересов. История в этом аспекте оценивается реалистическими мыслителями как *bellum omnium contra omnes* («война всех против всех» – Гоббс), как животнообразная, дарвиновская «борьба за существование» со всеми вытекающими отсюда тяжким последствиями (эксплуатация человека человеком, кровопролитные и разрушительные войны, социальные бедствия, нравственное озверение и т.п.). В общем, не без оснований, похоже, утверждал ещё 25 веков назад античный диалектик Гераклит: «война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными». На таком историческом фоне, разумеется, гуманистические призывы к человеколюбию – если даже и звучали публично, – то представлялись тысячелетиями гласом вопиющего в пустыне. Да и сегодня мы видим, *как* лицемерно, в стиле «двойных стандартов», используется демагогами на службе у власть и богатство имущих завлекательная риторика о «всеобщих правах человека», о «свободе» и «демократии» и т.п.

Однако уже в так называемое Новое время, в эпоху становления динамичного буржуазного социума, к разрешению «загадки» мировой истории и «тайны бытия человеческого» с разных сторон подошли представители противоположных философских направлений – как метафизического материализма, так и диалектического идеализма. Первые противопоставили религиозному мифу о сотворении человека Богом понимание естественного происхождения человека как общественного существа в процессе закономерного развития живой природы и, соответственно, «материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и

измененного воспитания» (К. Маркс. «Тезисы о Фейербахе», №3). Это учение входило в арсенал идей, готовивших умы к грядущей буржуазной революции. Но, как продолжал Маркс далее в том же тезисе, это учение забывает, что «обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан. Оно неизбежно поэтому приходит к тому, что делит общество на две части, одна из которых возвышается над обществом. Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*». Резюмируя основные недостатки «старого» материализма в своем энциклопедическом очерке «Карл Маркс», Ленин особо подчеркивал, что домарксистские материалисты вообще «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность (определенных конкретно-исторически) всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т.е. не понимали значения «революционной *практической* деятельности». В плане же понимания действительного, *диалектического* характера истории как именно закономерного процесса, творцы марксизма особенно отмечали философию Гегеля, «великая заслуга которого состоит в том, что он впервые представил весь природный, исторический и духовный мир в виде процесса, т.е. в непрерывном движении, изменении, преобразовании и развитии, и сделал попытку раскрыть внутреннюю связь этого движения и развития», осознав его как «процесс развития самого человечества». Тем самым, была поставлена перед мышлением *задача* «проследить последовательные ступени этого процесса среди всех его блужданий и доказать внутреннюю его закономерность среди всех его кажущихся случайностей» (там же, т. 20, с. 23 ; то же: т. 19, с. 206). Однако сам Гегель, будучи в плену своих идеалистических иллюзий, родственных по сути своей религиозным, по оценке своего гениального ученика, «нашел лишь *абстрактное, логическое, спекулятивное* выражение для движения такой истории, которая не есть ещё *действительная* история человека как уже предположенного субъекта, а есть только *акт порождения, история возникновения* человека» (там же, т. 42, с. 155). Принципиальным, мировоззренчески и методологически последовательным и осозанным, решением вышеуказанной *задачи*

выступило разработанное Марксом и Энгельсом *диалектико-материалистическое понимание истории*, которые именно в «истории развития труда» нашли «ключ к пониманию всей истории общества» (Энгельс). Это понимание, называемое также «историческим материализмом», или, если воспользоваться ленинским выражением, «материалистическим историзмом», — выступило как теория и метод подлинно научного познания истории, причем, именно как «метод..., правильный в научном отношении» (Маркс), ибо его логика соответствует фактам, сущности, движению и основным этапам развития действительной человеческой истории.

Согласно этому пониманию, вся мировая досоциалистическая история, как уже отмечено, совершалась (и пока что в целом совершается!) как стихийный, не управляемый людьми, не подчинённый их совместному контролю антагонистически-противоречивый процесс развития жизнедеятельности множества сменяющих друг друга поколений людей, каждое из которых как бы «встаёт на плечи» предыдущих поколений и создаёт предпосылки существования и дальнейшего развития для последующих. И таким образом, каждая ступень исторического процесса, подчеркивают авторы диалектико-материалистической концепции истории, «застаёт в наличии определённый материальный результат, определённую сумму производительных сил, исторически создавшееся отношение людей к природе и друг к другу, застаёт передаваемую каждому последующему поколению предшествующим ему поколением массу производительных сил, капиталов и обстоятельств, которые, хотя, с одной стороны, и видоизменяются новым поколением, но, с другой стороны, предписывают ему его собственные условия жизни и придают ему определённое развитие, особый характер. Эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» (там же, т. 3, с. 37). Вот та великая историческая связь, благодаря и посредством которой осуществляются объективные законы человеческого развития, которые общественная мысль обязана познавать, а общественная деятельность масс должна, в итоге, ими овладевать. Дабы благодаря этому, в конечном счёте, мог на деле, а не в мечтах только, осуществиться тот желанный для людей труда гуманистический *идеал* общественного устройства, который

вырабатывался тысячелетиями и был лапидарно выражен в лозунгах Великой французской революции: «Свобода! Равенство! Братство!». А позднее простенько и с грубоватым юмором «нарисован» великим немецким поэтом – Генрихом Гейне:

*Новую песнь, лучшую песнь
Спою вам, о други, сегодня!
Мы на земле, на этой, здесь,
Устроим царство господне.*

.....
*Достаточно хлеба растет на земле,
Хватит на всех понемножку
И роз, и миртов, и красоты,
И сахарного горошку.*

*Да, и горошек для каждого есть,
Уже наливаются соком.
А небеса оставляем мы
Ангелам и сорокам... .*

Однако, много чего ещё должно было в истории произойти, включая и кровавую мировую бойню, с особой силой и более чем наглядно показавшую всю мерзость и лживость царящего на Земле и религией освящаемого «мира насилия», чтобы, наконец, именно в гигантской стране – в России смог в какой-то мере реализоваться величайший футурологический «прогноз» пролетарского гимна: «*Никто не даст нам избавленья – // Ни бог, ни царь и ни герой, // Добьёмся мы освобожденья // Своею собственной рукой*». Десятилетия великой, героической и одновременно трагической истории Советского союза доказали закономерность, принципиальную возможность, реальность и непреходящую значимость этой вековой мечты человечества о необходимости устройства на Земле (а не «на небесах», в потустороннем мире) если не «райского», то подлинно человеческого, обеспечивающего свободу и равенство для всех тружеников («но паразитам – никогда!»), гуманистически и гармонически всесторонне развивающегося общества. И мы видим сегодня, к несчастью, каковы тяжелейшие – сопоставимые с потерями в войне! – последствия временного поражения грандиозной советской попытки реального осуществления этого коммунистического (и научного, и художественного) прогноза и

проекта. Не случайно, даже либерал В.В.Путин вынужден был признать развал СССР «геополитической катастрофой». Хотя подлинный её смысл и им не понят.

Итак, ещё раз суммируем сказанное: эта самая «загадочная» всемирная история, с одной стороны, казалась критически мыслящему человеку «диким хаосом бессмысленных насилий» и глупостей, чем-то вроде «сказочки, рассказанной на ночь идиотом» (Шекспир) или «автобиографии сумасшедшего» (Герцен). А с другой стороны, в её явлениях тысячелетиями идеалистические мыслители разных эпох и направлений пытались отыскать и разгадать «божий промысел», направляющую «руку Провидения», «мировой разум» и т.п. Но в действительности, – как доказал исторический материализм, – вся эта, взятая в целом, как процесс и продукт совокупной *человеческой* (и никого иного!) деятельности, эта мировая «история есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой – видоизменяет старые условия посредством совершенно изменённой деятельности. Но в искажённо-спекулятивном представлении делу придаётся такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей... На самом же деле то, что обозначают словами «назначение», «цель», «зародыш», «идея» прежней истории, есть не что иное, как абстракция от позднейшей истории, абстракция от того активного влияния, которое оказывает предшествующая история на последующую» (там же, с. 44-45). Обычное переворачивание «с ног на голову».

Стало быть, согласно трезвому, реалистическому взгляду, «история делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причем каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующий как целое, *бессознательно* и

безвольно. Ведь то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел. Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения. Но из того обстоятельства, что воли отдельных людей, каждый из которых хочет того, к чему его влечет физическая конституция и внешние, в конечном счете экономические, обстоятельства (или его собственные, личные, или общесоциальные), что эти воли достигают не того, чего они хотят, но сливаются в нечто среднее, в одну общую равнодействующую, – из этого все же не следует заключать, что эти воли равны нулю. Наоборот, каждая воля участвует в равнодействующей и постольку включена в неё» (там же, т.37, с. 395-396). Вот чего не понимают те, кто, якобы, «вне политики», не сознавая того, что если вы не занимаетесь политикой, то она занимается вами, притом занимается отнюдь не в ваших интересах.

Резюмируя это своё, разработанное совместно с Марксом (первенство которого признавалось при этом безоговорочно), понимание истории, Энгельс писал в апреле 1893 г.: «Природе потребовались миллионы лет для того, чтобы породить существа, одарённые сознанием, а теперь этим сознательным существам требуются тысячелетия, чтобы организовать совместную деятельность сознательно: сознавая не только свои поступки как индивидов, но и свои действия как массы, действуя совместно и добиваясь сообща заранее поставленной общей цели. Теперь мы уже почти достигли такого состояния. Наблюдать этот процесс, это все приближающееся осуществление положения, небывалого ещё в истории нашей планеты, представляется мне зрелищем, достойным созерцания, и я в силу всего своего прошлого не мог бы оторвать от него своего взора (там же, т. 39, с. 55-56). Чрезвычайно поучительно эти мысли – о закономерном движении и глубочайшем смысле человеческой истории – 73-летнего Энгельса сопоставить с его же мыслями полувековой давности (января 1844 г.). Когда он, подчеркивая, что «история – это для нас всё, и она ценится нами выше, чем каким-либо другим, более ранним философским учением, выше даже, чем Гегелем», отмечает далее, что в «презрении к истории, в невнимании к развитию человечества повинна целиком» именно религия, именно

«христиане, которые, построив особую «историю царства божия», отказывают действительной истории во всякой внутренней значимости и признают эту значимость только за своей потусторонней, абстрактной и к тому же ещё вымышленной историей». Более того, доказывает он, «утверждая, что человеческий род достигает завершения в их Христе, они приписывают истории мнимую конечную цель, якобы достигнутую Христом; они обрывают историю посреди её течения и уже поэтому, последовательности ради, должны выдавать дальнейшие восемнадцать веков за дикую бессмыслицу и полную бессодержательность. Мы – с молодым воодушевлением заявляет Энгельс от лица формировавшегося коммунистического миропонимания – требуем, чтобы истории было возвращено её содержание, но в истории мы видим откровение не «бога», а человека, и только человека. Нам нет надобности призывать сначала абстракцию какого-то «бога» и приписывать ей всё прекрасное, великое, возвышенное и истинно человеческое для того, чтобы увидеть величие человеческого существа, понять развитие рода в истории, его неудержимый прогресс, его всегда обеспеченную победу над неразумием отдельного индивида, преодоление человеческим родом всего, что кажется сверхчеловеческим, его суровую, но успешную борьбу с природой вплоть до достижения, в конце концов, свободного человеческого самосознания, до ясного понимания единства человека и природы и вплоть до свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» (там же, т.1, с. 592-593). Можно ли более ясно и чётко сказать о несовместимости обрисованных Энгельсом оппозиций: (1) либо Человек есть *творец* (правда, до поры до времени, «творящий» бессознательно) своей Истории и через это творчество – самого себя; (2) либо Бог есть *единственный* – всеведущий, всемогущий, всеблагодный – *творец* всего *сущего* и, в том числе, человека, как своего «образа и подобия», как «венец творения»; на деле, однако, выступающего в качестве «агнца божьего», «раба божьего» и т.д.? Причем, заметим, при таком предположении, именно Бог, как единственный создатель мира, всё в нём определяющий, оказывается изначально *ответственным* и за всё *зло* (гибель *добра*, уродство, несовершенство, страдание и т.п.), которое существует в этом, созданном *им* мире и в самом

человеке. Вот тот мировоззренческий *выбор* («или-или», т.е. строгая дизъюнкция, согласно логике), тот «гамлетовский» *вопрос*, который фактически представлен и поставлен перед читателями нашим автором, подобно многим ему предшествующими атеистически мыслящими гуманистами.

Первый тезис в этом противостоянии опирается на *знание* бесчисленных фактов действительной истории и её закономерностей, всё глубже познаваемых и практикой так или иначе подтверждаемых (в том числе, и в виде «доказательства от противного», когда эти закономерности людьми «нарушаются», как это произошло, например, со строительством социализма в нашей стране). Второй – предполагает, как необходимое условие для признания его истинности, абсолютную, слепую и бездоказательную *веру* (ибо все известные в истории доказательства «бытия божия», как давно *доказано*, логически и фактологически несостоятельны) во всё то, что декларируют, – путаясь на каждом шагу в неразрешимых, абсурдных противоречиях собственных вероучений, – теологические, духовные *авторитеты* той или иной религии.

В дальнейшем, на основе исторического материализма, Маркс и Энгельс глубоко и всесторонне анализировали те исторические факты и процессы, в которых выявлялись ведущие внутренние тенденции и объективные закономерности и перспективы мирового развития, а в особенности, детально и остро раскрыли специфическую сущность его высшей стадии – капиталистической (буржуазной) общественно-экономической формации, чему и посвящен в наибольшей степени колоссальный труд – «Капитал» Маркса. Так, в знаменитом лаконичном изложении в Предисловии «К критике политической экономии» сущности своего великого открытия – материалистического понимания истории – Маркс заключает его тем обобщающим выводом, что «буржуазной общественной формацией завершается *предыстория* человеческого общества» (там же, т.13, с. 8. – Выделено мной – В.О.). Как именно предстаёт перед научно прогнозирующим взором мыслителя сам этот величайший в истории революционный переход (диалектический скачок в новое качество, говоря языком диалектики) от *предыстории* к подлинной *истории*, как истории, сознательно и коллективно, а не стихийно и антагонистично, творимой людьми нового,

коммунистического типа – классически чётко и кратко изобразил, в свою очередь, как известно, Энгельс в «Анти-Дюринге» (Очерк теории) и (тот же фактически текст) в брошюре «Развитие социализма от утопии к науке». Он пишет здесь: «Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продукта над производителями. Анархия внутри общественного производства заменяется планомерной, сознательной организацией. Прекращается борьба за отдельное существование. Тем самым человек теперь – в известном смысле окончательно – выделяется из царства животных и из звериных условий существования переходит в условия действительно человеческие. Условия жизни, окружающие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь подпадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом, объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (там же, т. 20, с.294-295; т.19, с.227-228). Иными словами, это и есть переход от стихийно развивающейся «предыстории человеческого общества» к сознающей себя истории «обобществившегося человечества».

Нельзя отрицать, что в вышеприведённых, – подчас с пафосом выраженных, – мыслях о человеческой истории, о закономерном «скачке человечества из царства необходимости в царство свободы» и т.п., чувствуется, наряду с их логической обоснованностью, также и глубокая, научно обоснованная,

гуманистическая *вера* в человека как в существо, способное, в конечном счете, выбиться из звериных условий существования (когда, по давнему афоризму: *homo homini lupus est* – «человек человеку – волк») в условия действительно человеческие, когда «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», ибо «основным принципом» общества становится «полное и свободное развитие каждого индивидуума» (там же, т. 4, с. 447; т.23, с. 305). Только, в отличие от *религиозной* веры, опирающейся на произвольную психическую деятельность «больной», «распалённой вожделением фантазии», на «метод измышляющего, представляющего сознания» (Маркс), «вера» – если здесь всё-таки уместно это слово – в исторически закономерное движение истории, подготавливающее коммунистическое преобразование общества и самого человека, – такая вера, или убежденность, должна опираться на методы научного исследования и основываться – в норме – на добытых этими методами *знаниях* о действительных фактах и объясняющих их закономерностях *реальной* истории, а не на *мифах* мистически воображаемой (и непременно реальность пристрастно искажающей!) *богословской*, так называемой «священной» истории.

Посмотрим в этой связи на такую, только что упомянутую, важнейшую и столь злободневно звучащую «и ныне, и присно, и вовеки» категорию (и социальный параметр), как *свобода*. В изложенном Энгельсом понимании «скачка из царства необходимости в царство свободы» в принципе раскрыта сущность и основа *действительно*, – а не в религиозно-идеалистических фантазиях, – возможной и доступной для человечества и человека свободы. Поскольку «не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы (и общества, вообще бытия человеческого! – В.О.) действовать для определённых целей... Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы... господстве над нами самими и над внешней природой; она поэтому является необходимым продуктом исторического развития» (там же, т.20, с. 116). В силу всего этого, поясняет, в свою очередь, Маркс в «Капитале», «царство свободы начинается в действительности лишь там, где

прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие» (там же, т. 25, ч. 11, с. 387). В том и состоит смысл и «сверхзадача» подлинно коммунистической революции, обращающей средства производства в общественную собственность, находящуюся под контролем всего общества, что «люди, ставшие, наконец, господами своего собственного объединения в общество, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя – свободными» (там же, т.20, с. 297; т. 19, с. 230). Соответственно этому, если согласиться, что «сущность духа – это исключительно *истина сама по себе*», то напрашивается вывод, что с этой точки зрения, подлинно духовный, смыслоопределяющий «результат истории ... тот, что самая сложная истина, квинтэссенция всякой истины – *люди* – начинают в конце концов сами собой понимать себя» (там же, т. 2, с. 87). Как не вспомнить заповеданную с античности человеку истину, как выражение и условие достижения высшей мудрости, согласно Сократу: «Познай самого себя».

В этой связи нельзя не сказать ещё конкретнее об этом феномене, символично обозначенном в наше время как «это сладкое слово – свобода» и окутанном и по сей день множеством иллюзий не в меньшей степени, чем понятие *религии*. Самая суть и соль истинного понимания категории *свобода* – в отличие от всякого рода субъективистских, обывательских её толкований («что хочу, то и ворочу», «моему ндраву не препятствуй» и т.п.), в противовес и произволу, и принуждению извне, – в том и заключается, как определял это, правда, на свой идеалистический лад, великий диалектик, – что «свобода состоит именно в том, чтобы в своем другом все же быть у самого себя, быть в зависимости только от самого себя, определять самого себя... Свобода есть лишь там, где нет для меня ничего другого, что не было бы мною самим (в смысле: *моё* проявление, продолжение *меня* – *моё родное, своё*, скажем, *мой* долг, *моё призвание* и т.п. – В.О.). ...Ибо свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютно другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам» (Гегель. Энциклопедия философских наук, т.1, Наука логики, Изд. «Мысль», М. – 1974, с. 124, 152). Рациональное зерно в этом определении – если его прочесть материалистически – обнаруживается именно в понимании свободы как реалистического осознанно-деятельного самоопределения, самодетерминирования субъекта в процессе деятельности, т.е. его зависимости в своей *внутренней* мотивации лишь от самого себя в отношении того, что его побуждает и руководит его деятельностью и в противопоставлении в этом смысле какому-то *внешнему* принуждению, внешней зависимости и диктату. Можно это выразить и словами поэта: «Он знал одной лишь думы власть, // Одну, но пламенную *страсть*» (выделено мной – В.О.). Или вот слова маршала Тюренна, говорящего, обращаясь к себе, в пылу битвы, под градом пуль и снарядов: «Ты дрожишь, скелет?! Ты дрожал бы ещё больше, если бы знал, куда *я* тебя поведу!». *Я сам* – вот в чём здесь соль! Иначе говоря, это в данном случае есть господство над *самим собой*, а не господство над тобой кого-то *другого*, тем более *абсолютно* всемогущего существа, по отношению к которому ты выступаешь, в свою очередь, в качестве существа *абсолютно зависимого, абсолютно* подчинённого – «*раба божьего*», – с которым (т.е. с тобой!), как с марионеткой, с «зомби», – этот *всё могущий* может сделать всё, что

захочет, независимо от твоей воли и желаний, как с находящимся в состоянии предельного рабства, а значит и предельной несвободы. Как с таким божественным всемогуществом, всеведением и абсолютным предопределением по отношению к человеческой жизнедеятельности и всей истории человечества совместить понятие «свободы воли» человека, а следовательно, понятия «вины», «ответственности», «греха», «воздаяния» и т.п.? – это одному богу известно. Сами же богословы здесь путаются, как уже выше замечено, в абсурдных противоречиях не меньше, чем в принципиальных для теологической догматики проблемах теодицеи, трёх ипостасей единого Бога, эсхатологии, предопределения и свободной воли и т.п.

Положительный же смысл свободы как самоуправления, самодеятельности и т.п. (ключевое слово здесь, опять-таки – *сам!*) раскрывается в духе пушкинского термина «самостоянье человека» и его же: «*Ты сам свой высший суд; // Всех строже оценить ты свой умеешь труд*». Но и с другой стороны: «*Учуся в истине блаженство находить, // Свободною душой закон боготворит..*». А вот для сравнения наш современник – Леонид Мартынов: «*И знаете, что значит быть свободным? // Ведь это значит быть за все в ответе!*». Или, наконец, как это формулировали авторы «Святого семейства», смысл подлинной свободы: человек «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность».

«Свобода воли означает – разъяснял Энгельс в «Анти-Дюринге» – не что иное, как способность принимать решения со знанием дела». Откуда и вытекает, кстати сказать, обязанность подлинно гуманистического общества «предоставить каждому необходимый общественный простор для его насущных жизненных проявлений» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 145). Только опять-таки всё это надо правильно понять – вовсе не в смысле свободы как *произвола* и контрадикторной противоположности необходимости, т.е. как независимость *от* необходимости, как освобождение от неё, а, скорее, в том смысле, в каком «систематик бэконовского материализма» Томас Гоббс утверждал, что «могущество и свобода – тождественны». То есть, я свободен в той мере, в какой я сам *могу* (обладаю могуществом) *определять* свою жизнь, деятельность, окружающий мир и т.п. в соответствии с

познанными законами всего этого, ибо «природа побеждается только подчинением ей» (Фрэнсис Бэкон). Гегель же прямо подчеркивал, что «свобода, не имеющая в себе никакой необходимости, и одна лишь голая необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена в себе и, следовательно, вместе с тем необходима», только это есть не внешняя, а «подлинно внутренняя необходимость, ибо последняя есть свобода» (цит. соч., с. 143) Поэтому «слепа необходимость лишь постольку, поскольку она не постигается в понятии» (там же, с. 323). В свою очередь, авторы «Немецкой идеологии» отмечали, что «свобода определялась до сих пор философами двояким образом. С одной стороны, она определялась как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живёт индивид: так она определялась всеми материалистами. С другой стороны, она рассматривалась как самоопределение, как избавление от действительного мира, как – мнимая только – свобода духа: так она определялась всеми идеалистами, особенно немецкими» (МЭС, т.3, с. 292, примеч.). Материализм же диалектический доказывает, что истинное, действительное самоопределение человека как *свободно* действующей, коллективистски (а не индивидуалистически!) воспитанной и ориентированной личности, возможно вовсе не путём «избавления от действительного мира» и бегства в мир фантазий «духа», а, напротив, путём реального овладения этим миром на основе познания его законов и целенаправленного коллективно-согласованного его преобразования ради *общего* блага, как основы *личного* блага и развития каждого

В свете всего сказанного должно быть совершенно понятно, что, подобно тому, как «гений и злодейство – две вещи несовместные», точно также несовместимы в принципе, с одной стороны, *религия*, с её культом сверхчеловеческого начала и соответствующим превращением человека в *раба*, в марионетку этого *абсолюта* («нет божества без убожества» – подчеркивал выдающийся философ-марксист XX века Э.В.Ильенков), в какой бы форме это ни выступало, а с другой стороны, созидание подлинно *гуманистического* общества, высшей ценностью, самоцелью и критерием достигаемого уровня развития которого является не что иное, как свободное, всестороннее и

гармоническое формирование, воспитание и развитие каждого человека как личности в полном и высшем смысле этого слова. Сама сущность этого – принципиально нового по глубинным основам и закономерностям своего существования и развития – социума предполагает (и требует!), чтобы общественное и сознательное руководство социальным процессом развития осуществлялось на основе подлинно научного (т.е. беспощадно критического и самокритического, а не утопически фантазирующего или апологетического!) сознания и познания общественных процессов и назревающих в них изменений. Энгельс писал, разъясняя это диалектическое изменение отношения общественного бытия и сознания в прогнозируемом им обществе будущего: «Взгляд, согласно которому *будто бы* идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдалённом будущем может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя (да будет позволено так сказать), вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли. – Это применимо и к представлениям о *праве*, а следовательно и к политике» (там же, т. 20, с. 639).

Но для того, чтобы общественное сознание могло успешно осуществлять свою руководящую и направляющую функцию в общественном развитии оно должно быть *освобождено* от искажающего воздействия *того*, что основоположники марксизма называли, в зависимости от контекста, по-разному, но что в сущности своей представляет некое единое заблуждение человеческого ума – его способность творить «идолов», если воспользоваться богатым по содержанию понятием Ф.Бэкона. У Маркса же и Энгельса это именуется следующим образом: «*идеологическим воззрением*», «идеологическим процессом», «идеологическим методом, называемым также априорным» (Энгельс), «идеологизмом», «спекулятивной конструкцией» (Маркс) или, наконец, просто «идеологией». И всё это в обобщенном смысле «превратного», извращенного сознания, в

котором *отражения* реальных отношений и предметов в головах людей (представления, мысли, понятия, идеи) воспринимаются людьми, *без* осознания источника этих «мысле-образов, а как первичные творящие и определяющие *причины*, «творцы» самих данных действительных отношений и предметов. То есть, в таком сознании «все стоит на голове». Религия и представляет собой исходный, основополагающий, универсальный, в известном смысле, классический образец (парадигму своего рода) такого, *идеологического* (в указанном смысле) типа сознания. Потому-то, между прочим, по Марксу, «критика религии – предпосылка всякой другой критики» (там же, т.1, с. 414). Раскрывая общий гносеологический механизм возникновения подобного типа мышления и сознания, Маркс заметил в «Тетрадах по эпикурейской философии»: «В обыденном мышлении всегда оказываются налицо готовые предикаты, которые оно отделяет от субъекта. Все философы делали из самих предикатов субъекты» (там же, т. 40, с. 78). Более развёрнуто и популярно ту же фактически мысль выразил и Фейербах в «Лекциях о сущности религии»: «Человек отделяет в мышлении прилагательное от существительного, свойство от сущности... И метафизический бог есть не что иное, как краткий перечень или совокупность наиболее общих свойств, извлеченных из природы, которую, однако, человек посредством силы воображения, именно таким отделением от чувственной сущности, от матери природы, снова превращает в самостоятельного субъекта или существо». Ту же роль играет *Логика* («явно имеется в виду Гегель», – отмечает при этом, конспектируя Фейербаха, Ленин), превращающая бытие, сущность в особую реальность, но «как неразумно желать превратить метафизическое существование в физическое, субъективное существование – в объективное, логическое или абстрактное существование – опять в существование нелогическое, действительное!». Выписав в своём конспекте (им я здесь и воспользовался, цитируя Фейербаха) эти цитаты, Ленин замечает на полях: «NB глубоко верно! NB» И: «Замечательно (против Гегеля и идеализма)» (Ленин В.И. Полн.собр. соч., т.29, с. 60). Соотнесение здесь – в отношении гносеологических «корней» таких идеологических заблуждений – религии и гегелевской (вообще идеалистической) философии чрезвычайно показательно. Если религия в своей непосредственной, первородной форме (до

её всевозможных теологических «накручиваний», переплетающихся с идеалистическим философствованием) составляет, образно говоря, «нижний», т.е. чувственно-эмоциональный «этаж» (или даже, так сказать, «подвальный» – на уровне фетишистском, тотемистическом, мифологическом) гигантского здания человеческих заблуждений (уже древние знали: *errare humanum est* – человеку свойственно ошибаться), иллюзий, мистических галлюцинаций. То философия – и именно в своей гегелевской, как вершинной, классически завершённой форме – представляет собой высший (чтоб не сказать – «чердачный») абстрактно-логический «этаж» этого здания человеческой культуры. Поэтому вполне закономерно, что в процессе выработки свободного от иллюзий миропонимания и «сведения счетов со своей прежней философской совестью», создатели марксизма параллельно осуществляли критику и религиозных, и гегелевских иллюзий, причем в особенности в отношении самого метода их, с позволения сказать, «сотворения». «Гегель – замечают авторы «Немецкой идеологии» – завершил позитивный идеализм. У него не только весь материальный мир превратился в мир мыслей, вся история – в историю мыслей. Он не довольствовался тем, что регистрировал мысленные вещи, он пытался изобразить и акт их производства... Согласно гегелевской системе («т.е. согласно *иллюзии Гегеля*»), идеи, мысли, понятия производили, определяли, держали под своей властью действительную жизнь людей, их материальный мир, их реальные отношения» (МЭС, т. 3, с. 12). «Он умеет поэтому, в противоположность предшествующей философии, собрать воедино её отдельные моменты и представить свою философию как философию *по преимуществу*... Поэтому его наука абсолютна» (там же, т.42, с. 159). И поэтому же «Гегелем вообще завершается философия, с одной стороны, потому, что его система представляет собой величественный итог всего предыдущего развития философии, а с другой – потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из этого лабиринта систем к действительному положительному познанию мира» (там же, т. 21, с. 278-279).

Таким образом, очерчиваются *границы* – «нижняя» и «верхняя» – всего пространства *идеологизма* (включающего, внутри этих границ, все его формы, помимо названных –

экономические, политические, правовые, нравственные и т.д.) и создаётся возможность его целостного, всеохватывающего преодоления, поскольку вскрывается сама *методология* построения идеологических форм снизу доверху. Лучший способ *духовно* освободиться от поклонения тому или иному *идолу* и/или, соответственно, *мифу* – это увидеть и понять: «как и для чего делают его». А производство (бессознательное или целенаправленное) различного рода и уровня *идолов* и *мифов* – неперемнная и важная идеологическая функция стихийно развивающегося классово-антагонистического социума (см. на этот счёт, например, прекрасные работы: Э.В. Ильенков. «Об идолах и идеалах». – М.: Политиздат, 1968.; Мих. Лифшиц. «Мифология древняя и современная». – М.: «Искусство», 1979). Перефразируя мысль Э.Хемингуэя («всё может быть опиумом для народа»), можно сказать, что *всё*, в принципе, в обществе может стать предметом мифологии и идолопоклонничества (сопоставимого с религиозным). Возьмём в качестве иллюстрации такой, по выражению Маркса, предмет в *наивысшем* смысле, как «*деньги*, обладающие *свойством* все покупать, *свойством* все предметы себе присваивать», а потому и представляющие «собой, следовательно, *предмет* в наивысшем смысле. Универсальность этого их *свойства* есть всемогущество их сущности; поэтому они слывут всемогущими». И потому же они, как это, по словам Маркса, превосходно изображал Шекспир, суть «видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей; они осуществляют братание невозможностей». И это извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, – эта *божественная* сила денег – кроется в *сущности* денег как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека (ср. с религией как самоотчуждением и самоопустошением человека – В.О.). Они – отчужденная *мощь человечества*» (там же, т. 42, с. 146-147, 149). И столь же поучительно в этой связи то, что писал Маркс, анализируя так называемый «еврейский вопрос»: «*Практическая потребность, эгоизм* – вот принцип *гражданского общества* (о котором, кстати сказать, столько *мифов* сегодня преподносят либералы и «демократы» как о мечте и цели, де, нашего развития – В.О.), и он выступил в чистом виде, как только гражданское

общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство. *Бог практической потребности и своекорыстия* – это *деньги*. Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги – это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, *стоимость* всех вещей. Они поэтому лишили весь мир – как человеческий мир, так и природу – их собственной стоимости. Деньги – это отчужденная от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей. Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом, Вексель – это действительный бог еврея. Его бог – только иллюзорный вексель» (там же, т.1, с.410). Позднее, в черновом варианте «Капитала», Маркс выражал это более прозаически: «Деньги сами – *общественная связь*... и не терпят над собой никакой другой общественной связи. Это предполагает, однако, полное развитие меновых стоимостей, стало быть – развитие соответствующей организации общества». То есть, именно такого общества, – а таковым и является фактически современный социум и в России, и в большинстве стран мира, – в котором, увы, «индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием. Поэтому – делает Маркс вывод, содержащий фактически указание на главную объективную причину краха советского эксперимента – не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *менной стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством» (там же, т.46, ч.1, с.167, 101-102). Вот этот контроль трудового народа (в лице Советов и компартии, пока они не переродились в бюрократическую «номенклатуру») над общественным производством и развитием и превратился в свою противоположность, обернувшись, в итоге, перестав быть диктатурой трудящихся, диктатурой паразитов – оказавшись властью больших денег, властью компрадорско-олигархического капитала и «новой», бюрократическо-силовой, клановой номенклатуры. Сработал, опять-таки, вышеупомянутый закон «иронии истории», согласно которому «превращение в свою

противоположность, это достижение в конечном счете такого пункта, который полярно противоположен исходному, составляет естественно неизбежную судьбу всех исторических движений, участники которых имеют смутное представление о причинах и условиях их существования и поэтому ставят перед ними чисто иллюзорные цели (вроде хрущевского обещания «коммунизма в 1980 г.» или горбачевской «перестройки» – В.О.). «Ирония истории» неумолимо вносит здесь свои поправки» (там же, т. 22, с.21-22). История ещё раз и, по-видимому, не последний, доказала справедливость мудрого замечания молодого Маркса: «Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной ещё многих трагедий» (там же, т. 1, с. 112). Квзимарксистское невежество оказалось не лучше прочих.

И в самом деле, как разъяснял Ленин ещё в 1919 г. 1 Всероссийскому съезду по внешкольному образованию: «Деньги – ведь это сгусток общественного богатства, сгусток общественного труда, деньги – это свидетельство на получение дани со всех трудящихся, деньги – это остаток вчерашней эксплуатации», ибо «каждый, имеющий деньги, имеет фактическое право на эксплуатацию» (Полн. собр. соч., т. 38, с. 352, 353). Деньги нельзя отменить сразу, пояснял он при этом (как и религию – заметим для сравнения): «нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги, а до тех пор приходится оставаться при равенстве на словах, в конституции» (там же), и при том положении, когда остается и право на эксплуатацию, и постоянная возможность её осуществления и возрастания. Что, как видим, и не могло не реализоваться, как только ретивые «рыночники» подвигли идейно и политически малограмотное советское общество (для которого, в массе его, марксизм был отнюдь не научным «руководством к действию», а всего лишь догмой, чем-то вроде нового варианта «закона божьего») на те самоубийственные «реформы», которые в скором времени продемонстрировали свой капиталистический, бандитско-людоедский оскал – вместо обещанного «социализма с человеческим лицом». Иной и не могла быть на деле, – а не в фантазиях демагогов и филистеров – «морда лица» безбрежной, не регулируемой в интересах трудового большинства народа, *частной* собственности – как ещё одной (наряду с *демократией*,

рынком, «свободной» конкуренцией и т.п.) завлекательной иллюзорной «приманки» из «пантеона» мифов и идолов буржуазной демагогической науки, воспроизводящей в онаученной форме привычные иллюзии прагматически действующего эгоистического обывателя. Так, например, об экономических иллюзиях в сфере распределения, как прообразе и аналогии всех подобных идеологизированных форм (юридических, политических, религиозных, философских и т.д.), общую тайну фетишистского характера которых Маркс обрисовал в соответствующем разделе «Капитала», он писал в «Теориях прибавочной стоимости»: «Форма дохода и источники дохода выражают отношения капиталистического производства в наиболее фетишистской форме. Это их бытие в том виде, в каком оно проявляется на поверхности, оторванное от скрытой под ней связи и посредствующих промежуточных звеньев. Так земля становится источником *земельной ренты*, капитал – источником *прибыли*, а труд – источником *заработной платы*. Та извращенная форма, в которой выражается действительно существующее извращение, естественным образом воспроизводится в представлениях агентов этого способа производства. Это – особого рода фикция без фантазии, религия вульгарного обывателя. Вульгарные экономисты – их надо строго отличать от экономистов-исследователей, являющихся предметом нашей критики, – фактически переводят [на язык политической экономии] представления, мотивы и т. д. находящихся в плену у капиталистического производства носителей его, представления и мотивы, в которых капиталистическое производство отражается лишь в своей поверхностной видимости. Они переводят их на доктринерский язык, но с точки зрения господствующей части [общества], капиталистов, и поэтому не наивно и объективно, а апологетически» (МЭС, т.26, ч. 3, с. 471). Общая «формула» здесь товарно-денежного фетишизма в капиталистическом (и вообще – в частнособственническом) обществе здесь та, что «определенное общественное отношение самих людей, ...принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с

людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук». Этот фетишизм неотделим, по Марксу, от товарного производства, поскольку продукты труда производятся как товары. И сходным же образом, «религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т.е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития» (там же, т.23, с. 90). Это вовсе не означает, что люди должны пассивно дожидаться наступления такого объективного общественного состояния, которое, де, «автоматически» приведет к отмиранию самих социальных корней религии, а потому и её самой, поскольку, мол, человеческому сознанию в таком общественном бытии нечего будет – в религиозно-мистифицирующем смысле – отражать. Однако согласно диалектическому материализму, сознание человека не только (и не просто, не зеркально-пассивно) отражает мир, но и творит его, когда мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его. Без такой творчески преобразующей мир функции познающего законы этого мира сознания, – а стало быть, и без борьбы с его иллюзиями и заблуждениями, в том числе и религиозными – невозможно и наступление научно прогнозируемого подлинно человеческого общественного устройства. Тут, как говорит умная пословица, «на бога (т.е. на объективный ход истории) надейся, да сам не плошай!». Освобождение от религиозных иллюзий – первый и необходимый шаг к освобождению человека и человеческого духа от всех дурманящих его мистерий, ибо именно «критика религии – предпосылка всякой другой критики» (там же, т.1, с. 414). Критики, освобождающей дух человеческий от гнёта иллюзии о божественном откровении как высшем источнике «абсолютной

Истины». Но, как уже говорилось, вообще сама «сущность духа – это исключительно *истина сама по себе*». И потому «всеобщая скромность духа – это разум, та универсальная независимость, которая относится ко *всякой вещи* так, как того требует *сущность самой вещи*» (там же, с. 6-7) в её действительном, земном существовании, а не с точки зрения её сверхъестественного, «божественного» определения. Претензии же религии на монополию «духовности» правомерны не более, чем категорическое заявление, что *только* «устаами младенца глаголет истина». Вопрос-то как раз именно в том, какова эта «истина», какова *мера* её истинности (не «*младенческая*» ли? не превратная ли?). Разве не прав Шекспир, утверждавший, «что во всяком безумии есть своя логика», а стало быть, и какая-то своя «истина»? Однако, глубже по смыслу афоризм Спинозы: «Истина – пробный камень себя самой и лжи». Иными словами, истина подобна свету, который, обнаруживая себя, освещает и тьму. То есть, самая *истинная* истина та, которая, вырабатываясь на основе опыта развития общественно-исторической практики, способна вскрыть меру *истинности* и в том заблуждении, которое ей, как правило, предшествует. Как это выражено в 8 тезисе Маркса о Фейербахе: «Общественная жизнь является по существу *практической*. Все мистерии, которые уводят теории в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики». Поэтому-то дело, в конечном счёте, и сводится к тому, чтобы не только, познавая, понимать и объяснять мир, но и, на основе этого познания, учиться всё более разумно, в интересах гармонического развития трудящегося человечества, изменять, преобразовывать, улучшать и совершенствовать его.

Пройденная Марксом и Энгельсом школа критического преодоления и религиозного, и гегелевского (особенно в форме развернутого разоблачения в «Немецкой идеологии» – эпигонского послегегелевского) идеологизма, позволила им выработать всеобщий метод критического, *антиидеологического*, т.е. осознанного диалектико-материалистического мышления, без которого не может быть подлинной, беспощадно-критической социально-исторической *науки*. И только на основе такой науки, её использования как верного метода руководства деятельностью (и *самодеятельностью!*) народных масс возможно надёжное и

успешное продвижение к той цели, достижение которой классики марксизма считали началом человеческой, в полном смысле слова, гуманистической *историей*, в отличие от классово-антагонистической *предыстории*, вырваться из цепких пут которой и попытался СССР.

Одним из наглядных проявлений того, насколько глубоко всё ещё в этой «предыстории» современное человечество вязнет, является такой вроде бы «частный» феномен, как включение в число обязательных демократических прав и свобод (как некий показатель «демократичности») так называемой «свободы совести», свободного выбора вероисповедания гражданами. Думаю, что и сегодня поучителен взгляд на эту проблему такого мудрого, демократичного мыслителя и крупнейшего исследователя религии, как Людвиг Фейербах, выступивший в своё время против того «поверхностного взгляда», согласно которому вполне нормально, де, когда «политическая свобода соединяется с религиозными предрассудками и ограниченностью», – и заявлявший: «Я гроша не дам за такую политическую свободу, которая оставляет человека рабом религии. Истинная свобода – лишь там, где человек свободен также и от религиозных предрассудков; истинное образование – лишь там, где человек возвысился над своими религиозными предрассудками и воображением. Но цель государства не может быть иной, как формировать настоящих, совершенных людей, – совершенных, разумеется, не в смысле фантастики; поэтому государство, граждане которого, при наличии свободных политических учреждений, религиозно не свободны, не может быть истинно человеческим и свободным государством. Не государство делает людей, а люди делают государство. Каковы люди, *таково* и государство... Поэтому там, где люди свободны политически и не свободны религиозно, там и государство не достигло совершенства и законченности». Что же касается «свободы веры и совести», то, по словам Фейербаха, «конечно, первым условием свободного государства является положение, что каждый «может делаться праведным на свой лад», каждый может верить по-своему. Но это свобода весьма незавидная и бессодержательная; ибо она не что иное, как свобода или право *каждому* быть дураком на свой манер... Но задача человека в государстве заключается не только в том, чтобы верить, во что он

хочет, но и верить в то, что разумно; вообще не только в том, чтобы верить, но чтобы и знать то, что он может и должен знать, если он хочет быть свободным и образованным человеком... В области природы есть, правда, ещё много непонятного; но тайны религии, которые скрыты от человека, человек может понять до самого основания. Именно потому, что он это может, он это должен». Там же, «где вера уже только ложь, там человек находится в самом отвратительном противоречии с самим собой, там вера имеет, по крайней мере *морально*, пагубное действие. Но такой ложью является современная вера в бога. Устранение этой лжи есть условие нового, дееспособного человечества» (Людвиг Фейербах. Избранные философ. произв., т. 2, Госполитиздат – М. – 1955, с. 733-734, 735). Заметим, что с момента изложения этих мыслей минуло более 160-ти лет...

Полагаю, что, тем не менее, эти мысли умного и честного исследователя религии и человека, – не утратившие свою верность и значимость за прошедшее (с 1848–51 гг.) время – могут послужить чем-то вроде заключения данного, чрезмерно затянувшегося, предисловия. Затронутая в нём проблематика, – изложение которой было задумано в качестве, так сказать, теоретической преамбулы к предлагаемому, – популярно написанному, в отличие от моего текста, – сочинению И.Д.Балалаева, – настолько фундаментальна и, вместе с тем, актуальна и необъятна в своих аспектах, разносторонних проявлениях и применениях, что пришлось оставить за скобками очень многое из того, что буквально напрашивалось согласно логике излагаемых вопросов; в противном случае, вместо предисловия получился бы весьма объёмистый «трактат». (Впрочем, частично эти аспекты затронуты мною в Послесловии к книге).

Таким образом, заинтересованно мыслящему читателю предлагается возможность получить для собственного осмысления обсуждаемых вопросов разнообразный – и даже в различной манере представленный – *материал*, позволяющий на предмет обсуждения как бы посмотреть под разным углом зрения, сопоставляя тем самым различные (а может, в чём-то и противоречащие) аспекты сложной проблемы и, соответственно, подходы к ней. Надеюсь, что в данном случае подобная «разноголосица» не повредит, а, наоборот, поможет решению

поставленной автором перед собой задачи: побудить читателя к самостоятельному, новому (если, конечно, не было его прежде) размышлению над вопросами, которые в их значимости можно оценить словами одного французского писателя: «существуют столь жгучие вопросы, что беспристрастие выше сил человеческих». Современная общественная (и мировая, и российская) жизнь предоставляет немало подтверждений этой «жгучести», этой злободневности проблемы отношения религии и человека – как в тех «реформаторских» перипетиях, которые переживает ныне Россия, так и в тех бурных и, нередко, кровавых процессах, которые демонстрирует, к примеру, арабский Восток. Что же касается «родимого отечества», то здесь, пожалуй, наиболее показательным является настырное стремление церкви, противоречащее самой сути и Конституции светского государства, действуя согласно итальянской поговорке: «куда голова не пролезает, можно попытаться хвост просунуть», проникнуть, так или иначе, в благовидной оболочке, в самый процесс школьного образования. Логика сих стараний вполне понятна: в школе зарождается будущее общества и страны, а детские податливые умы, не созревшие для критически осознанного восприятия авторитетно преподносимой «премудрости» – наиболее благодатная почва для посева желаемых «идей» богоугодного и, естественно, для власти и богатства имущих угодного, характера и рода. Вся мировая историю подобную «логику» демонстрирует. Однако её проводники и сторонники частенько упускают из виду другую, «ироническую» сторону опыта этой истории, о которой говорилось выше: «благие» намерения, противоречащие исторически закономерным тенденциям, склонны превращаться в свою противоположность. И тогда народная мудрость подытоживает: «благими намерениями вымощена дорога в ад». Причём, добавим, часто именно в земной, а не в воображаемый – «небесный».

2012.

БОЖЕСТВЕННОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

«Бог сотворил человека по своему образу и подобию, и человек отомстил ему тем же».

Поль Анри Гольбах

«Ирония истории, когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность».

Карл Маркс

Было скучно Богу одному
в вечной бесконечности себя.
Вот и сотворил он потому
Мир и Человека в нём, любя.
Возлюбя в нём зеркало своё
образ и игрушку для забав.
в *краткое* ввергая бытиё,
дабы не испортить дублю нрав,
дабы духом не вознёсся тот,
кто с Творцом бессмертием сравним,
дабы телом смертен был, как скот,
отличаясь только лишь одним:
лишь печальным свойством – *познавать*
и геройством – *тоже создавать* –
для своей ли, что ль уже, игры?–
человечьи новые миры,
забавляя своего Творца
трагико-комедией слепца,
за собой ведущего глупца
в чаяньи победного конца.
Как уж жаждут Авторы творений
сладости побед и одобрений!
Но язвят *иронией* творца
тернии «победного» венца!
Не дано творцу предугадать,
что с ним *тварь* сумеет вытворять.
Сотворённый дерзко восстаёт
и творцу готовит ... эшафот!...
О всеведущий и всемогущий Бог!
Что ж ты мудрыми нас сотворить не мог?!
И постигнуть суть Добра и Зла
что ж нам *твоя* мудрость не дала?!...
Спичками играющий малец,
бомбу разбирающий юнец,
честных обирающий подлец,

умных поучающий глупец,
скромных обличающий наглец,
глупость сотворяющий «мудрец»,
к пропасти шагающий слепец...
Этого ли ты хотел, Творец?1?
Где ж твоя *премудрость*, наконец?!
Неужели ж *творчества итоги*
предсказать не могут даже *боги*:
всех, итоги эти кто подводит,
сами-то *итоги* и *подводят*?!
Но у Бога вечность впереди:
можно скорректировать ошибки.
Человек не может городить
тяп-да-ляп: уж больно веком хлипкий!
Вывод странный, может быть, немного:
Человек *мудрей* быть должен Бога!
Чтоб творя и *вытворяя* в мире,
не устроить Миру харакири,
т.е. свои *творенья* возлюбя,
не убить их *следствием* себя,
в силу несовместности их свойства
с жизнью человеческого устройства,
кое есть «творения венец»;
так его конец – всему конец?!...
Или в том твой замысел, о Боже,
неудачу с нами потерпев,
сотворить вновь – лучше и моложе
– род *Адамов* и прекрасных *Ев*?!...
Ну, а нам – ходи по острию,
всё творя то ль жизнь, то ль смерть свою!?!
Как не взвять тут: «Господи еси!
Чашу эту мимо пронеси!».
Но как рок – зуд творчества в крови;
в этот зов Деяний и Любви
вслушайся, мотив в нём улови:
«Господи, благослови!»...
2011.

ТЕОДИЦЕЯ?!?

Максиму Бахтину

Религий, как известно, много.
Но в этом ли главное бедствие?
Вся соль – каково *понятие* Бога,
а всё остальное – следствия.

Если Бога наивные люди слепили
по наличному образу своему человечьему,
то тем самым *volens-nolens* «влепили»
все людские пороки-увечья ему.

Для тех же, кому всего превыше
Истина, Добро, Совесть, Красота –
им-то в *идею* Бога, значит, вышла
человечества исконная *мечта*,
грёза та, что в *духе* витает извечно:
быть в блаженной жизни человеческой
в роли всемогущего творца,
мир свой сотворившего мудреца,
миром этим управляющего «отца»,
красоту его осознавшего до конца....

Не в этом ли *теодицея* – идеи Бога оправдание
пред «мордой» лица в нашем мире Зла и Страдания?!?...

Только вот что должно бы смутить нас «немного»
в прихотливом таком мудрецов рассуждении:
ведь на деле исходно *понятие* Бога
выражает тот смысл вековых заблуждений,
что не сам Человек сотворяет свой Мир,
за который и должен быть в целом в ответе,
а какой-то над ним вознесенный «кумир»,
как Творец и «Начальник» всего, что на Свете...

Несовместимы Идеи две эти,
как два медведя в одной берлоге.
И только те, кто умом как дети,

их совмещения ищут «в Боге»,
поскольку, де, Вечности Духу «увечья»
не причиняют противоречья,
в которых он сам пребывает отлично...
Пусть так. Но конечная-то душа человечья.
впав в подобных идей раздвоение – *шизофренична!*

3.4. Замечания по итоговой работе В.А.Соколова,

(рукопись состоящая из 2-х частей):

1. Космоконституционные каноны «Всевышнего Космотворца, детерминированные человечеству.
2. Генезис Вельзевулской парадигмы, предопределившей развитие техносуицидного поведения человечества».

Данная работа представляется мне, в определённой степени, *этико-философским* (или *этико-теософским*, если буквально следовать терминологии автора) *резюмированием* (поэтому я считаю необходимым излагать её основные мысли как можно ближе к тексту) предыдущих, пятидесятилетних исследований и публикаций автора, которые надо иметь в виду, чтобы адекватно и в должной мере понять и оценить этот, рассматриваемый здесь труд. Действительно, становящаяся всё более актуальной, – но пока ещё не очевидной в этом качестве для большинства населения планеты, – проблему сохранения высших форм жизни и самого человечества на Земле, автор с самого начала формулирует как этико-правовую систему основополагающих *прав* и *обязанностей* (что Разрешено и что Запрещено) человечества, как сообщества наделённых сознанием существ, по отношению к среде, источнику и базису своего существования – к природе «одухотворённой биопланеты Земля» (В.А.Соколов), её ресурсам, гомеостазису биосферы и т.п. Автор в этом смысле формулирует «простой до тупости социкибернетический императив», согласно которому социальная жизнедеятельность человечества «должна сама себя осознанно удерживать в «узде» допустимого, согласуемого с биофизическими параметрами «несущей способности» Земли, а не эгосубъективным «аппетитом» олигархосибаритов, насилующих природу и людей» .

Автор подтверждает и иллюстрирует этот «императив» соответствующими формулами и постоянно подчеркивает, что нарушение этих параметров «неизбежно ведёт к ускоренной насильственно-искусственной деградации гомеостаза Земли и, следовательно, к ускоренной энтропии биопланеты, а с ней и к самоумерщвлению Человечества» (с.4). Которое, увы, «увязнув в примитивно-жлобском сибаризме, оседлав варварские технологии

(на базе сверхнеобходимого сжигания углеводов и кислорода), встало на «тропу войны» не только с биопланетой Земля, но и с самим собой, набросив тем самым на свою «шею» петлю техносуицида – осталось лишь затянуть. И что удивительно...даже сейчас, стоя на краю «могилы», Человечество не только не признаёт, но и не понимает того факта, что оно уже приблизилось вплотную к неприемлемому истощению энергоресурсов Земли и отравлению Биосферы. Без осознания и выполнения вышеперечисленных Космоимперативов, движение к Ноосферной цивилизации НЕВОЗМОЖНО по определению!»

Следует отметить и подчеркнуть, что все эти положения, высказываемые здесь фактически в качестве аксиоматических, были развёрнуто и научно обоснованно изложены в предшествующих публикациях и выступлениях автора на различных представительных форумах. И против них в принципе вряд ли могут быть серьёзные возражения. Напротив, из этого анализа научно прогнозируемой в обозримом будущем глобальной катастрофы вытекает настоятельная необходимость делать соответствующие практические выводы, предпринимать согласованные в международном сообществе предупредительные меры против всё нарастающей опасности планетарного масштаба – превращения биопланеты в мёртвую планету.

Но в данной работе нашего автора (и, стало быть, и нас) больше интересует иной, уже отмеченный мною, *этически-правовой, философско-теософский*, а значит, при правильном подходе, прежде всего, *методологический* аспект проблемы. Ведь «метафизика, как и вообще *вся* философия, *резюмируется*, по мнению Гегеля, в *методе*» (выделено мной – В.О.), отмечал Марк в «Нищете философии», солидаризуясь в этом с учителем. Поэтому следует внимательнее присмотреться к тому, как, в каком смысле этот аспект трактуется В.А.Соколовым.

Отметим, прежде всего, что, в связи с вышеизложенным, автор особенно настойчиво задаётся такими мировоззренчески (и, значит, методологически – NB!) принципиальными *вопросами*, над которыми тысячелетиями бьётся человеческая мысль, вырабатывая целый спектр различных, противоположных и противоречащих друг другу подходов, направлений и концепций. Он эти коренные миропонимания вопросы формулирует следующим образом:

«— В чём генезис возникновения и развития суицидного поведения Человечества, наделённого рефлекслирующим мозгом?

- Кто, когда и зачем сбил Человечество с жизнелозидующего пути, предназначающего «Создателем»? (с. 6).

- «в чём причина появления у людей зла, эгоизма, невежества, жестокости, порождающих желание жить за счёт других» (Томмазо Кампанелла «Город Солнца», XV век);

- «почему цивилизация лихорадочно спешит к катастрофической гибели» (Г.Гребенчиков. «Письма с Помпеярага», 1928 год);

- «в чём генезис возникновения и развития суицидного развития человечества»?

В.Соколов. «Законы природы и судьба цивилизации», 2005 год, «Социокибернетическая модель государства, строящего свое бытие по законам Космоприроды», 1992 год).

- Так кто же, когда и зачем спроектировал, запустил и внедрил вельзевулскую технологию по уничтожению биожизни на Земле, следовательно, и самих себя?...

- Что за гормон смерти был внедрён в сознание людей, который к настоящему времени, завладев всем «телом» человечества и даже биосферы, гонит земную биожизнь к исчезновению?» (с. 9).

(К этому пункту автор делает характерное примечание в сноске: «Однако надо отметить: талантливы были злодеи в части зомбирования и закабаления гоев под свой синтаксис, но, как оказывается, не настолько чтобы увидеть то, что эгопаразитическое отступление от канонов «Создателя» в отдалённом будущем (оно уже наступает) засосёт и их в «черную дыру» смерти» – с.9).

И автор данной работы, по его словам, «на базе полувекowego исследования четырехтысячелетнего бытия цивилизации, вознамерился отыскать и сформулировать физико-философские и социально-экономические ответы» на указанные вопросы. Но предупреждает, что «осмелившись на этот «подвиг», автор (как исследователь) понимал и то, что физико-философская суть ответов на вышепоименованные вопросы не вписывается в идеологемы современной науки (теософской, эзотерической, материалистической), тем более в «протоколы сионских мудрецов» и потому «вой» вокруг авторской позиции по генезису

суицидного поведения человечества – неизбежен, вплоть до навешивания на автора ярлыка – антисемит. Но, как гласит русская пословица: «Волков бояться – в лес не ходить». Данте по этому поводу сказал: «Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно». Автор так и делает, что ему, конечно, в плюс.

Весьма показательно при этом, что в своём анализе автор откровенно признаётся, что исходит – как из мировоззренческо-методологически определяющего принципа – из «тезиса», подтверждаемого, по его мнению, всей историей человечества, а именно, что, де, согласно Платону: **«Идеи правят миром»** (выделено мной – В.О.). И соответственно, в зависимости от их характера («идеи бывают добрые и злонамеренные, жизнесоздающие и жизнеразрушающие, мелкие и глобальные, долго и краткоживущие») и от характера их «носителей» (являются они «либо добрыми гениями, либо злыми демонами»), возглавляющих массы людей, «живёт и развивается тот или иной этнос, поскольку ярко сформулированная idea, вброшенная в массы plebs, овладевает его сознанием и превращает его либо в осознанно созидательную силу, работающую на благо народа в полном ладу с законами природы /.../, либо в стадо, тупо разрушающее свой и природный гомеостазис /.../» (с. 8).

Ведя свой анализ в этом ключе, автор утверждает, – как вызывающий чрезвычайное удивление и главный вопрос, тот факт, – что «именно «Ветхий Завет» стал основой культуры Европейского и других народов, а не учения Христа, Авесты, Велеса, Сварога, Мухаммеда, Конфуция, Томаса Мора, Роберта Оуэна и, наконец, не социалистическая идея, которые исповедовали и исповедуют: «Торжество света над тьмой»; «Воздержание от убийств, воровства, распутства, лжи, стяжательства, рабства»; «Недопущение ростовщичества, эксплуатации человека над человеком» и т.д., находящиеся в ладу с канонами «Создателя». **Почему?! Что за демоническая сила стояла и стоит на их пути?»** (с. 10. Выделено мной – В.О.). И опять-таки, надо заметить, В.А.Соколов честно предупреждает читателя, что «несмотря на то, что ««Ветхий Завет» во многом мифологичен и потому не несёт в себе научно-историческую достоверность, автор данного исследования строит свои доказательства о разрушительном воздействии «учения» пророка

Моисея на социальное бытие человечества исключительно на его «Заветах»». (В примечании к этому месту говорится, в частности: «Главное не в том, КТО сочинял и диктовал постулаты «Ветхого Завета». Главное в том, что жестоковыйные «Заветы» Моисея были взяты на вооружение «тёмными силами», которые четыре тысячи лет разрушали и до сих пор разрушают человеческую первозданность, инвертировав её в жлобскую похоть потребительства, низвергающую духовность Христа и порабощающую плоть человека. Джон Ригиз (профессор университета Глазго) пришел к выводу: *«Ветхий Завет служил и служит подпиткой для порабощения и угнетения народов. Он служит благодатной почвой для роста этнической, расовой и международной напряженности и развития конфликтов»*) (с. 10-11).

Обозначенный автором подход продиктован, по его словам, тем, что в «заветах» Моисея изначально зашифрована (для непосвящённых) зомбипрограмма по превращению евреев в «богоизбранный народ», а не евреев – в послушное «стадо гоев», таскающих для них «каштаны из огня» (Лафонтен). С этой целью пророк Моисей, за сорок лет хождения по пустыне, воспитал «пастухов – евреев», привив им двойную систему ценностей (двойной стандарт): «Одна – для своих, другая – для чужих», которая используется в современном олигархоокупированном мире с особой циничности» (с. 11). Вместе с этим, «Моисей внушил им, что они отныне, если будут исполнять его заветы – будут «богоизбранным народом», которому всё дозволено относительно других соседних народов. Моисей, получивший знания от египетских жрецов, отлично понимал, что решающую роль в **овладении сознанием масс** играет **идеология мистицизма** (выделено мной – В.О.), в которой скрыт сакральный смысл для непосвящённых гоев. Изощённо манипулируя мистическими приёмами, камуфлируя и спекулируя именем Бога Яхве, Моисей «впрыснул» в примитивное самосознание бывших рабов «вирус» злобы к другим народам и неуёмную жажду наживы, овладев тем самым абсолютной властью над «душами и телами» еврейских гоев, которые с безумным рвением и радостью стали исполнять все его повеления» (с. 13). Более того. С целью увековечивания господства «богоизбранных», Моисей «придумал и наложил на народы Мира сверхизуверскую, самовоспроизводящуюся

«одиннадцатую казнь», «впрыснув» в социальное «тело» человечества «ракообразующую клетку», в виде взимания ссудного процента с заёмщика...» Но «ссудный процент – это основание денежной пирамиды, а денежная пирамида – это основание пирамиды власти над гоями Мира, к которой «страстно стремился...Вельзевул Моисей, возбуждая в «богоизбранных» неуёмную страсть к наживе и к социальному порабощению народов мира...» (с. 14).

Но, как подчеркивает автор ещё раз, «ни изошрённый ум Моисея, ни его адепты и толкователи не понимали (и до сих пор не понимают), что завышенный ссудный процент (как и «раковая опухоль»), развиваясь по петле с «положительной обратной связью», несёт в себе «гормон» смерти не только системе – донору (гоям и соцсистемам), но и паразитирующей подсистеме – «богоизбранным – ростовщикам, банкирам» (с. 15). К этому месту даётся весьма поучительное примечание: «Удивительно. Почему этого (в век т.н. «научного прогресса») не понимают ни правители государств, ни яйцеголовые ученые, в том числе философы и политэкономы. В истории был единственный правитель, кто понимал разрушительную силу завышенного ссудно-банковского процента, это – И.В.Сталин. В его времена банки оказывали УСЛУГИ(!) физическим и юридическим лицам, выдавая им ссуду под два процента годовых, которые использовались на покрытие издержек банка. И.В.Сталин и нарком финансов А.Г.Зверев знали, что деньги, накапливающиеся за счет завышенных процентных ставок, являются инфляционными деньгами, поскольку они не подкреплены потребительно-меновыми ценностями. Вот потому-то мировой финансовый кризис тридцатых годов прошлого века не только не затормозил экономическое развитие СССР, а наоборот, ВВП и НД страны рос со скоростью 15-20 процентов в год. И ещё об одном коварстве завышенного ссудного процента. Большинство людей думают, что они платят за проценты только тогда, когда берут деньги в кредит. Это не так. Коварство заключается в том, что в цены покупаемых товаров включена сумма процента, которая «сидит» в себестоимости издержек на их производство. Так что при олигархокапиталистических производственных отношениях производитель товаров и услуг всегда «сдерёт» с покупателей всю сумму, взятую им в кредит» (с. 15). Социально-экономическая реальность современной России

особенно ощутимо для трудового народа подтверждает эти выводы автора.

Закljučая свою работу, В.А.Соколов пишет что за два тысячелетия ««одиннадцатая казнь» Моисея, как раковая опухоль», распространилась с локальной территории (Ближний Восток) до всемирного масштаба, породив к настоящему времени олигархопаразитические производственные отношения. Этим самым потомки Вельзевула Моисея создали антиприродную техномилитаристскую «геологическую силу», которая разрушая гомеостазис биопланеты – Земля, поставила под угрозу существование не только человечества, но и всю биотическую жизнь на Земле. Поэтому заблудшему человечеству необходимо, наконец, осознать сложившуюся ситуацию и приступить к немедленной выработке жизнесозидающей парадигмы на основе синтеза (!) теософской, эзотерической и материалистической философий. Великие вьсы времени не простят промедления» (с.17).

Итак, я проследил внимательно, в меру своего понимания, логику авторской мысли и разделяю её благородный гуманистический пафос и, как принято говорить, «алармистские» вьводы и призывы к неотложному глобальному действию по предотвращению грозящей человечеству и высшим формам жизни на Земле губительной катастрофы.

Но встает принципиальный *теоретический* («Без теории нам смерть, смерть!» – утверждал, кстати здесь вспомнить, и И.В.Сталин) *вопрос*: следует ли согласиться со *всеми* моментами предложенной автором трактовки по поводу, как он выражается, ««мотива мотивов» скатывания человечества» к этой самой катастрофе и всего того, что составляет по его словам, «многовековое соскальзывание Homo Sapiens от человека природы к человеку антиприроды, который, когда-то подпав под влияние злых демонов, инвертировал жизнесозидающие ценности «Создателя» на жизнеразрушающий эгопаразитизм» (с. 9)? Или здесь не обойтись без существенных коррективов? С эти надо постараться разобраться хотя бы в принципе. А основополагающий принцип для анализирующего мышления – это, как уже сказано, вопрос о *методе* движения мысли, и в этой связи мы сразу упираемся в ту проблему, которая не зря получила название *основного вопроса философии* (что первично, что

вторично, что суть субстанция, а что акциденция: дух или материя? и т.д.) и который в методологическом аспекте выступает как вопрос об исходном пункте, о начале исследования, о том с чего начинать движение познающей мысли, от чего к чему двигаться, «от какой печки танцевать» и т.п. Или, как это сформулировал аподиктично Ф.Энгельс, описывая метод Маркса: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые даёт сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т. 13, с. 497. В дальнейшем: МЭС. т., с.). Должен в этой связи также предупредить, что буду «злоупотреблять» столь осуждаемым многими цитированием классиков марксизма. Во-1-х, дабы использовать их отнюдь не устаревшие, на мой взгляд мысли в качестве той «информации к размышлению», которая ныне не слишком в ходу в нашем обществе. Во-2-х, чтобы не злоупотреблять субъективизмом собственных вкусов и оценок.

Если под этим углом зрения, отправляясь от приведённой мысли Энгельса, анализировать предложенные В.А.Соколовым ответы на им же сформулированные вопросы, то первым делом вызывает, мягко говоря, сомнение именно *методологическая* основа самой постановки некоторых из этих вопросов, а соответственно, и предлагаемых ответов (не зря же Маркс неоднократно предупреждал, что в определённом методологическом смысле уже «формулировка вопроса есть его решение» и потому «критика ... вопроса есть ответ на ... вопрос» – МЭС, т. 1, с. 384, Ср. также: «Истинная критика анализирует не ответы, а вопросы». – МЭС, т. 40, с. 237).

В самом деле, пытаться искать ответ на сакраментальный вопрос, обобщенно говоря: почему *разумное*, по определению (*homo sapiens!*), существо ведёт себя в массе своей, в историческом процессе своего развития, как *безумное* (ср. герценовское: «история – это автобиография сумасшедшего»), да к тому же ещё стремящееся к самоуничтожению – искать ответ о

причинах этого «безумия», опираясь методологически, как на безусловно истинный, на принцип: «Идеи правят миром», не значит ли это неизбежно оказаться в давно известном в истории мысли «заколдованном» порочном круге того же типа, каковы, к примеру, пресловутые антиномии, вроде, «курица из яйца, яйцо из курицы», «Земля на китах, киты на Земле» и т.п.?! Если причинами исторических явлений, так сказать, «правлящими» ими, являются те или иные Идеи, то правомерен вопрос: что (или кто?!) «правит» самими этими Идеями, является их причиной (их «причиняет»?), откуда берутся именно такие, а не иные, идеи. Платон – и конгениальные с ним – избегает этого вопроса (как и религия вопроса о происхождении Бога), помещая эти «свои» Идеи в «занебесье», объявляя их вечными и неизменными «причинами» («образцами» и т.д.) всего сущего. Точка же зрения материализма, как известно, заключается по этому вопросу в том, что «все идеи извлечены из опыта, они – отражения действительности, верные или искаженные» (МЭС, т. 20, с. 629) Разумеется, эта обусловленность сознания бытием вовсе не означает отрицания грандиозной и всё возрастающей роли идей в историческом процессе, значение их обратного – через деятельность овладевших им людей – воздействия на отражаемое в них бытие, поскольку в нём создаются условия для того или иного «идеологического» воздействия.

Так, вскрывая взаимозависимость идей и общественных отношений, Энгельс писал: «Взгляд, согласно которому *будто бы* идеями и представлениями людей созданы условия их жизни, а не наоборот, опровергается всей предшествующей историей, в которой до сих пор результаты всегда оказывались иными, чем те, каких желали, а в дальнейшем ходе в большинстве случаев даже противоположными тому, чего желали. Этот взгляд лишь в более или менее отдалённом будущем может стать соответствующим действительности, поскольку люди будут заранее знать необходимость изменения общественного строя (*sit venia verbo* – да будет позволено сказать так. *Ред.*), вызванную изменением отношений, и пожелают этого изменения, прежде, чем оно будет навязано им помимо их сознания и воли. – Это применимо и к представлениям о *праве*, а следовательно и к политике» (там же, с. 639). Распад СССР – ещё одна горькая иллюстрация сформулированной Энгельсом истины и того факта, что

трагическая «ирония истории, когда благие намерения при их реализации превращаются в свою прямую противоположность», не миновала и советское общество «ещё совершенно грубого и неосмысленного коммунизма» (МЭС, т. 25, ч.2, с. 151; т.42, с. 114). И стало быть, «скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» так и не был осуществлён в должной мере и всё ещё не произошёл переход от того, что выступает как «предыстория человеческого общества», как *акт порождения, история возникновения человека*, к тому, что ещё должно только выступить как *действительная история человека как уже предположенного субъекта*, когда объективные, чуждые силы, господствующие до сих пор над историей, поступят под контроль самих людей и они начнут вполне сознательно сами творить свою историю (см.: МЭС, т. 19, с. 227- 228, 229-230; т. 42, с. 155; т. 13, с. 8).

Прекрасный, развёрнутый анализ вышеобозначенных (в виде «порочного круга») коллизий в социально-историческом самопознании человечества дал в свое время Г.В.Плеханов (к слову: В.И.Ленин, ведь, не зря характеризовал его философские сочинения как «лучшее во всей международной литературе марксизма», без *изучения* которых «*нельзя* стать сознательным, *настоящим коммунистом*») в своей знаменитой работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Особенно поучительно в нашем случае его рассмотрение «коренного противоречия общественных взглядов XV111 века: 1) человек со всеми своими мыслями и чувствами есть плод среды; 2) среда есть создание человека, плод его «мнений». Известно также, что разрешение такого рода противоречий социального мышления возможно лишь на основе «материалистического историзма» (В.И.Ленин), в духе парадигмы, изложенной Марксом в 3-м «тезисе о Фейербахе»: «Совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности, или самоизменения, может рассматриваться и быть рационально понято только как *революционная практика*». Или, как это лапидарно выражено в «Немецкой идеологии»: «Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства». А для правильного понимания этого как не прислушаться к ироническому замечанию Энгельса по поводу своих оппонентов: «Чего всем этим господам не хватает, так это диалектики. Они постоянно видят только здесь

причину, там – следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а всё относительно. Для них Гегеля не существовало...» (МЭС, т. 37, с. 421). И всё-таки диалектика здесь не гегелевская, идеалистическая, а базирующаяся на материалистическом понимании истории, согласно которому «конечных причин всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии (соответственно – не в религии, морали, науке и т.д. – В.О.), а в экономике соответствующей эпохи. Пробуждающееся понимание того, что существующие общественные установления неразумны и несправедливы, что «разумное стало бессмысленным, благо стало мучением», – является лишь симптомом того, что в методах производства и в формах обмена незаметно произошли такие изменения, которым уже не соответствует общественный строй, скроенный по старым экономическим условиям. Отсюда вытекает также и то, что средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо – в более или менее развитом виде – в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства» (МЭС, т. 20, с. 278-279; то же: т. 19, с. 210-211). (Отсюда и «идеи» надо бы черпать «реформаторам», а не из буржуйских «учебников» и указаний их «верхов»).

«Но что всё это конкретно означает применительно к затронутым мною вопросам? – спросит меня здесь уважаемый Виктор Андрианович, посоветовав, вслед за Г.Гейне: «Брось свои иносказанья и гипотезы святые. На проклятые вопросы дай ответы нам прямые». А я в ответ, чтобы не пускаться далее в длинные и абстрактные рассуждения («в многоглаголании несть спасения» – поучали нас мудрые предки), хочу привести конкретную иллюстрацию по проблеме, что называется, жгучей и весьма

актуальной для всей истории классово-антагонистического, особенно же – капиталистического, общества. Я имею в виду мысль В.А.Соколова о том, что, де, «Моисей «вспрыснул» в примитивное самосознание бывших рабов «вирус» злобы к другим народам и **неуемную жажду наживы** (выделено мной – В.О.), овладев тем самым абсолютной властью над «душами и телами еврейских гоев...» Таким образом, здесь всё происходит в сфере сознания: «идея» пророка «впрыскивается» в сознание верующих, и они «с безумным рвением и радостью стали исполнять все его повеления». Возможно ли это? Локально, кратковременно, эпизодически – почему бы и нет? Но чтобы подобное «впрыскивание» действовало 2 тысячи лет на миллионы людей и не только евреев?! Не фантастика ли это? Может ли такой подход – такой **метод** движения исследовательской мысли – объяснить тот исторический (и современный!) факт, что «к злату проклятая страсть» веками управляет поведением множества различных индивидов, целых сословий и классов? Не ближе ли к истине действительности тот метод мышления, который вытекает из материалистического понимания истории и экономического учения Маркса? Сопоставим их. Вот что пишет последний в черновом варианте «Капитала» («Экономических рукописях 1857-1859 годов») по сходному поводу: «...Деньги – не только *один* из объектов страсти к обогащению, но и *подлинный* объект последней. Эта страсть по существу есть *auri sacra fames*

(- «к злату проклятая страсть» – Вергилий, «Энеида»). Страсть к обогащению как таковая, как особая форма влечения, т.е. в отличие от стремления к какому-нибудь особенному богатству, например к одежде, оружию, украшению, женщинам, вину и т. д., возможна лишь тогда, когда всеобщее богатство, богатство как таковое, индивидуализировано в какой-нибудь особой вещи, т.е. когда деньги фигурируют в своём третьем определении. Таким образом, деньги – не только предмет страсти к обогащению, но вместе с тем и её источник. Стяжательство возможно и без денег; страсть к обогащению сама есть продукт определённого общественного развития, она не есть нечто *от природы данное* в противоположность *историческому*. Отсюда жалобы древних на деньги как на источник всякого зла. Страсть к наслаждениям в её всеобщей форме и скупость – две особые формы жадности к деньгам. Абстрактная страсть к наслаждениям

предполагает такой предмет, который заключал бы в себе возможность всех наслаждений. Абстрактную страсть к наслаждениям деньги осуществляют в том определении, в котором они – *материальный представитель богатства*; скупость они осуществляют постольку, поскольку они – всего лишь всеобщая форма богатства в противовес товарам как его особым субстанциям. Ради удержания денег как таковых скупость вынуждена жертвовать всяким отношением к предметам особых потребностей, вынуждена отречься от них, чтобы удовлетворять потребность жажды денег как таковой. Жажда денег, или страсть к обогащению, необходимым образом означала гибель древних общественных образований. Отсюда противодействие этому. Деньги сами – *общественная связь /das Gemeinwesen./* и не терпят над собой никакой другой общественной связи. Это предполагает, однако, полное развитие меновых стоимостей, стало быть – развитие соответствующей организации общества» (МЭС, т.46, ч. 1, с. 167). Как видим, мысль движется у Маркса, отталкиваясь, как «от печки», не от «идеи», а от отражаемого в ней *предметного* отношения, практического общественного отношения людей друг к другу, от общественного бытия к общественному сознанию.

И дело тут в том, что «сама необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в форму *менной стоимости*, в *деньги*, дабы в этой *вещной* форме они приобрели и доказали свою общественную *силу*, доказывает два положения: 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не является *непосредственно* общественным, не представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов. Индивиды подчинены общественному производству, существующему вне их наподобие некоего рока, а не общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием (иными словами, оно вовсе и не является здесь вполне «коммунистическим» и даже – в истинном смысле – подлинно социалистическим – В.О.). Поэтому не может быть ничего ошибочнее и нелепее нежели на основе *менной стоимости* и *денег* предполагать контроль (т.е. планомерное и научно-обоснованное регулирование в интересах коммунистического развития общества – В.О.) объединённых индивидов над их совокупным производством» (там же, с. 101-102).

Вот чего не понимали искренние, но недостаточно владеющие марксизмом, реформаторы советской экономики, усиленно внедрявшие в неё, не предвидя последствий, подрывавшие её стоимостно-денежные регуляторы, чем, между прочим, и воспользовались квази-реформаторы для уничтожения социалистических начал и тенденций развития СССР. Не здесь ли собака зарыта – сиречь, загадка этого парадокса гибели мощной державы на пике её могущества?! И именно в социально-экономическом аспекте её краха, которому предшествовала теоретическая «разруха в головах».

Уже в 1844 году, в преддверии создания целостной научной системы коммунистического миропонимания, опираясь, в том числе, и на опыт художественного самосознания человечества (на мысли Гёте, Шекспира о деньгах), молодой Маркс писал: «Извращение и смешение всех человеческих и природных качеств, братание невозможностей, – эта *божественная* (по Шеспиру, деньги, «золото» – это «*видимый нам бог*») сила денег – кроется в *сущности* денег как отчужденной, отчуждающей и отчуждающейся *родовой сущности* человека. Они – отчужденная *мощь человечества*... Они представляют собой всеобщее *смешение* и *подмену* всех вещей, следовательно, *мир навыворот* (жирный курсив мой – В.О.) смешение и подмену всех природных и человеческих качеств» (МЭС, т. 42, с. 148, 149, 150). В унисон с этим, «альтер эго» Маркса – Энгельс, писал: «Деньги – отчуждённая, пустая абстракция собственности, – делаются властелином мира, Человек перестал быть рабом человека и стал рабом *вещи*; извращение человеческих отношений завершено; рабство современного торгашеского мира – усовершенствованная, законченная, универсальная продажность – носит более бесчеловечный и всеобъемлющий характер, чем крепостное право феодального времени; /.../ Завершение отчуждения человека в господстве денег есть неизбежный переход к ныне уже *близкому* моменту (написано в январе 1844 года: увы, это то, что В.И. Ленин называл «ошибкой гениев», когда ясно прозреваемое ими грядущее кажется им ближе, чем это оказывается в реальности. Жирный курсив мой – В.О.), когда человек вновь должен обрести себя» (МЭС, т. 1, с. 605; ср. с. 593 и др. места в этих статьях под общим названием «Положение Англии»).

Разве абсурдизм современного мира, в котором господствует финансовая олигархия и который закономерно, как это справедливо доказывает В.А.Соколов, спешит к своему «техноэкоциду», – не подтверждает наглядно гениальные прозрения творцов, разрешивших вековечную «загадку сфинкса», по выражению Энгельса, т.е. проблему сущности человека и всемирной истории?! И что на этом фоне представляет собой пресловутый «пророк Моисей» с его «шизопсихопатической натурой» (с. 13 у В.А.Соколова)?! И здесь вот к месту, мне кажется, вспомнить и то, как Маркс в 1843 году, в статье «К еврейскому вопросу», объясняет интимную связь еврейской религии, «еврейства», и того факта, что «деньги стали мировой властью, а практический дух еврейства стал практическим духом христианских народов» (МЭС, т.1, с.409). Нет ли в этом «антисемитизма»?!

Маркс чётко формулирует суть своего метода мышления в этом вопросе: «Поищем тайны еврея не в его религии – поищем тайны религии в действительном еврее. Какова мирская основа еврейства? *Практическая* потребность, *своекорыстие*. Каков мирской культ еврея? *Торгашество*. Кто его мирской бог? *Деньги*. Но в таком случае эмансипация от *торгашества* и *денег* – следовательно, от практического, реального еврейства – была бы самоэмансипацией нашего времени. Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно и возможность торгашества – такая организация общества сделала бы еврея невозможным. /.../ *Эмансипация евреев* в её конечном значении есть эмансипация человечества от *еврейства**

(*Маркс имеет в виду эмансипацию человечества от торгашества, от власти денег. Употребление слова «еврейство» («Judentum») в смысле торгашества связано здесь у Маркса с тем, что в немецком языке слов «Jude», кроме своего основного значения – «еврей», «иудей», употребляется также в смысле «ростовщик», «торгаш». *Ред.*)» (Там же,

с. 408). И далее: «В то время как по идее политическая власть возвышается над денежной властью, на деле она стала её рабыней. /.../ *Практическая потребность, эгоизм* – вот принцип *гражданского общества* (вспомним в этой связи для сравнения воздыхания о нём наших либерастов-дымократов! – В.О.), и он

выступил в чистом виде, как только гражданское общество окончательно породило из своих собственных недр политическое государство. *Бог практической потребности и своекорыстия* – это *деньги* (а «нет ничего более ужасного, чем логика своекорыстия», которое и является «рассудком практической потребности» – замечал Маркс в этой связи – см. там же, с. 142, 411). Деньги – это ревнивый бог Израиля, пред лицом которого не должно быть никакого другого бога. Деньги низводят всех богов человека с высоты и обращают их в товар. Деньги – это всеобщая, установившаяся как нечто самостоятельное, *стоимость* всех вещей. Они поэтому лишили весь мир – как человеческий мир, так и природу – их собственной стоимости. Деньги – это отчуждённая от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей. Бог евреев сделался мирским, стал мировым богом. Вексель – это действительный бог еврея, его бог – только иллюзорный вексель (там же, с. 410). Соответственно этому и «воззрение на природу, складывающееся при господстве частной собственности и денег, есть действительное презрение к природе, практическое принижение её (что и проявляется в указанном В.А.Соколовым и др. авторами безумном движении человечества к экотехносуициду – В.О.); природа хотя и существует в еврейской религии, но лишь в воображении.(там же). «То, что в еврейской религии содержится в абстрактном виде – презрение к теории, искусству, истории, презрение к человеку, как самоцели, – это является *действительной, сознательной* точкой зрения денежного человека, его добродетелью. Даже отношения, связанные с продолжением рода, взаимоотношения мужчины и женщины и т.д. становятся предметом торговли! Женщина здесь – предмет купли-продажи. *Химерическая* национальность еврея есть национальность купца, вообще денежного человека» (там же, с. 411). Можно ли здесь усмотреть антисемитизм и т.п.?!

«Следовательно, сущность современного еврея мы находим не только в пятикнижии или в талмуде, но в современном обществе, – не как абстрактную, а как в высшей степени эмпирическую сущность, не только как ограниченность еврея, но как еврейскую ограниченность общества.

Как только обществу удастся упразднить *эмпирическую* сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей

станет *невозможным*, ибо его сознание не будет иметь больше объекта, ибо субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловечится, ибо конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием будет упразднён». И вот заключительный вывод всей статьи и ответ Бруно Бауэру:

«Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства» (там же, с. 412-413). Такова вся «соль» пресловутого «еврейского вопроса» в понимании молодого гения. Согласно же мысли А.С.Пушкина (и уж он-то знал в этом толк), *«гений с одного взгляда открывает истину, а истина сильнее царя, говорит священное писание»* (26. 01. 1837 г.).

Нужны ли к этим, отнюдь не потерявшим своей актуальности, мыслям классика какие-то ещё поясняющие комментарии? Мне кажется, *sapienti sat*.

С другой стороны, в рецензируемой статье есть ещё целый ряд моментов, по поводу которых хотелось бы тоже высказать свои замечания. Работа В.А.Соколова этого заслуживает. Но в то же время останавливает предостережение премудрого Козьмы Пруткова: *«Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное»*. А проблема автором затронута действительно «необъятная». Так что разумнее всего пока что поставить точку и ограничиться вышесказанным.

2014.

3.5. Мои фрагментарные размышлизмы при чтении статьи Ю.А. Антропова «Феномен предвосхищения (антиципации)»

«Существуют столь серьёзные темы, что о них и мыслить всерьёз нельзя без шутки».

Оскар Уайльд

1. Уже при первом прочтении этой статьи меня, прежде всего, восхитила (или «предвосхитилась?») сама грандиозность и дерзость замысла автора и соответствующая этому замыслу (если я более или менее верно это понял) общеметодологическая позиция: через «бесконечно» малое (некий своеобразный и

отнюдь не массовый у людей, согласно мнению автора, психо-гносеологический феномен – *антиципацию*, предвосхищение будущего) стремиться постигнуть бесконечно «большое» (Вселенную, Космос во всей его необъятности), двигаясь от одного к другому – и обратно, диалектически объединяя в некое целостное единство микроскопическое и макроскопическое *видение* Мира, пытаясь освоить поистине *миро-воззренческое*, а вместе с тем и *поэтическое* миропознание. Вот так, скажем образно четверостишием Вильяма Блейка, чтобы

*«В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность,
И небо – в чашечке цветка».*

Само собой, я думаю, понятно, что такая теоретическая (диалектическая) отвага («дерзание духа», если воспользоваться термином А.Ф. Лосева) дорогого стоит и в этом отношении работа автора должна быть уже поэтому записана в графу «за здравие». Ведь правильно мыслить, заметил как-то Маркс, можно лишь по диалектическому методу, ну, а неправильно – по любому другому, хотя бы и по позитивному. Не в этом ли суть дела?

И потому, согласно смыслу, да и требованиям моей профессии, с обязательной для неё научно-методологической установкой (на первом месте должен быть вопрос: *как, каким методом* мыслить правильно, чтобы верно постигать *истину*?), закономерно было прежде всего задуматься: не просматривается ли здесь, у автора статьи, какая-то аналогия с тем, что Маркс обозначил как «метод восхождения от абстрактного к конкретному», как метод «правильный в научном отношении», ибо это «тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное» (МЭС, т. 46, ч.1, с. 37-38)? Ведь суть этого метода в том и состоит, что из полученных на предыдущем, эмпирико-теоретическом этапе познания, абстрактных всеобщих определений, отношений, моментов, и т.п., затем, на втором, собственно теоретическом этапе, выделяется и анализируется самое основное, необходимое, исходное, обычное, простое *отношение* исследуемого *рода* явлений (в марксовом исследовании капитализма это обмен товаров, как известно), как своего рода «клеточка», непосредственно воплощающая в себе,

как в *частном*, особом виде, *родовое* начало всей целостной *системы* этих явлений. В.И.Ленин, поясняя данное применение Марксом диалектического метод, пишет в «Философских тетрадах» (раздел «К вопросу о диалектике»): «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *в с е* противоречия (*respective* зародыши *всех* противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (*и* рост *и* движение) этих противоречий и этого общества, в *Z* его отдельных частей, от его начала до его конца». И отмечает при этом, что «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» (ПСС, т.29. с. 318). Но добавим, все-таки, ради точности и справедливости, что это такой «частный случай», когда, говоря уже здесь словами самого «молодого Маркса» (лето 1843 г.), «самый род (*диалектического мышления*, в данном случае – В.О.) выступает как нечто существующее, и поэтому в отношении других форм существования, не соответствующих своей сущности, он сам выступает как *особый* вид» (МЭС, т. 1, с. 252). Поэтому-то и Ленин подчеркивал, что «если Marx не оставил «*Логики*» (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу» (в контексте – подразумевается общий вопрос о диалектической логике познания, а говоря конкретнее, – то же относится и к методологии любой серьёзной теории, включая и рассматриваемую в статье Ю.А.Антропова проблему – В.О.). «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего всё ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперёд» (ПСС, т.29, с. 301). Наконец, нельзя в этой связи не вспомнить ещё одно важнейшее методологическое (хотя и выраженное в своеобразной, можно сказать, метафорической форме) указание Маркса. В специальном, методологии посвящённом, разделе «Экономических рукописей 1857-59 годов (Введение. 3. Метод политической экономии) читаем: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Намёки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика даёт нам, таким образом, ключ к античной и т.д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все

исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные. Можно понять оброк, десятину и т. д., если известна земельная рента, однако нельзя их отождествлять с последней» (МЭС, т.46, ч.1, с.42). Под этим углом зрения (по аналогии) можно, думаю, более верно оценить, в частности, и ряд пассажей рассматриваемой статьи, в которых проводятся сопоставления человеческой антиципации с явлениями сходного типа в животном мире. Но основная моя мысль здесь сводится к тому принципу, который осознанно осуществлялся в жизни и творчестве ещё Сократом, опиравшемся в этом отношении на обращенное к человеку требование Дельфийского оракула (сформулированное Фалесом): «Познай самого себя» (Nosce te ipsum). Прекрасно эту точку зрения сформулировал в свое время (в 1934 г.) Томас Манн, и как раз близко к проблематике рассматриваемой статьи (не удержусь и здесь от цитирования, ибо это и мои мысли, только лучшим образом выраженные): «Разве не правда, что космологическому созерцанию мира, если сравнить его с противоположностью – созерцанием психологическим, – присуще нечто инфантильное? Мне вспоминаются при этом блестящие, по-детски круглые глаза Альберта Эйнштейна. Ничего не могу с собой поделаться: мне кажется, что познание гуманитарное, углубление в человеческую жизнь носит более зрелый, более взрослый характер, чем спекулятивные рассуждения о Млечном Пути, и, проникнутый глубочайшим почтением, я хотел бы, чтобы это оказалось истинной» (Томас Манн. Собр. соч., т.10, с. 196). Для проблемы метода исследования это означает, по-моему, то, что, метод, позволяющий поистине научно постигать сущность человека и «тайну» его бытия, в то же время выступает и как «ключ», и как высшая мера для понимания и оценки в целом общенаучной, да и конкретно-научной (и психологической и космологической и прочей) методологии вообще и в принципе. Значит, и в нашем случае тоже. Только это вовсе не означает, что надо смазывать все специфические различия тех или иных сфер действительности и пути познания их и, подобно Гегелю, всего лишь «везде находить определения логического понятия». Тогда как задача подлинного понимания как раз и заключается «в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета» (МЭС, т. 1, с. 325). Весь вопрос в том, каков сам по себе этот «специфический

предмет» исследования, и в чём именно состоит эта его специфика. И на сей счёт, по-моему, опять-таки никто не выразил это яснее и красочнее, чем «молодой Маркс» (начало 1842 г.) в его первой публицистической статье. Подвергая сокрушительной критике тогдашнюю прусскую цензурную инструкцию и, в особенности, выраженное в ней «превратное и абстрактное понимание самой истины», он замечает, между прочим: «Если мы оставим даже в стороне всё *субъективное*, а именно то обстоятельство, что один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров, то разве *характер самого предмета* не должен оказывать никакого, даже самого ничтожного, влияния на исследование? Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование – это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге. И разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? Разве, когда предмет смеётся, исследование должно быть серьёзным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным? Вы (имеются в виду создатели критикуемой им цензурной инструкции – В.О.), стало быть, нарушаете право объекта так же, как вы нарушаете право субъекта. Вы понимаете истину абстрактно и превращаете дух в *судебного следователя*, который сухо её *протоколирует*» (там же, с. 7-8). Подумаем, устарело ли это философское понимание высказанное молодым гением?!...Я так не думаю.

2. Но тогда каков же действительный предмет исследования в данной статье Ю.А. Антропова? Не получается ли *volens – polens* так, что таковым оказался, как говорится, «весь Мир с его окрестностями»? Шутка? Но разве не затрагивается для целей объяснения *антиципации* («частного» вида психического отражения, присущего некоторым обитателям планетки Земля) весь доступный нашему воображению Космос и самоё «начало» возникновения и развития Вселенной – от её состояния «сингулярной точки» (или «космического яйца», по терминологии древних), Большого Взрыва и всей космической эволюции, вплоть до нас, грешных *homo sapiens**сов?! Которые (хотя и самих-то себя всё ещё толком не познаша) самим характером,

якобы, Мироздания (согласно мировоззренческой концепции автора) фатально обречены на закономерное «вечное повторение» (или «вечное возвращение», если вспомнить термин Ницше) своей Судьбы в циклических метаморфозах Мироздания?...Как не признать, что, очевидно, поставленные в статье вопросы слишком серьёзны и шутками здесь, увы, не отделаться... И хотя сказанное в начале этих размышлизмов, остаётся в силе, но ведь не зря же сказано, что от великого до смешного – один шаг, и что во всякой шутке есть доля ... шутки. Диалектика, однако...

3. К сказанному выше о методе необходимо добавить, поэтому, еще некоторые соображения, объясняющие, почему я посчитал принципиально важным начать осмысливание данной обширной статьи именно с её методологического аспекта. А, прежде всего, потому ещё, помимо отмеченного, что она в сущности носит не только (и, в известной мере, не столько) специальный, конкретно-научный характер исследования какого-то, так сказать, «локального», отдельного, частного, в определённом смысле, феномена действительности, Сиречь – некой особенной, своеобразной познавательной (в отношении будущего) способности человека (возможно, в каком-то смысле, присущей всему ряду живых существ вообще). А скорее, в то же время, эта работа – и это, по-моему, очевидно – в большей степени обнаруживает себя как именно *философский*, мировоззренческий трактат. Не думаю, что автор это будет отрицать. Не случайно же он, как бы предупреждая реакцию иных «придирастов», пишет, что «многим читателям покажутся мои рассуждения и логические конструкции фантастическими, не имеющими отношения к реальности», многое «может показаться запредельным», особенно имеется, видимо, в виду – «мои попытки понять имеющиеся в природе трансцендентальные явления...» и т.п. (с. 26). Ну, а кто ещё в ученом мире считается – и не без оснований – большими фантазёрами, чем философы? Недаром же авторы «Немецкой идеологии» резюмировали своё отношение ко «всей философии в старом смысле слова» («выдававшей себя за некую науку наук, парящую над всеми отдельными науками и связывающую их воедино») в иронически звучащей формуле: «Философия и изучение действительного мира относятся друг к другу, как онанизм и половая любовь» (МЭС, т. 3, с. 225; т.21, с. 278, 300). Да и само нередкое в настоящей статье «амбивалентное»

употребление этого философского «бренда» (*трансцендентальное, трансцендентное* и т.п.) весьма симптоматично. Но, как писал Маркс в «Нищете философии», «метафизика, как и вообще *вся философия* (выделено мной – В.О.) резюмируется, по мнению Гегеля, в методе», и, в согласии с этим пониманием, именно с выяснения метода Прудона начинал критический анализ его философии и политической экономии. Но тут, с другой стороны, а именно по вопросу об условиях и мере применимости выше обозначенного метода Маркса в нашем случае, опять-таки приходится прибегнуть к помощи того же Маркса, предупреждавшего, что «одно дело путём критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы её можно было представить диалектически, и совсем другое дело – применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» (МЭС, т. 29, с. 224). К системе, разумеется, которую представляет собой сам исследуемый *предмет* с его своеобразным *характером* и его *специфической логикой* возникновения, существования и развития. А разве известная нам на сей день картина *системы* Мироздания не полна весьма «туманными представлениями»?! И автор вполне справедливо признал, завершая свою статью, актуальность и для наших дней известного изречения шекспировского Гамлета.

4. Потому здесь уже не в шутку, а всерьёз, «в лоб, и не пятясь», приходится ставить и формулировать заново этот коренной здесь вопрос: что же является в рассматриваемой работе *действительным предметом* исследования? «Как «что»?!» – возмутился бы тут «проницательный читатель», буде окажись он на месте реального автора. «Ясно же озаглавлено: «Феномен предвосхищения (антиципации)». И неча тут философский огород городить!» «Проницательный читатель» всегда прав, конечно, но разве не поучал незабвенный Козьма Прутков: «Если на клетке буйвола есть надпись «слон» – не верь глазам своим!». Так что необходимо, наконец, присмотреться конкретнее к самому содержанию и смыслу (и конкретно-научному, и философскому) концепции автора статьи. И хорошо, что её смысловой стержень лапидарно и чётко сформулирован уже в предшествующем статье «Резюме». Уже тут видно, что самая *соль* всей концепции заключается в *философском* предположении «о наличии предопределённости событий будущего». Как это обосновывается?

«Есть основание считать, – утверждает Ю.А.Антропов, – что поскольку в Природе не существует линейных образований, даже время носит циклично-спиралевидный характер, то следует признать наиболее правомерным циклический тип эволюции Вселенной. От Большого Взрыва до полного расширения её в пределах имеющегося конечного количества материи, а затем сжимания Вселенной до сингулярного состояния с последующим новым Большим Взрывом. Новый Большой взрыв уничтожает всё, что было до него и формирует новую Вселенную с новыми материальными образованиями и их взаимосвязями. Конечное количество материи определяет неизбежность повторного возникновения каждого варианта Вселенной. Наш вариант Вселенной включает появление Человечества.

Каждый вариант эволюции Вселенной возникает и формируется под влиянием существующего «информационного потока», материальным носителем которого является реликтовое излучение. Возникает оно (реликтовое излучение) в момент Большого Взрыва, определяющего тип новых материальных образований и их взаимозависимостей. В информационном потоке содержится программа всей эволюции Вселенной, от её начала и до конца. Наличие материального носителя информационного потока позволяет отражать любой временной этап эволюции Вселенной и, следовательно, обеспечивает возможность антиципации (предвидения, предсказания). Феномен антиципации наблюдается достаточно широко в Природе, как неживой, так и в живой материи. В частности, выраженное в той или иной степени предвидение присуще всем высшим животным, в том числе и людям. Оно является одним из психических свойств человека и представляет собой способ эволюционной адаптации, аналогичный по своей сути феномену биоэхолокации» (стр. в рукописи того же автора – стр. 29-30).

5. Однако, говоря о вселенском «информационном потоке», как не задуматься о том, а «шощэ такэ» вообще информация в ее сущности и проявлениях? Ведь вопрос-то этот, насколько мне известно, всё ещё открытый, дискуссионный. Во всяком случае, как будто, уже общепризнанно, что «информация есть не материальная сущность, а способ описания взаимодействия», а потому здесь. мол, надо понять «главное: *«информация – есть характеристика не*

сообщения, а соотношения между сообщением и его потребителем». Но вот что далее: что «информация есть мера оригинальности, необычности, специфичности» – это так, пишет автор, но от того, что ещё раз произнесены эти многократно повторяемые слова «возросло ли от этого наше понимание существа дела?» (В.Н. Тростников. «Человек и информация». Изд-во «Наука». М. – 1970, с. 15, 48)). Признавая также, что «пока нет общего определения понятия информации», А.П. Суханов, в свою очередь, так её характеризует: «информация выступает как объективно существующее свойство материи, суть которого заключается в способности отражать внутреннее и внешнее разнообразие вещей и явлений в природе и человеческом обществе» (Суханов А.П. «Информация и человек». – М.: Сов. Россия, 1980, с. 27). Вот я и задумался, сознавая своё невежество в подобных вопросах, каким же образом я-то могу понять, тем более, ещё и «шоцэ такэ» этот самый вселенский «информационный поток», каким образом он в самом этом «реликтовом излучении» существует и с его «потребителями», субъектами антиципации, взаимодействует?! Нет, увы, для меня всё это – «темна вода во облацех». Консультация со специалистами весьма нужна бы в подобных вопросах, где чувствуешь себя профаном или дилетантом. А где их взять?

Однако продолжим. Итак, согласно концепции автора, антиципация (предвосхищение, предвидение и т.п.) «обеспечивается информационным потоком, который представляет собой (каким, интересно бы знать, образом? – В.О.) вариант эволюции Вселенной». Из этого-то «информационного потока» и черпают сведения о будущем, о грядущих, ещё не существующих, но необходимо *предопределённых* событиях и явлениях, люди и животные, *отражая* таким образом это будущее, То есть, «отражая» *то, чего ещё нет*, но неизбежно, фатально будет, согласно «программе всей эволюции Вселенной», существующей, похоже, до самой этой эволюции, как некий «план» (каким-то, видимо, «Госпланом» свыше спущенный?!), и, тем самым, предвосхищая, «антиципируя» своё будущее! Хотя в каких-то, по-видимому, всего лишь отдельных его проявлениях, направлениях, фрагментах и т.п.? Иначе всё это, автором предполагаемое антиципирование, предвосхищение, предвидение и т.п. «футуровидение» («футуроскопия»? «проскопия»?

«прекогниция»? и т. д.) вполне бы уподобилось божественному «всеведению», которое ведь и основывается на божественном «предопределении», заключающем в себе, по Лейбницу, заодно и «предустановленную гармонию». «Достаточно ли безумна эта идея, для того, чтобы быть достоверной?» – спросил бы, наверное, как это у них, у гениев, полагается, один великий физик. А я скромно промолчу.

6. Согласно определению автора, как видим, «антиципация – это одно из эволюционных приспособлений, в какой-то мере сходное с биологической эхолокацией» (чёткое указание на «видовое, специфическое отличие» в этой дефиниции – вопрос особый). Весьма показательно при этом, что автор считает очень важным при рассмотрении проблемы антиципации чётко разграничивать феномен антиципации от таких, казалось бы, сходных, родственных по назначению, явлений, как «предположение», «предвидение», «футурологическое прогнозирование» и т.д., которые основываются на предшествующем опыте или знаниях, особенно познании тех или иных закономерностей реальности. В подобных случаях, утверждает автор, «это всего лишь «предположение», позволяющее в какой-то мере предсказать событие». Но тут правомерно возникает вопрос. Если антиципация «является одним из психических свойств человека», равно как и другие вышеуказанные и подобные ей свойства («предвидение» и прочие) того же психофизиологического (а, в известном смысле, – и гносеологического) *рода*, то в чём же заключается её «изюминка», её видовое, специфическое различие, благодаря чему она и выступает как особый *вид* этого рода психических явлений? Ведь «объяснение, в котором нет указания на *differentia spcifica* (специфическое различие – *Ред.*), *не есть* объяснение» (МЭС, т. 1, с. 229). Единственное же объяснение, которое на сей счёт обнаруживается в статье и частично уже указанное выше – это ссылка на *предопределённый* ход событий в эволюции данного варианта Вселенной и способность некоторых особо одарённых индивидов «черпать» информацию о будущих событиях из того вселенского «информационного потока», в котором этот запрограммированный, так сказать, ход уже загодя «прописан» (подобно записи в некой «Книге жизни» или «Хрониках Акаши», по словам автор статьи) и потому может быть в форме антиципации

воспринят (то ли «увиден», то ли «прочитан» и т.п.) теми, у кого такая «трансцендентальная» способность наличествует. Причём оказывается, как увидим далее, что если предопределённость этого вселенского хода событий и выступает как основа антиципации, то, в свою очередь, ею же, антиципацией, эта предопределённость и обеспечивается. Эдакая «круговая порука» получается, замкнутость друг на друга: Земля на китах, киты на Земле. Так, автор указывает, что в «циклическом круговороте Вселенной время конкретного человека вновь возникнет на определённом этапе очередного возникновения «нашей» Вселенной. И тогда он вновь окажется в самом начале своего жизненного пути, а затем проживёт точно такую же жизнь, какая «прописана» в его (в нашем) варианте развития Вселенной – это и есть его (наша) Судьба». И автор далее продолжает: «Естественно возникает вопрос – может ли в рамках конкретного варианта эволюции Вселенной (в частности, нашего варианта) на каком-то этапе отклониться её развитие? Например, человек выбирает иное решение, совершает иной поступок, и с этого момента дальнейшие события во Вселенной будут протекать иначе. Нет, этого быть не может. Это запрещено, по-видимому, всё же существующим, хотя и относимых пока к трансцендентальным, феноменом антиципации – предвидения и предсказания будущих событий» (с.20). И ещё. Возражая тем авторам, которые предполагают, что основой феномена антиципации является «передача человеком будущего информации о предстоящих событиях человеку настоящего», Ю.А.Антропов не без юмора замечает: «Непонятно, однако, зачем и почему человек будущего обременяет себя этим, в общем-то, бесполезным занятием, так как изменить будущее нельзя». (В таком случае, однако, непонятно и мне, – а именно то, зачем его (будущее) вообще-то знать, раз его нельзя изменить, а можно только принять его с полной стоической покорностью? Разве что для того, чтобы дважды – предварительно в *со-знании*, а затем уже и в *реальности* – пережить одни и те же «беды и победы»? – В.О.). И далее. «Дело в том, что признание возможности предвидения (предсказания) будущего не может не сочетаться (подчёркнуто мной – В.О.) с признанием жёсткой предопределённости всех событий прошлого, настоящего и будущего. Из этого следует, в частности, что хотя люди и выбирают способы решения стоящих перед ними задач, но их выбор предопределен целым рядом детерминант, как предопределены и

все последующие события. В противном случае существующее «предвидение» оказалось бы лишённым материальной основы» (с. 5). Но если выбор человека *всегда* «предопределён», если он в нём не волен, а принуждён, «детерминирован» абсолютно, более неотвратно, чем раб подчинён господину, то ведь он тогда за этот «выбор» (да и *выбор* ли это?!) и не отвечает, а значит, не несёт за него ответственность-вину, неподсуден, не совершает «греха», не подлежит ни наказанию, ни поощрению, как автомат, как неразумное дитя или животное, не ведающие, что творят?! И что в таком случае должно произойти со всей системой социального поведения людей? с их якобы «свободной волей»? со всей моралью? религией, наконец?! Которая волей-неволей ведь вынуждена терпеть эту логически губительную для неё *антиномию* «свободы воли», с одной стороны, и божьего «всемогущества» и «всеведения», с другой. Жуткая картина вселенского деспотизма и фатализма получается?! Или таки нет?...

7. Но не забудем при всём этом «ужасе» ещё раз обратить внимание на уже отмеченный выше и важнейший здесь момент – антиципация возможна потому, что есть предопределённость всего процесса развития событий, а существование этой предопределённости, в свою очередь, подтверждается и доказывается фактом антиципации. Не есть ли это явный «круг в доказательстве», запрещаемый формальной логикой, как смертный грех?!...

Видимо предвосхищая это сомнение, автор делает попытку понять (и, вместе с тем, обосновать) «предопределённость, являющуюся основой для предвидения (предвосхищения)», по его выражению, «с естественнонаучных (но не догматических) позиций». Каким образом? В сжатом виде ещё раз проверим ход мысли автора. Он исходит из того, во-1-х, как уже отмечалось, что количество материи во Вселенной имеет конечную величину (это – NB), во-2-х, что одним из «фундаментальных свойств движущейся материи является цикличность (замкнутость). процессов. Материя замкнута на себя (эдакий космический «аутизм»? «эгоцентризм»? «солипсизм»? или ещё что-то?!? – В.О.) и потому её движение не имеет ни начала, конца. Время есть мера движения материи и соответственно также замкнуто само на себя, не имея ни начала, ни конца. Время, замкнутое на себя – есть вечность». (Звучит это всё весьма философски красиво, но явно выше опять-таки моего

консервативного понимания, равно как и то, в каком смысле здесь употребляется категория «материи» – В.О.). «Иначе обстоит дело с существованием Вселенной, которая имеет начало», а стало быть, «имеет конец. Однако это не конец существования материи, а конец одного из этапов её движения, проявляющегося, в частности, в развитии нашей, теперешней вселенной». «По современным представлениям, Большой Взрыв – это начало эволюции Вселенной. Он определил вектор движения материи – её расширение равномерно во все стороны от сингулярной точки. В сингулярной точке не могло быть бесконечного количества материи, иначе её плотность, температура и давление не могли бы достигнуть критической величины, которая определяет взрыв. (Разве это, опять-таки, не круг в доказательстве: взрыв объясняется тем, что количеством материи конечно, а то, что оно конечно – подтверждается, дескать, тем, что имел место взрыв. «А был ли мальчик-то? Может, мальчика-то и не было?» – В.О.) Вместе с векториальным движением материи проявились и другие присущие ей фундаментальные свойства, к ним относится пространство, увеличивающееся во все стороны от сингулярной точки до предела, обусловленного количеством материи, а затем сжимающееся в обратном направлении в сингулярную точку. Важно отметить, что вне пространства ничего нет (в каком это, опять же, смысле понимать?! В смысле концепции Н.М.Солодухо, так как материя замкнута сама на себя». (Прелестное это выражение – «замкнутость на себя»! – хорошо бы ещё *понять*, что сие, в сущности, означает). Далее автор ещё раз подтверждает, что «эволюция Вселенной ...имеет циклический характер», поскольку достигнув предела своего расширения, обусловленного тем, что имеется лишь «конечное количество материи», Вселенная сжимается «вновь до состояния сингулярной точки». А затем по той же схеме «произойдёт очередной Большой Взрыв, в результате которого вновь возникнет Вселенная. Материя будет всё та же, но комбинация её образований определит иную структуру и эволюцию новой Вселенной. Скорее всего, это будет Вселенная, отличающаяся от ныне существующей. Однако *циклическость её эволюции, конечное количество и вечность материи обуславливают неизбежность повторения Вселенной, идентичной существующей ныне Вселенной. При бесконечном повторении конечного количества материи не может не повторяться любая*

из комбинаций её образования». (Подчеркнуто мной. Не похоже ли это на известный воображаемый «сценарий» с обезьяной, которая, бесконечно нажимая на буквы клавиатуры компьютера, напишет, в конце концов, например, «Одиссею»? – В.О.). «Человечество является одной из форм существования материи на определённом этапе развития нашей Вселенной, Вселенная в своём повторении вечна. Вечны и Человечество, и каждый конкретный человек, так как они представляют собой часть нашей Вселенной» (с.17, 18). «Какая радостная перспектива вечной жизни!» – воскликнут одни, те счастливы у которых «жизнь удалась». «Какая безотрадность ада в этом повторении страданий!» – будут сокрушаться иные, кому судьба отнюдь не улыбалась. «Успокойтесь – возразят и тем, и другим третьи – ведь это всего лишь красивая, но фантастическая гипотеза, *предположение*, которого подтверждения, равно как и отрицания, воочию и достоверно получить невозможно, а токмо в спекулятивном измышлении вообразить пристойно».

7а: добавление. Уже закончив этот свой опус, я прочитал вставку, отправленную мне автором (к стр. 23; на деле – к 18-й). Новое в ней – после вышеприведённых слов «произойдёт очередной Большой взрыв, в результате которого вновь возникнет Вселенная» – следующая мысль: «Нечто подобное имеет место в живой материи. Установлено, что слияние сперматозоида и яйцеклетки определяет возникновение программы, по которой будет развиваться живое существо (подчёркивания мои – В.О), в виде биологической сингулярной точки ДНК. В ДНК записан весь цикл развития животного от начала и до конца его существования». Заметим, во-1-х, что биолог о таком событии сказал бы несколько иначе, а именно, о слиянии *гамет* самца и самки, имеющих, в отличие от соматических клеток с их *диплоидным* набором хромосом, лишь гаплоидные наборы хромосом, как *лишь элементы* новой комбинации наследственных признаков, образующей наследственную «программу», определяющую развитие *зиготы* потомка, говоря поэтически, «слившихся в половом экстазе» родителей, в онтогенезе и далее. Вопрос: можно ли считать логически «*строгой* аналогией», позволяющей делать *демонстративные* выводы, уподобление Космоса «живому существу», как это делается, в отличие от науки, в некоторых поэтически красивых космологически мифологиях и

даже в иных «философиях»?! Весьма не уверен... Как и относительно «убедительности» и обоснованности «утверждения П.Тейяра де Шардена о том, что если какой-либо феномен точно установлен хотя бы в одном месте, то в силу фундаментального единства мира он имеет повсеместные корни и всеобщее значение». Ибо для меня это слишком уж это напоминает спекулятивные фантазии, скажем, Гегеля или Дюринга, демонстрировавших – при всём различии калибра этих философов – тот самый «идеологический метод», или просто «идеологию», ту «идеологию, которой страдали до сих пор (написано в 80-х гг. 19 столетия, но, подчас, это применимо и для наших дней – В.О.) все разновидности материализма», когда, к примеру, «единство мира» пытаются доказать, исходя не из «всего исследования мира», но «*a priori*, исходя из аксиомы мышления», «из «принципов», а не из фактов», т.е. занимаясь «выведением действительности не из неё самой, а из представления» (МЭС, т.20, с. 630, 97). С другой стороны, разве не нарушается в подобных случаях (как и в утверждении упомянутого теолога) это принципиально важное требование диалектической (и материалистической!) логики – «постигать специфическую логику специфического предмета», понимая, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» и что то, что имманентно и специфично присуще живой материи, вовсе не обязательно составляет атрибут материи вообще.

8. Нельзя, далее, не заметить, что представленный здесь автором «сценарий», или «сюжет», вечной вселенской циклической повторяемости хода событий и даже, будто бы, и человеческих *индивидуальных* жизненных судеб, – подобный порядок мироустройства особо, судя по всему, эмоционально-идейно интересен для человечества. И – не очевидно ли? – как именно вариант вожденной идеи бессмертия? Ибо многократно, с древности, он прокручивался и обыгрывался под разными ярлыками (реинкарнация, метемпсихоз, религиозные представления о жизни после смерти и т.д.) у разных народов и их представителей. Чтобы далеко не ходить за примерами и не растекаться мыслью по мифологическо-философскому древу, вспомним хотя бы известное стихотворение Александра Блока:

*«Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи ещё хоть четверть века –*

Всё будет так. Исхода нет.

*Умрёшь – начнёшь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь».*

Или вот, скажем, та же идея вечного круговорота у Достоевского, в «Братьях Карамазовых», в разговоре Ивана с чёртом: «Да ведь ты думаешь всё про нашу теперешнюю землю! Да ведь теперешняя земля, может, сама-то биллион раз повторялась; ну, отживала, леденела, трескалась, рассыпалась, разлагалась на составные начала, опять вода, яже бе над твердию, потом опять комета, опять солнце, опять из солнца земля – ведь это развитие, может, уже бесконечно раз повторяется, и всё в одном и том же виде, до черточки. Скучища неприличнейшая...» (Подчеркнуто мной – В.О.).

Впрочем, как выше показано автором, сама эта идея «вечного возвращения» («повторяемости» варианта «нашей Вселенной, вплоть до индивидуальных судеб людей – если я верно понял концепцию автора?) есть лишь вывод из тезиса о «конечности количества материи». Но насколько достоверен, доказателен сам этот тезис?! Есть ведь и иные мнения. К примеру, опираясь на ту же гипотезу расширяющейся Вселенной, закон Хаббла («скорость удаления галактики прямо пропорциональна расстоянию до неё») и другие данные, исследователи приходят к выводу, что доступный исследовательскому обозрению радиус нашего мира равен 12,5 млрд. световых лет. Если же звезда, галактика или «что-то» иное находится от нас за этим расстоянием, то «Это неведомое «что-то» будет удаляться от нас со скоростью света. Поэтому свет от Него никогда нас не достигнет и мы никогда не узнаем, что Это было» (Ю.Г.Антомонов. Размышления об эволюции материи. Изд. «Сов. Россия». М. – 1976, с. 45-46. Подчёркнуто мной – В.О.). Иными словами, но то же самое фактически сказал ещё в позапрошлом веке материалист и диалектик, но отнюдь не агностик, Энгельс в связи с фантазиями г-на Дюринга о «мировой схематике», единстве мира и бытия: «Бытие есть вообще открытый вопрос, начиная с той границы, где прекращается наше поле зрения» (МЭС, т.20, с. 43). А как советовал, в свою очередь Л.

Витгенштейн, заключая свой «Логико-философский трактат», «о чём нельзя сказать ясно, о том следует молчать». В том числе и самой что ни на есть *научной* Науке, подразумевается.

9. Резюмируя обозначенную выше концепцию о связи 1)конечного количества материи, 2)повторяемости вариантов эволюции Вселенной, 3)предопределённости в ней хода событий как основы 4) антиципации, приходится, прежде всего, что, впрочем, уже замечено выше, констатировать допущенные при этом в доказательстве логические ошибки: «предвосхищение основания» (*petitio principii*) и «круг в демонстрации» (*circulus in demonstrando*). При этом констатировании, разумеется, как несомненно понимает и сам автор, не должно усматриваться, как говорят теперь, «ничего личного». Или, выражаясь в духе «ильфпетрова» отца Фёдора, «не корысти ради, но токмо волею пославшей мя... Логики».

Ну, а если без шуток, – эта концепция субъективно всё же увлекает и соблазняет своим умозрительным *видением* (как бы «грёзой»?) уютно-ограниченного, на себя замкнутого (как анахорет «в башне из слоновой кости»?) Мира Вселенных, в одной из которых, идентичной нашей теперешней, *мы заново сможем свой путь повторить, // увидеть всё то же, // всё то же творить... // Ах, если б при этом могли сохранить // мы память о прошлых нам ведомых судьбах, // ах если б..., но «это», – увы, говорят нам, – «забудьте»...* В общем, как сказали бы те же Ильф и Петров: «Остапа понесло...». *Mea culpa, mea maxima culpa.*

10. Однако пора и честь знать и завершать сей не в меру затянувшийся (свидетельствуя уже этим о вызванном этой работой А.Ю.Антропова особом интересе) данный мой опус. Но всё же, в качестве заключения, напрашиваются и ещё некоторые замечания. Прежде всего, опять-таки, связанное с этой педантичной дамой – Логикой. Как известно, в классическом виде (форме) «определения понятий через род и видовое отличие» (ср. упомянутое Марксом *differentia specifica*) подразумевается (иногда специально оговаривается) непосредственно именно *ближайший* род, дабы избежать посредствующих логических звеньев и переходов, превращающих дефиницию в «трактат» о самой сути дела, что уже не есть определение. Каков же должен быть «ближайший род» в «определении» феномена антиципации? Разве не «психическое свойство» (форма) или познавательная способность, форма или

проявление сознания или *знания* (коли речь идёт о человеке) и т.п.?! «Способ, каким существует сознание и каким нечто существует для него, это – *знание*. Знание есть его единственный акт. Поэтому нечто возникает для сознания постольку, поскольку оно *знает* это *нечто*. Знание есть его единственное предметное отношение» (МЭС, т.42, с. 165). В этом смысле логично, например, определение *антиципации* в Европедии: *предвосхищение, верное представление* (т.е. «род» – знание – В.О.) *о чём либо*, – а затем, как «видовое отличие», – *ничем не обоснованное, но находящее подтверждение в будущем*. Сходным образом роль «видового отличия» может выполнить информация о том, каким именно способом или в какой форме и т.д. получают те или иные знания. Вот, для сравнения, из той же Европедии: *«интуиция, в философии познания, способность к постижению истины благодаря внутреннему убеждению, без помощи рассуждения или эксперимента; разговорное – предчувствие, способность предвидения, творческое воображение*». Или вот более строгое определение *интуиции* из «Новейшего словаря иностранных слов и выражений»: *«постигание истины путём непосредственного её усмотрения без обоснования с помощью доказательства (логических умозаключений); является субъективной способностью выходить за пределы опыта* (т.е. трансцендентировать! – В.О.) *путём мысленного схватывания или обобщения в образной форме непознанных связей и закономерностей*» (ср. – лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть). *Антиципация* же здесь просто расшифровывается как *«предвосхищение, предугадывание событий»* или *«заранее составленное представление о чём-либо»*. Налицо явное, терминологическое, по меньшей мере, сближение этих понятий: *антиципация* и *интуиция*. Не так ли?

11. «Но к чему здесь все эти, в общем-то тривиальные, рассуждения?» – опять-таки возникнет вопрос у «проницательного читателя. Отвечаю. Мне кажется, что во всех подобных выражениях типа «предвидение», предвосхищение», «предугадывание», «предчувствие», «предусмотрительность», даже и «предсказание» «предупреждение», и что-либо ещё родственное этому «заглядыванию», мысленному, воображаемому «забеганию» в будущее (что-то я, может быть, и упустил?) – во всём этом человеческом искании истинного знания грядущего проявляется та же сущностная, атрибутивная (иные

предпочитают термин «имманентная») характеристика, которая и отличает нас, homo sapiens*сов, от того дочеловеческого мира, из которого мы вышли и который в «снятом виде» в нас наличествует (пока мы не преобразовали себя в андроидов). «Человек – единственное животное, которое способно выбраться благодаря труду из чисто животного состояния; его нормальным состоянием является то, которое соответствует его сознанию и должно быть создано им самим» (МЭС, т.20, с. 510). Да и что такое по своей сущности «труд», как не «предвосхищение будущего»?! Ведь «в конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» (МЭС, т.23, с.188). «Будущее не придёт само, если не примем мер.» (В.В.Маяковский). Предвидение, предчувствие, предвосхищение и т. п. формы *антиципации* будущего не зря считают психологи и философы «сквозным» психическим процессом, включенным во все формы «опережающего отражения» действительности, «Сердце будущим живёт...» (А.С.Пушкин). «Человек живёт завтрашней радостью» (А.С.Макаренко), Гений говорит: «Я зрю сквозь целое столетье» и действительно способен, «землю всю охватывая взглядом, видеть то, что временем сокрыто». Ибо «грядущее отбрасывает тень», ибо «...настоящее чревато будущим и обременено прошедшим» (Г. Лейбниц). И потому «мы изучаем прошлое, чтобы понять настоящее и предугадать будущее» (В.Г.Белинский). «Мочь и предвидеть – дар чудодействия и пророчества, вот о чём мечтало с самой колыбели человечество, наделяя ими своих мифических и сказочных героев. Эти два дара принесла ему наука» (К.А.Тимирязев). И т.д. и т. п.

И, в конечном счёте, никто иной – «ни бог, ни царь и ни герой» – а сами люди в своей массовой, коллективной жизнедеятельности творят всю свою, как текущую, так, тем самым, и будущую историю, в той или иной мере «предвосхищая», «предугадывая» её ход и грядущие события. И это даже несмотря на то, что в существующей по сей день классово-антагонистической «предыстории» человечества сплошь

да рядом буйствует то, что классики философии и марксизма называли «трагической иронией мировой истории», когда благие намерения и декларируемые возвышенные цели людей при их реализации превращаются в свою прямую противоположность. Отсюда и эти скептические, подчас, «определения» истории: то как «автобиографии сумасшедшего», то как «сказочки, рассказанной на ночь идиотом» и т.п. И всё же, всё неотвратимее – в качестве гамлетовского вопроса – приближается объективная необходимость для всего человечества выбирать: либо всеобщая гибель, либо создание такого состояния и организации общества, когда не «паразиты», а люди труда, в массе своей, начнут вполне сознательно сами творить свою историю. Ибо законы их собственных общественных действий и условия жизни, по сей день господствующие над ними как объективные, чуждые силы («Вихри враждебные веют над нами, Тёмные силы нас злобно гнетут,...»), будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству, подпадают под власть и контроль самих людей. «И только с этого момент – заключает Энгельс – люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и всё возрастающей мере и те следствия, которых они желают (и в сознании, следовательно, предвидят, предвосхищают, «антиципируют» – В.О.) Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы» (МЭС, т. 21, с. 227-228). Вот он – один из великих примеров научно-теоретического предвидения, обоснованного предвосхищения будущего развития человеческой истории. О значении подобного предвидения хорошо сказано в знаменитых «Экономическо-философских рукописях 1844 года»: «Для уничтожения *идеи* частной собственности вполне достаточно *идеи* коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется *действительное* коммунистическое действие. История принесёт с собой это коммунистическое действие, и то движение, которое мы *в мыслях* уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс. Но мы должны считать действительным шагом вперёд уже то, что мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического

движения, и превзошли его в своём сознании» (МЭС, т. 42, с. 236). Либо истинность этих предвосхищений классиков марксизма в своё время подтвердит всемирная история человечества, либо самое время её ... трагически закончится. Это всё яснее становится с каждым шагом диалектически противоречивого развития человечества. Sapiēti sat.

12. И, как обычно «на десерт», – «это сладкое слово – *свобода*». Свобода и предопределённость – «две вещи несовместные», как и, говоря словами Поэта, «гений и злодейство»? И Пушкин риторически вопрошал при этом: «Неправда ли?». Вот и я, пожалуй, закончу этим вопросом свой фрагментарный обзор необъятной проблемы, которая здесь нарисовалась, следуя мудрому совету Козьмы Пруткова: «Плюнь в глаза том, кто скажет, что можно объять необъятное». Ведь каким бы великолепным ни казался, отмеченный мною в начале замысел автора, но ясно, ведь, что на современном уровне познания человечеством себя и Вселенной во всех взаимосвязях их законов и параметров, да ещё и в духе «антропного принципа» (себя во Вселенной и Вселенную в себе), намерение выявить и выразить научно-системно логику эволюции Мироздания методом, применённым Марксом к специфической «органической системе» (капитализму) – такое намерение, при всех усилиях, в принципе сегодня неосуществимо в должной мере и в надлежащем порядке. Мы ведь можем считать познанным в более или менее достаточной мере *нечто* тогда лишь, когда поняли это (вспомним гегелевское: «известное не есть ещё познанное» и «понять – значит преодолеть») настолько, что можем *этим*, по меньшей мере управлять, а ещё лучше – если можем *это* создавать (или хотя бы – *воссоздавать*). А больше, как известно, не может и Бог. Мы же пока что, при всём своём самомнении (как же: Sapiēns*ы!) не выбились сплошь да рядом из звериноподобных форм «борьбы за отдельное существование» (достаточно хотя бы, не говоря уж о всей прошедшей и недавней истории, взглянуть сегодня на Украину, Сирию, Палестину и т.п.). То есть, мы, человеки, не начали ещё подлинной истории человечества как сознательного *творца* своего общечеловеческого и планетарного будущего, а уже оказываемся в преддверии трагической глобальной катастрофы, грозящей уничтожением всех форм высшей жизни на планете Земля (см.,

например, книгу В.А.Соколова «Законы природы и судьба человечества». Брест, 2008, о которой и в связи с которой я прилагаю 2 своих статьи в качестве «информации для размышления»). Стало быть, как говорит грубовато в схожих, в чем-то подобном, случаях, народ российский, «неча и соваться со свиным рылом да в калашный ряд». Вот и нам бы сначала *очеловечить* в достаточно пристойной мере и степени всю жизнь на Земле, а тогда, может, сумеем и порядок Мироздания и своё назначение в нём понять получше. Аминь, как предки говаривали.
2015 г.

3.6. Спор как форма коллективного мышления

Известный афоризм: «в споре рождается истина» нацеливает на понимание *истины* и самого феномена *спора*, т.е. того, каким он должен быть согласно своему понятию, как сказал бы Гегель, т.е. в своём, так сказать, идеальном виде. Однако в реальности идеал представлен в форме большего или меньшего приближения к нему тех или иных разновидностей и проявлений данного предмета. Таков и феномен спора.

Существуют более или менее различающиеся определения этого понятия. Согласно Далю, например, **спор** – *это словесное состязание, устное или письменное прение, где каждая сторона, опровергая мнение противника, отстаивает свое*. Состязающиеся стороны, или субъекты спора, дискуссии, полемики и т.п. – это: **пропонент** (от лат.: «предлагающий») и **оппонент** (от лат.: «возражающий»). В ряде случаев в качестве *третьего, коллективного* обычно, **субъекта** дискуссии признаётся также и **аудитория**, поскольку весьма нередко и пропонент, и оппонент видят свою главную цель не только и не столько в том, чтобы переубедить друг друга, сколько в завоевании на свою сторону внимающей им аудитории, в *её* убеждении в правоте своей позиции, своей точки зрения. См. об этом подробнее, например в учебнике «Логика – для юрфаков – В.И.Кириллова и А.А.Старченко (глава X1. Логические основы аргументации. Учебник регулярно переиздаётся) Спор, далее, можно рассматривать как родовое, в известном смысле, понятие в таком синонимическом ряду как *прения, дискуссия, диспут, дебаты, полемика*, а то и, в определенных отношениях – *диалог*

(*полилог*) и даже – *монолог* (как спор человека с самим собой), поскольку все эти виды коллективного мышления (если оно в них действительно наличествует) – в форме общения – имеют, в принципе, сходный логико-психологический (и в чём-то «технологический») механизм. Различия – в целях, средствах, правилах поведения сторон и т.п. Отсюда – возможная классификация разновидностей *спора*. По характеру главной цели можно выделить:

1) *спор ради истин*, или *аподиктический* (от греч.: достоверный, доказывающий необходимость) – совместный поиск, выяснение истинной сути дела, предмета и т.п.; чаще в подобных случаях говорят обычно – особенно когда речь идёт о научных или политических проблемах – о *дискуссии* (от лат.: исследование, рассмотрение);

2) *спор ради победы*, или *риторический*, а также – *софистический*; здесь цель оправдывает средства, а истина, логика, этика и т.п. могут приноситься в жертву цели.;

3) *спор ради убеждения*, или *эристический* (от греч.: склонный к спорам) или, как ещё иногда, не всегда справедливо, его называют – *диалектический*: цель – склонить к своему мнению, убедить оппонента в его истинности и согласиться с ним;

4) *спор ради спора*, равно как и 5) *спор-игра* можно рассматривать как своего рода интеллектуальный спорт, развлечение, тренировочное упражнение и т.п.

По характеру применяемых приёмов аргументации различаются также *корректный* спор, не содержащий прямого обмана или силового давления, и *некорректный* спор, в котором могут использоваться приёмы умышленного обмана, софистические уловки, аргументы «к силе», «к невежеству», приёмы унижения противника и т.д. В этой же связи, по манере, способу ведения можно различать, вслед за С.И. Поварниным (см.: его соч. «Спор. О теории и практике спора». // Вопросы философии. – 1960, №3, с.60-133), *джентльменскую* форму спора, когда участники ведут себя уважительно и этично по отношению друг к другу и к мыслям оппонента, как противоположную *хамской* манере иных спорщиков, когда спор превращается в агрессивную перебранку, в которой участники фактически уже не слышат друг друга, не вникая в смысл того,

того, что высказывается о сути дела, сводя её к личностным разборкам. Подобная форма «дискутирования» характерна для так называемых «споров», превращающихся в некую свару, которую Аристотель называл *логомахией* (спорам бессмысленным из-за слов, неоднозначно понимаемых, или из-за пустяков и т.п.).

В реальной жизни чаще всего наличествуют различные комбинации в одном и том же интеллектуально-коммуникативном процессе тех или иных указанных разновидностей спора, а не какая-то одна из них в чистом виде. Очевидно, что в наибольшей степени истинную сущность спора как интеллектуального процесса коллективного поиска истины в идейной борьбе противоположных к ней подходов выражает именно *аподиктическая* форма спора. И она находит свое предельное проявление как раз в *полемике* (от греч.: военное дело, воинственный, враждебный), поскольку именно «полемика предполагает противоположные мнения», а «историческая истина может быть выведена не иначе как из противоречивых утверждений» (К.Маркс). В соответствии с этим и «нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически» (В.И.Ленин). Вот поэтому же, кстати сказать, «полемический характер» носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она даёт точное изображение в теории всех тех противоречий, которые имеют место в жизни, Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая её «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера» самого капитализма» (В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.4, с. 78).

Наиболее важными моментами, характеризующими сам «организм» спора, его, так сказать, общую анатомию и физиологию, являются, во-1-х, необходимые условия, которые делают возможным само возникновение и существование спора в его подлинном и потому плодотворном (к истине ведущем) смысле этого слова. А не того, что иногда называют то «*немецкой ссорой*», то «русским спором», видимо, по аналогии с пушкинской характеристикой «русского бунта», как «бессмысленного и беспощадного». Во-2-х, не менее важным, определяющим моментом выступают *правила*, по которым он ведётся, и прежде всего – *логические*.

Кажется очевидным, что истинно интеллектуальный спор становится возможным тогда, когда есть о *чём* и ради *чего* всерьёз спорить, есть насущная *потребность* в этом у какой-то категории заинтересованных лиц или всего социума. Это значит, что назрела какая-то общезначимая *проблема* и формируется соответствующий *вопрос*, требующий разрешения. Философия (читай: теоретическое, познающее мышление) вообще, как заметил Аристотель, начинается с *удивления*, которое и выражается в вопросах: что это такое? почему это именно так? как это явление возможно? как и почему оно возникло? и т.д. и т.п. Нет вопроса – не о чём мыслить и спорить. По остроумному замечанию И. Канта, «умение ставить разумные вопросы уже есть важный и необходимый признак ума или проницательности. Если вопрос сам по себе бессмыслен и требует бесполезных ответов, то кроме стыда для вопрошающего, он имеет иногда ещё тот недостаток, что побуждает неосмотрительного слушателя к нелепым ответам и создаёт смешное зрелище: один (по выражению древних) доит козла, а другой держит под ним решето».

Содержательная и весьма поучительная в методологическом смысле, но малоизвестная, характеристика определяющей и стимулирующей роли *вопроса* для познающего мышления вообще и эристичного (в форме спора), в особенности, а также его социально-исторической обусловленности и симптоматического в этом его смысла имеется в одной из ранних (1842 г.) работ Маркса. Стоит её привести целиком: «Всякий вопрос, выдвигаемый временем, имеет общую судьбу со всяким вопросом, который является по своему содержанию правомерным и, следовательно, разумным: основная трудность здесь не *ответ*, а *вопрос*. Поэтому истинная критика анализирует не ответы, а вопросы. Подобно тому как решение алгебраического уравнения уже дано, лишь только задача поставлена в своих наиболее чистых четких соотношениях, – так и каждый вопрос получает ответ, лишь только он становится *действительным* вопросом. Сама мировая история не обладает иным методом, коме разрешения и устранения старых вопросов посредством новых. Поэтому легко отыскать загадочные слова каждого исторического периода. В них выражены вопросы, выдвигаемые временем, и если в ответах большую роль играют намерения и понимание

отдельного индивида, – так что нужен опытный глаз, чтобы различить, что должно быть отнесено за счет индивида, а что за счёт времени, – то *вопросы*, напротив, это голоса времени, которые звучат открыто и бесстрашно, властвуя над всеми отдельными индивидами. Каждый такой вопрос – девиз времени, его в высшей степени *практический* клич, выражающий его собственное душевное состояние. Поэтому реакционеры любого времени – такие же хорошие барометры его духовного состояния, как собаки – непогоды. Публике это представляется так, будто реакционеры *изобретают* вопросы. Поэтому она полагает, что ели тот или другой обскурант не ведёт борьбы против какого-либо современного течения, если он не ставит под вопрос то или иное дело, то этого вопроса и *не существует*. Таким образом публика сама принимает реакционеров за *подлинных мужей прогресса*» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., 2-е изд., т.40, с. 237-238). Весьма показательно, что к этой оценке значимости вопроса с той или иной стороны Маркс возвращался на протяжении всего своего творчества. Вот некоторые примеры: 1) «Формулировка вопроса есть его решение. Критика еврейского вопроса есть ответ на еврейский вопрос». 2) «Уже само заглавие («Что такое собственность? – соч. Ж. Прудона – В.О.) указывало на недостатки книги. Вопрос был до такой степени неправильно поставлен, что на него невозможно было дать правильный ответ». 3) «Его (В.Г.Ф. Рошера – В.О.) существенной особенностью является то, что он не понимает самих *вопросов*, и потому его эклектизм сводится в сущности лишь к натаскиванию отовсюду уже готовых *ответов*», 4) «Как плоско поставлен здесь вопрос, являющийся предметом спора ... Здесь как раз возникает вопрос, не выражает ли формулированная Даримоном проблема свою собственную несуразность, в результате чего невозможность её решения заложена уже в тех условиях, которые этой задачей поставлены. Ответ часто может заключаться лишь в критике вопроса, и вопрос часто может быть разрешен лишь путём отрицания самого вопроса». 5) «Г-ну Миллю самому не вполне ясен даже тот, который он старается разрешить ... Мы рассмотрим теперь эти его мучительные старания, в которых хуже всего то, что ему самому неясно, какую собственно проблему он хочет разрешить, Если бы он правильно формулировал самоё проблему, то он не мог бы дать *такого рода*

ошибочное разрешение её ... Мы устранили затруднение тем, что *предположили* его *несуществующим*. Probatum est». (– Это испытанный приём – *Red.*). 6) «Благодаря тому, что Фейербах разоблачил религиозный мир как иллюзию земного мира, который у самого Фейербаха фигурирует ещё только как *фраза*, перед немецкой теорией встал сам собой вопрос, у Фейербаха оставшийся без ответа: как случилось, что люди «вбили себе в голову» эти иллюзии? Этот вопрос даже для немецких теоретиков проложил путь к материалистическому воззрению на мир, мировоззрению, которое *вовсе не обходится без предпосылок*, а эмпирически изучает как раз действительные предпосылки как таковые и потому является впервые *действительно* критическим воззрением на мир». Как бы резюмируя основной смысл этих методологических замечаний истинного гения мысли (Маркс не случайно был признан мировой общественностью самым выдающимся мыслителем тысячелетия), его alter ego – Энгельс, усматривал превосходство Маркса над своими предшественниками и оппонентами именно в том, что «там, где они видели *решение*, он видел только *проблему*». Так, если в рикардовском понимании вопрос был «действительно неразрешим», то Марксом был «он правильно поставлен, и тем самым на него дан ответ» (см. там же: МЭС, 1) т.1, 384; 2) т. 16, с.25; 3) т. 39, с.518; 4) т. 46, ч.1, с. 64, 66; 5) т. 26, ч.3, с.195, 196, 201; 6) т. 3, с. 224).

Вопрос, являющийся предметом спора, выступает, как правило, в виде противоречия, *антиномии* (от греч.: противоречие в законе), т.е. появления в ходе рассуждения двух несовместимых, взаимоисключающих (противоположных или противоречащих) суждений, представляющихся, вместе с тем, одинаково обоснованными логически и фактологически. Как это выразил Маркс в связи с вышеприведенной критикой буржуазного экономиста XIX века Вильгельма Рошера: не прибегая ни к каким лживым уловкам, сказать напрямик – «здесь противоречие; одни говорят так, другие – этак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не сможете ли вы разобраться сами! При таком подходе ученики (сиречь, вообще участники обсуждения), с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой – был бы дан толчок их самостоятельной работе» (там же, т. 30, с. 517-518).

В качестве иллюстрации подобной модели спора можно привести анализируемую Г.В.Плехановым, в статье «К вопросу о роли личности в истории», дискуссию по проблеме определяющих факторов исторического развития. Восемнадцатый век, пишет он, мало задумывался об общих причинах этого развития, «объясняя историю сознательными поступками и «страстям» исторических деятелей. Философы того века утверждали, что история могла бы пойти совершенно другими путями под влиянием самых ничтожных причин, – например, вследствие того, что в голове какого-нибудь правителя зашалил бы какой-нибудь «атом».

«Защитники нового направления в исторической науке стали доказывать, что история не могла пойти иначе, чем она шла на само деле, несмотря ни на какие «атомы». Стремясь как можно лучше оттенить действие общих причин, они оставляли без внимания значение личных особенностей исторических деятелей. У них выходило, что исторические события ни на волос не изменились бы от замены одних лиц другими, более или менее способными». Получалось, что *«личный элемент не имеет в истории ровно никакого значения и что всё сводится в ней к действию общих причин, общих законов исторического движения»*. По оценке Плеханова, «это была крайность, вовсе не оставляющая места для той доли истины, которая заключалась в противоположном взгляде. Но именно поэтому противоположный взгляд продолжал сохранять за собой некоторое право на существование. Столкновение этих взглядов приняло вид антиномии, первым членом которой являлись общие законы, а вторым – деятельность личностей. С точки зрения второго члена антиномии история представлялась простым сцеплением случайностей; с точки зрения первого её члена казалось, что действием общих причин были обусловлены даже индивидуальные черты исторических событий. Но если индивидуальные черты событий обуславливаются влиянием общих причин и не зависят от личных свойств исторических деятелей, то выходит, что эти черты *определяются общими причинами* и не могут быть изменены, как бы ни изменялись эти деятели. Теория принимает, таким образом, *фаталистический характер»* (Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. в 5 тт. Госполитиздат. М. – 1956, с. 330-331). Плеханов показывает, как

именно разрешается эта антиномия в материалистическом понимании истории и в полемике на два фронта: с субъективистами и идеалистами, с одной стороны, и фаталистами, как материалистического, так и идеалистического толка – с другой. Давно сказано: между крайностями лежит не решение, не «истина», а проблема. И, как известно, решение описанной антиномии марксизмом совершается вовсе не путём эклектики: «с одной стороны, нельзя не признаться, с другой – нельзя не сознаться», а методом материалистической, а тем самым – исторической диалектики. И именно открытием самой основы, порождающей подобные теоретические антиномии, т.е. – исторического развития общественного способа производства непосредственной жизни людей и их самих в качестве социально и конкретно-исторически определенных индивидов. Как это резюмирующе сказано в первом развернутом изложении концепции исторического материализма: «эта концепция показывает, таким образом, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» (К.Маркс, Ф.Энгельс. Немецкая идеология.– М.: Политиздат, 1988, с. 37).

Сходным образом, с объективно обусловленной антиномией имеет дело Маркс и при выяснении проблемы самовозрастания капитала. Буржуазная политэкономия сталкивается здесь с загадкой: высшим законом рыночных отношений является обмен эквивалентов – равных стоимостей. Этому должен подчиняться и главный обмен этого общества – между трудом и капиталом. Но если капиталист возмещает труду эквивалент им произведенного («сколько взял – столько вернул»), откуда тогда берётся прибавок, рождающий возрастание капиталистического богатства? Маркс четко формулирует обнаруженное здесь противоречие – антиномию: «Наш владелец денег, который представляет собой ещё только личинку капиталиста, должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь из этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него. Его превращение в бабочку, в настоящего капиталиста, должно совершиться в сфере обращения и в то же время не в сфере обращения, Таковы условия проблемы» (МЭС, т. 23, с. 176-177). Её решение возможно лишь при условии, показал Маркс, если этому владельцу денег «посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке такой товар, сама

потребительская стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, – такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно созданием стоимости», причем стоимости большей, чем стоимость его самого. Владелец денег «находит на рынке такой специфический товар; это – способность к труду, или рабочая сила» (там же).

Логическое противоречие разрешается таким образом, что в самой действительности отыскивается и обнаруживается факт (явление, процесс и т.п.), который объединяет, «замыкает» и «опосредствует» ранее не «опосредованные» осмыслением стороны («члены») антиномического противоречия. Противоречие в мышлении, следовательно, по выражению выдающегося советского философа и логика, «разрешается в согласии с тем способом, которым реальные противоречия разрешает сама действительность, движение «самой вещи» (см.: Э.В.Ильенков. Об идолах и идеалах. Изд-во полит. лит-ры, 1968, с. 178-179). Всё это имеет место в случае *правильно* осуществляемого спора между мыслящими людьми или «спора» исследователя с познаваемым объектом. Я так подробно остановился на этом моменте возникновения и логики феномена спора, что это есть здесь, если воспользоваться ленинским выражением, «не сторона дела, а суть дела». Её игнорирование или недостаточное понимание – важнейшая причина множества бесплодных, а то и в немалой степени вредных, запутывающих сознание людей споров-раздоров, *логомахий*. Как иронически заметил Эдгара По: «В одном случае из ста тот или иной вопрос усиленно обсуждается потому, что он действительно тёмный; в остальных девяносто девяти он становится тёмным, потому что усиленно обсуждается». Если это преувеличение, то не слишком большое.

Нельзя, вместе с тем, не сказать и о таком важном условии спора, при отсутствии которого он также не может быть сколько-нибудь конструктивным и продуктивным, как наличие того, что логики называют *согласованием полей аргументации*» (см. подробнее об этом упомянутый учебник Кириллова и Старченко), попросту говоря, выявление какой-то общей основы противоборствующих позиций, т.е. некоторых принципов, положений, убеждений, фактов и т.д., которые признаются за достоверное и принимаемое обеими спорящими сторонами. Когда

такого согласия нет вообще ни в чём, относящемся к проблематике и предмету спора – он невозможен.

Само собой понятно также, далее, что не имеет смысла спорить о том, о чём не имеется ни малейшего представления у желающих вступить в «спор» – это будет нечто вроде ситуации, изображенной в пушкинской эпиграмме: «Глухой глухого звал к суду судьи глухого...». Но, по словам Г.Флобера, «спорить гораздо легче, чем понимать». Причем, как давно замечено, если настоящий специалист критически воспринимает свои познания в сфере, много лет им изучавшейся, и сознающий её действительные трудности (вспомним совет И.П. Павлова насчет способности признать себя невеждой, подобный сократовскому девизу), то хлестаковски поверхностные, самоуверенные, как их называл Н.В. Гоголь «умники, имеющие готовые определения на каждый предмет», чаще всего и являются самыми заядлыми спорщиками, которых практически невозможно переубедить и как раз по вопросам, о которых они знают лишь понаслышке, не понимая их действительный смысл. Ведь даже для того, чтобы правильно, осмысленно сформулировать вопрос, требующий обсуждения, уже надо знать (понимать!) значительную часть информации, на которой будет базироваться предполагаемый ответ. При том или ином нарушении этого условия может возникать ситуация вроде той, что сформулирована Владимиром Высоцким: «А мы всё ставим каверзный ответ // И не находим нужного вопроса». А Иммануил Кант, как говорилось, характеризуя образно, вслед за древними, бессмысленный, фактически беспредметный спор, сравнил его с ситуацией, когда один доит козла, а другой держит под ним решето. Как это напоминает бесконечное множество ведущихся в социуме споров – и ныне тоже.

Наконец, условиями корректного спора, и в этическом смысле также его *правилами*, являются, среди прочего: 1) способность быть внимательным к своему противнику; 2) умение выслушивать и понимать его рассуждения; 3) готовность признать свою ошибку и правоту оппонент, раз уж он оказался прав, а не ты; 4) исходить из того, сформулированного Леонардо да Винчи, афоризма, что «противник, вскрывающий ваши ошибки, гораздо полезнее для вас, чем друг скрывающий их». Ибо, как продолжил эту мысль Роберт Бернс, «когда узнаёшь свои ошибки, имеешь шанс их исправить».

Правда, скорее возможен, видимо, другой результат, если верить наблюдению ученого и дипломата Б. Франклину. что «если вы спорите и возражаете, вы иногда можете добиться победы, но это будет бесполезная победа, потому что вы никогда не добьётесь этим хорошего отношения у вас со стороны вашего противника».

Собственно *логические* правила спора излагаются прежде всего в учебниках логики, более всего в разделе об *основных формально-логических законах* и, непосредственно – в разделе о *доказательстве* и *опровержении*, который нынче чаще называют *логические основы теории аргументации*. В этом отношении «для лиц, совершенно незнакомых с логикой» (это выражение самого автора – С.И.Поварнина), – по сей день может быть чрезвычайно полезным пособием написанное им ещё в 1918 г. (переизданное в 1923 г. под названием «Искусство спора») вышеупомянутое сочинение «Спор. О теории и практике спора». Несмотря на некоторые, исторически обусловленные архаизмы, оно отличается от последующих подобных изданий особой доходчивостью, живостью изложения и практической направленностью авторских рекомендаций. По его справедливому замечанию: «Где нет споров о важных, серьёзных вопросах, там застой» (с. 60). Однако вряд ли лучше ситуация и там, где общественное мнение занято тем, что автор называет «*бесформенными* спорами» или, на другой манер – «*византийскими*» спорами» (с.69, 78). Как говорят в таких случаях, хрен редьки не слаще. И это мы на себе ныне чувствуем.

Правила доказательства и опровержения, как и соответствующие ошибки (паралогизмы – бессознательные, произвольные ошибки, или *софизмы* – намеренные нарушения логических правил и норм), обусловленные нарушениями этих правил, сводятся, говоря кратко (для знакомых с логикой – это просто напоминание, а для остальных и подробнее – можно порекомендовать уже называвшийся выше учебник Кириллова и Старченко, или нечто подобное), к 1) правилам и ошибкам по отношению *тезису* (от греч. – положение, утверждение; то, что и оспаривается в дискуссии); 2) правилам и ошибкам по отношению к *аргументам* (довод, основание доказательства или *опровержения*, как доказательства *ложности* тезиса); 3) правилам и ошибкам по отношению к *демонстрации* (от лат. – показывание, т.е. в

логической связи аргументов с тезисом, в самом способе доказательства).

Вкратце речь идёт о следующем. По отношению к *тезису* обычно формулируют два правила: 1) определённость тезиса. Он должен быть четким, ясным, недвусмысленным по всем своим характеристикам (содержательным и логическим: по *количеству*, *модальности*, *логическим связкам суждения* – последнее в случае, когда тезис – сложное суждение – см. указанный учебник)

и позволяющим четко и остро выявить и зафиксировать *пункты разногласия*, вокруг которых и строится обсуждение проблемы. При этом, во-2-х, тезис должен оставаться тем же самым, неизменным на протяжении всего спора, Если, конечно, его автор не объявит публично, что изменяет тезис в той или иной степени. Но это будет ситуация *нового* спора. Как видим, эти правила основываются на *законе тождества*. Что касается возникающих здесь основных ошибок и, соответственно, *софистических уловок*, то это 1) нечеткий, неясный, «размытый» тезис; 2) потеря тезиса; 3) подмена тезиса (полная или частичная); как разновидность – *логическая диверсия*, когда пытаются переключить внимание слушателей на обсуждение чего-то, хоть и, возможно, важного, но такого, что прямой связи с тезисом не имеет.

По отношению к *аргументам* действуют следующие правила: 1) достоверность аргументов, они должны истинными положениями; 2) автономное от тезиса их обоснование, иначе говоря, истинность аргументов должна быть установлена, должна быть доказанной независимо от истинности тезиса; 3) непротиворечивость, т.е. аргументы не должны противоречить друг другу (вспомним *закон противоречия* и *исключенного третьего*); 4) достаточность, т.е. согласно логической *мере*, в своей совокупности аргументы должны быть такими, чтобы из них по правилам логики с необходимостью (*демонстративно*) следовал доказываемый тезис. Нарушение этих правил ведёт к такого рода *ошибкам*: (1) *«основное заблуждение»*, когда за истину принимается ложный аргумент; (2) *«предвосхищение основания»*, когда в качестве аргументов используются такие, истинность которых лишь «предвосхищается», предполагается, но отнюдь не является доказанной; (3) *«круг в доказательстве»* («в демонстрации»). когда недоказанным тезисом «обосновываются» недоказанные

аргументы, которые и должны были бы на деле его обосновать; (4) выдвижение аргументов, противоречащих друг другу; (5) аргументы недостаточны, «слабы» для доказательства или опровержения тезиса; (6) «чрезмерное доказательство»: «кто много доказывает, тот ничего не доказывает»; (7) «самоубийственный довод», когда используется такой аргумент, который не только подтверждает, а наоборот, противоречит данному тезису пропонента; (8) «переход в другой род»: когда вместо аргументов «к делу» используются аргументы «к человеку», к «личности», к «публике», к «силе» («палочный аргумент»), к «выгоде», к «авторитету», к «невежеству», к «здравому смыслу», к «состраданию», к «верности» и т.п.

Здесь уже намечен переход к правилам и ошибкам **демонстрации**, поскольку последний (8) род ошибок аргументации относится вместе с тем и к важнейшему «пороку» (ошибке) самого способа, логической формы рассуждения – к **демонстрации**, который называется «*мнимое следование*», включая в такой случае, правда и другие ошибки. Основное же *правило демонстрации* одно – общее: доказательство и опровержение должны строиться с учётом, соблюдением и на основе правил тех видов умозаключений, которые в этих процессах аргументации используются: *дедуктивных, индуктивных, в форме аналогии*, равно как и при их комбинировании. Иначе возникают те или эти ошибки. Другие типичные ошибки, помимо указанных (8), связанные с отсутствием необходимой логической связи между аргументами и тезисом («не следует» или «*мнимое следование*») в общем виде, безотносительно к видам употребляемых умозаключений, следующие:

(1) неправомерный логический переход от узкой области к более широкой области; (2) незаконный переход от сказанного с условием к сказанному безусловно; (3) непозволительный переход от сказанного в определённом отношении к сказанному безотносительно к чему бы то ни было. Итак, в общем виде несоответствие между аргументами и тезисом в случае мнимого следования проявляется в том, что *логически слабыми аргументами* (узкими, условными, относительными, проблематичными) пытаются обосновать *логически более сильный тезис* (широкий, безусловный, безотносительный, достоверный)

В учебном пособии «Практическая логика» (С.-Пб., 1997, 516 с.) В.А. Светлов формулирует ряд нормативно-технологических *правил спора*, помимо тех общих логических правил, которые, как выше сказано, излагаются в учениях о доказательстве и опровержении, т.е. в теориях аргументации. Они у него включают: А. Список и последовательность разрешенных ходов и контрходов, в котором формулируются *права и обязанности* участников спора; В. Правила формирования банка аргументов; С. Правила выигрыша (проигрыша). Предлагаются и примеры применения этих правил (см. стр.: 514 – 520). В качестве организующего процесс спора момента этот материал может быть полезен – отсылаю к этому источнику. Попытку соединить материал логики и риторики при рассмотрении проблематики спора предпринял А.В. Стешов в брошюре «Как победить в споре. О культуре полемики, (Л. : Лениздат, 1991. – 191 с.). Прилагается список литературы. По этой же тематике интересно написан раздел «Искусство полемики и дискуссии в популярной (для старшеклассников) книжке А.А.Ивина «Искусство правильно мыслить. (М.: Просвещение, 1990, – 240 с.). Имеются и более поздние публикации.

3.7. Толерантность и идейная убежденность: совместимы ли они?

«Убеждение – это совесть разума».
Никола-Себастьян де Шамфор.

Весьма модное нынче словечко *толерантность* (от лат. *tolerantia* – терпение) толкуется в справочных изданиях, – когда явление рассматривается именно в идеологическом отношении, – как «терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению», как «признание права других лиц иметь собственные взгляды, вкусы, отличные от взглядов оценивающего; не подразумевает признания антигуманных или преступных идей» (См., напр. ЕВРОПЕДИЯ.: 2004, с. 965).

Фактически тот же смысл выражен более подробно и в Конституции РФ. Особо обратим при этом внимание на то, что, во-1-х, «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие», причем «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст.13,ч.1,2), во-2-х, на то, вместе с тем, что «не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду», и «запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». В то же время, в-3-х, при этих условиях, «каждому гарантируется свобода мысли и слова», но при этом «никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них». Но, тем не менее, в-4-х, «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ст.29,ч.2,1,3,4). Разумеется, осуществляя свои права при соблюдении вышеуказанных запретов, условий и гарантий.

При внимательном осмыслении и анализе приведенных положений не может не возникнуть ряд непростых, но теоретически и практически чрезвычайно важных вопросов. В особенности, связанных с ключевым здесь, в определенном смысле, понятием «убеждение», причем именно в его соотнесенности с тем смыслом процитированных конституционных статей, который и может быть кратко и

обобщенно (и упрощенно, надо признать) выражен термином «*толерантность*». Над этим стоит поразмышлять.

Термин *убеждение* в собственном смысле определяется психологией как «высшая форма *направленности личности*, в психологическую структуру которой входят *мировоззрение* и *стремление* к его осуществлению в своей *деятельности* и к содействию осуществлению в деятельности других». В этом своём концептуальном значении *убеждение* характеризуется как «высший уровень личности, подчиняющий себе процессуально её познавательные, эмоциональные и волевые свойства, *содержательно* являясь ее *идейностью*. За свои убеждения человек борется» (К.К.Платонов. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: 1984, с.153). Сходным образом и философия уверяет нас, что «своего рода золотым куполом храма мировоззрения являются убеждения» и уже потому «в сфере убеждений невозможна сделка – двух безусловных принципов убеждения в душе одной и той же цельной и принципиальной личности быть не может» и что, поскольку «убеждения составляют стержень мировоззрения и духовное ядро личности», постольку «человек без глубоких убеждений – это еще не личность в высоком смысле этого слова; это как бы плохой актер, играющий навязанные ему роли и в конечном счете утрачивающий свое Я». (См., напр., А.Г.Спиркин. Философия. М.: 1999, с.14-15). И т.д. и т.п.

Итак, перефразируя известное изречение можно утверждать: «скажи мне, каковы твои убеждения, и я скажу тебе – кто ты». Поэтому-то, по словам Л. Фейербаха, «потребовать от человека, чтобы он отказался от, разумеется, существенных, заложенных в его образе мышления мнений, понятий, религиозных представлений, означает потребовать от него, чтобы он отказался от своей сущности, от самого себя. А кто же сделает это?» (Людвиг Фейербах. Избр.филос.произв., М.: 1956, т.1, с.362). На самом деле-то кто именно подобное превращение из «Савла в Павла» делает с «с легкостью в мыслях необыкновенной», история человечества вообще и России, в том числе, демонстрирует и в прошлом, и ныне многократно. Обязательно ли при этом подобные «превращенцы» (или, как теперь чаще говорят, «оборотни», «перевертыши», «перерожденцы» и т.п.) выступают, говоря словами А.И.Герцена,

как «жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки» – этот вопрос требует особого и конкретного разбирательства. Но не о них здесь речь. А речь именно о людях того типа и уровня идейной убежденности, к которым применима знаменитая формулировка молодого Маркса, высказанная им как раз тогда, когда он только ещё начинал осмысливать коммунистическое движение в современном ему мире как важный, «в высшей степени серьезный современный вопрос», как *проблему* и как *идею*. Он писал в октябре 1842 г.: «*идеи...*, которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, – это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им». Однако, такая степень идейной убежденности доступна, по его словам, лишь тем, кто обладает *собственным умом, собственными воззрениями, собственной совестью* и, осознанно вырабатывая свои убеждения, способен испытывать и те «*муки совести*, которые возникают, когда субъективные желания человека восстают против объективных воззрений его собственного ума» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд.2-е, т.1, с.118). Но зато это именно те, по известному ленинскому выражению, «лучшие элементы» социального строя, «элементы действительно просвещенные, за которые можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести».

И вот как раз в случае подобного уровня, накала и прочности идейной убежденности, о представителе которой можно сказать словами поэта: «он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть», проблема, обозначенная в заглавии этой статьи, обретает столь необходимую для теоретического анализа четкость, абстрактность и остроту антиномичности.

В самом деле, с одной стороны, согласно принципам толерантности, плюрализма мнений, свободы мысли и слова и т.д., нельзя не признавать права других людей иметь убеждения не просто иные, но и радикально противоположные, отрицающие и прямо враждебные по отношению к тем воззрениям, которые исповедуешь, скажем, ты сам. Соответственно, нельзя отрицать и права этих *других* такие убеждения и мнения отстаивать, в общественное сознание «любым законным способом» внедрять, потребную им для этого информацию «свободно искать,

получать, передавать, производить и распространять» и т.д. Но, с другой стороны, каково же будет в этой связи *твоё* отношение к этим предлагаемым (а тем более, принудительно навязываемым) тебе воззрениям, если они явно противоречат твоим собственным убеждениям?! Разве это отношение не выразится неизбежно, так или иначе, как интеллектуальное и эмоционально-волевое *противоборство* с этим неприемлемыми для тебя идеями и взглядами, т.е., в норме, как *полемика* – «война» непримиримых идей, претендующих на истинность и победу над теми, которые рассматриваются как ложные?! Как справедливо отмечал тот же Л.Фейербах, «мы вполне можем усвоить мысли других, которые в частном отклоняются от наших мыслей; но мысли противоречащие нам по существу, по роду, есть для нас неассимилируемые яды». Ибо там, где господствуют разногласия мировоззренческие, теоретические, идейные (т.е. как раз коллизии, конфликты в убеждениях, в психоидеологических отношениях людей), – поскольку речь идет о вещах жизненно-значимых, а не индифферентных или несущественных, - там вскоре выявляется, что эти разногласия идей, теорий, убеждений «есть лишь выражение разногласия бытия, характера, личности (марксист добавил бы: прежде всего – борьбы классов, политических сил и т.д. – В.О.). Поэтому ненависть, направленная против теоретической сущности человека, переходит в личную ненависть и, наоборот, любовь, склонность к учениям человека переходит в личную склонность или же предполагает ее наличие» (цит. соч., с. 362). Как говорил баснописец, «тому в истории мы тьму примеров сыщем». А разве современность не подтверждает это каждодневно фактами идеологической войны в классово-антагонистическом обществе?

Так спрашивается, о какой же «терпимости» к чужим и враждебным, в принципе неприемлемым идеям, о какой такой «толерантности» или хотя бы нейтральности по отношению к ним, может идти речь в этой тысячелетней бескомпромиссной и беспощадной «войне» истины и лжи, добра и зла, «войне» всех вообще противоречащих друг другу, взаимоисключающих друг друга человеческих *ценностей* и «антиценностей», характеризующих и определяющих самые основы социальной жизнедеятельности?!

Как давно и верно было замечено, в жизни нашей существуют столь жгучие «темы», в отношении которых беспристрастие выше сил человеческих. И разве не прав был И.Ф.Шиллер, утверждая: «Только тот может горячо любить добро, кто способен от всей души непримиримо ненавидеть зло»? И в самом деле, *добро*, «терпимое» ко злу, мирно или *равнодушно* сосуществующее с ним, не демонстрирует ли тем самым некое *примирение* со злом, *поощрение* зла, оказываясь таким образом, *volens nolens соучастником* зла? Вспомним лермонтовскую «Думу»: «к добру и злу постыдно равнодушны,/ В начале поприща мы вянем без борьбы;/ Перед опасностью позорно-малодушны,/ И перед властью – презренные рабы». И не то же ли самое следует сказать о *гуманности*, которая равнодушно «терпит» или даже «уважительно признает» *антигуманность* и *преступность*. Равным образом можно утверждать, что *истина*, «терпимая» к претензиям *лжи* и *заблуждения* господствовать в сознании людей, уподобляется такому «свету», который не изгоняет, не рассеивает тьму, а безропотно, «толерантно» уживается с ней и «вянет без борьбы». Или, наконец, представим себе вообще *разум*, который не просто «терпит», но и «уважает» (как это получается у некоторых толкователей толерантности как «взаимоуважения») своих антиподов и антагонистов – *глупость*, *неразумие*, *бездумье*, *безумие* и т.п. Не абсурд ли все это? Или здесь как раз и следует руководствоваться принципом: “Credo, quia absurdum est”?

Но тут могут правомерно возразить, что подобно тому как свобода не означает вседозволенности, так и толерантность не есть некая безоглядная «терпимость» и идейная «всеядность», а предполагает, как уже сказано, явственно и законодательно выраженные запреты на «признание антигуманных и преступных идей», на пропаганду какого-либо «превосходства» одних людей над другими или «ненависти и вражды» между ними. Да и вообще, мол, толерантность вовсе не равнозначна какой-то «обязанности» для гражданина государства «примиряться» с любыми (даже вроде бы и не антигуманными и не преступными) идеями других лиц или относиться к ним «беспристрастно» и «нейтрально». Речь идет всего лишь о *праве* каждого человека иметь собственные убеждения и мнения и при желании свободно их оглашать. И это нисколько-де не отрицает *права* других людей

не соглашаться с подобными публичными заявлениями чьих-то взглядов, подвергать их критике, вступать с ними в полемику и т.п. И в таком случае, дескать, какие могут быть сомнения по поводу заявленного в заглавии вопроса насчет совместимости принципов толерантности и идейной убежденности? Разве, мол, не очевидно, что здесь никак нельзя безусловно утверждать, будто это суть «две вещи несовместные»?!

Можно ли согласиться с этим рассуждением, или дискурсом, как любят теперь говорить ученые философы? Диалектический ответ будет: и *да*, и *нет*. Или, как по другому поводу выражался великий диалектик-революционер: по форме правильно, а по существу – издевательство.

Да, скажем вслед за Плехановым, «терпимость – прекрасная вещь; уважать чужие мнения надо даже тогда, когда они радикально расходятся с нашими, и т.д...Все это очень справедливо, и давно уже все это «твердили миру». Но не менее справедливо и то, подчеркивает далее он, что «раз вышел на очередь тот или другой великий общественный вопрос, он непременно возбудит великие страсти, сколько бы ни кричали о хладнокровии сторонники умеренности» (а сегодня, скажем, о «толерантности», «плюрализме» и т.п. – В.О.). Ибо хладнокровно (и толерантно, в меру этого – В.О.) обсуждаются только такие общественные вопросы, которые совсем не важны сами по себе или еще не стали *очередными* вопросами данной страны и данной эпохи, а потому и интересуют собою только горсть кабинетных мыслителей» (Г.В.Плеханов. Избр.филос.произв. в 5 тт., М.: 1956, т.1,с.738,739). Но когда социальными процессами затрагиваются самые насущные интересы людей, вызывая к жизни великие общественные страсти, тогда либо чрезмерная наивность, либо лукавое лицемерие могут настаивать на толерантном и беспристрастном обсуждении подобных явлений и «согласии» (примирении, «единстве»?) противоборствующих при этом антагонистичных убеждений, идей, мнений и позиций, подменяя диалектику эклектикой или софистикой.

Однако, дело не только в том, что без человеческих эмоций и страстей, обусловленных объективными отношениями и жизненными интересами людей, не может существовать человеческого *искания* истины и духовного освоения действительности, со всеми вытекающими отсюда

«неприятностями» для осуществления требований беспристрастности и хладнокровия, умеренности и толерантности. Главное все же в том, что в процессе реального исторического *развития* идей, а следовательно смены и *борьбы* идей непременно и закономерно возникает фактическая *необходимость* переходить от абстрактно провозглашаемых формальных деклараций «свободы мыслей и слова», «плюрализма мнений», «толерантности» и т.п. к конкретно *содержательному* рассмотрению (на предмет их соответствия действительности, т.е. их объективной *истинности*) этих самых предлагаемых (а то и весьма ловно навязываемых всеми способами) обществу «мыслей и слов», «мнений» и концепций всякого рода, выдаваемых их представителями за «истины в последней инстанции», предполагающие соответствующие практические рекомендации и лозунги как руководство для жизнедеятельности. И значит, основной философский вопрос всякого мировоззрения, вопрос об *истине*, о мере и критерии истинности или ложности всех наших идей, представлений, убеждений и т.п., нельзя ни отменить, ни «закрыть» никакими благонамеренными абстрактными (и потому уже формальными) призывами и декларациями о «терпимости», «взаимо-уважительности», о «праве на инакомыслие» и т.д. Именно в силу этого, как прекрасно сказал В.Г. Белинский, не зря прозванный за страстность в полемике «неистовым Виссарионом», «убеждение должно быть дорого потому только, что оно *истинно*, а совсем не потому, что оно *наше*. Как скоро убеждение человека перестало быть в его разумении *истинным*, он уже не должен называть его *своим*: иначе он принесет истину в жертву пустому, ничтожному самолюбию и будет называть «своей ложью».

А «толерантно» примирять истину с ложью, не то же ли самое, что, по выражению поэта, пытаться розу с жабой обвенчать?! Или, согласно сравнению философа, в «сражении» Правды с Ложью пользоваться картонным мечом, дабы не поранить противника. То-то возрадовались бы при этом все сторонники и изобретатели Лжи и всех её вариаций! Так может, напротив, прав был Владимир Высоцкий: «*Чистая Правда со временем восторжествует,/ Если проделает то же, что явная Ложь*»?!

КОНОПЛЁВ Николай Сергеевич

Специалист по теории познания, доктор философских наук, профессор, академик Российской Академии Естествознания.

Родился 16 января 1941 года. Окончил филологический факультет Иркутского государственного университета (1963), аспирантуру кафедры диалектического и исторического материализма ИГУ (1970). Докторская диссертация «Принцип детерминизма как методологическая основа гуманитарных наук: содержание

детерминации гуманитарных наук» (1988). Особое значение имело здесь переосмысление научного факта. Этот факт в гуманитарном познании уже не «среднестатистическое резюме» (каковым он является, к примеру, в естествознании), но «резидент» той уникальности, которая присуща исключительно личностному началу, заявляющему о себе неповторимым творчеством. Гуманитарный факт – основной детерминант в определении содержания и направленности гуманитарных наук, скрепляющий их «модельным разворотом», или «типически затверждаемой человечностью».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА КЛАССИКОВ

К 80-летнему юбилею А.В. Вампилова и В.Г. Распутина

Метисированная духовность как результат медитативной деятельности индивида.

Когда тебе уже столько лет, что они угрожающе висят надвигающимся обвалом, самое лучшее – спрятаться в глубины моря житейского: предаться перебору пережитого – важного среза «духовного тезауруса». Другими словами, следует

обложиться метисированной духовностью [1]. Что это такое? Не более чем то, что содействует – при опоре на медитативно воспроизводимую мантру – подведению к сиюминутному «причащению» сосредоточенных в нас пластов архаики. Тем самым ударно подвижная память из своих телесно закрепляемых «информационных молекул» (С. С. Коновалов), преодолевая исходящее от них притяжение, поднимается до живущего «текущим мигом» временного интервала и сочетается с ним. ...Выстраивается феномен духовной метисации (не путать его с телесной метисацией, когда на свет появляется новорожденный, у которого разноэтничные родители). Так, к примеру, поэма Гомера (VIII в. до н. э.) «Одиссея», повествуя о попавших к киклопу Полифему персонажах боёв за Троию, свидетельствует: некогда вид Homo Sapiens сосуществовал с впоследствии вымершими гигантопитеками. Их давно нет, но они живут в исторической памяти. ...«Лавируя» между годами, осознаём их частью самих себя. Этим счастливым моментом не ощущаете удушающего самоотчуждения и выражаете надежду поделиться требующими исхода (заикливающими ваше сознание) воспоминаниями. Теперь, однако, это менее всего воспоминания. Ибо предстают они воплощением настоящего временного интервала – соответствуя статической концепции времени. Согласно ей, прошлое, настоящее и будущее – одновременны [2]. Приняв это как доказательно обусловленную данность, не станем на ней задерживать наше внимание. ...Отмечаемая одновременность процветает в условиях массовой индивидуализации социума, подстёгиваемая достижениями научно-технической революции (НТР). Большим подспорьем в сложно протекающей ситуации играет «виртуальный пик» человеческой природы, включающей тесную взаимосвязь (составляющих её) внешних и внутренних ощущений. Природно сорганизовываемый «виртуал» медитативно настраивает невыразимое в обычных условиях человеческое «Я» на волну заботливой отзывчивости ко всему тому, что было вами пережито. Охваченные «памятью сердца», вы невольно прошлое обустроиваете актуализуемым настоящим. ...Вышесказанное свидетельствует о медитативной завербованности вашего сознания жестко сжавшей его метисацией. В памяти откладываются нюансы, которые в обычном состоянии каждый из нас по рассеянности опускает. Но теперь не то. ...Медитация проведена;

по времени она разместилась вышеприведённым текстом, на чтение которого уходит 3-4 минуты, и этого достаточно, чтобы обрести власть над метисацией и одновременно погрузиться в метисированное рандеву со своим телом. Складывающееся наблюдение за собой проводится с разных точек отсчёта. Вашему покорному слуге это знакомо по однажды охватившему его послеоперационному перитониту и подтверждено «точкой сборки» К. Кастанеды (1925-1998). Именно боль сопутствует разностороннему «прочесыванию» собственной персоны. Она же затверждает prerogatives метисации. Нужно помнить, что в страданиях заключена бездна смысла – с выходом на «страстное чувство» (Ф. М. Достоевский). Собственно, Ф. М. Достоевский своими «Записками из Мёртвого дома» программирует метисированное постижение сущего. Для этого он преодолевает учение об истине установкой на величественный облик Христа: Богочеловек для писателя выше истины (попутно отметим, что Христос для нас, внерелигиозно настроенных, – Сын Человеческий, для Ф. М. Достоевского – Богочеловек. В Библии Христос – и тот, и другой; и Вечная Книга примиряет нас с гениальным художником и пророком). ...Итак, с помощью разумно выстроенного сознания я овладеваю прошлым. Поскольку же, однако, рациональный и чувственный компоненты сознания сцеплены «интуизицированным клише», человеческое тело наиболее приближено к тому, чтобы, опираясь на его «внутреннеощущаемые чары», мы смогли запустить механизм метисированного «поглощения» «жизненного беспредела». Полагаю, что наши иркутские классики, о которых поведём речь, намеченными соображениями (независимо от того, размышляли они или нет на эту тему) осуществляли своё художественное освоение мира. Воспроизводя его бесконечность, они как подлинныe виртуозы духовности втягивали её во что-то конечное, завершённое, а стало быть, эстетически безупречно «зачищенное».

Вместо того, чтобы планомерно учиться, – влюбился.
...Итак, я – второкурсник филологического отделения историко-филологического факультета Иркутского государственного университета (ИГУ). Осенью со всеми студентами трудился в Аларском районе Иркутской области на картофельном поле и на

уборке зерновых. Сейчас октябрь; год – пятьдесят девятый. Занятия, как и в предшествующие времена, проходят в единственном трёхэтажном корпусе с окнами на Ангару. До революции в нём размещался институт благородных девиц. Теперь сосредоточены естественно-гуманитарные факультеты. Творится что-то невообразимое. На перемене по коридору можно пройти, если тесно прижмёшься к стене. Иначе людская масса не пропустит. Ныне покойный профессор Виктор Харитонович Харнохоев, окончивший ИГУ на два года раньше В.Г. Распутина, вспоминал: «Валя словно сливался со стенкой». Так вот и жили, пока не обзавёлся ИГУ новыми помещениями. Теперь их шесть. Они разбросаны по городу, и не поймешь, хорошо это или не очень. В первом из них, с которого начинался университет, обучаются физики и математики.

С физиками веду занятия по философии. Свободно вышагиваю знакомыми коридорами. Студентов вокруг – всего ничего: редко кого из них увижу на перемене. ...Так вот, осенью 1959 года в перерыве однажды заметил девушку, оказавшуюся студенткой-филологом пятого курса. Имени юной леди я не знал, но уж сильно был пленён ею. Старался издали наблюдать. Догадался, что она ходит в «иняз» на платные курсы немецкого языка. И я туда же. Боялся приблизиться и до сих пор не знаю её имени. Она на меня – ноль внимания; я в ступоре. Разум мой расшатался и, можно сказать, отодвинулся от меня. Однажды заметил её у окна. Взгляд незнакомки витал неопределённостью. Вдруг лицо её оживилось, и – казалось – она парила поднебесьем. Её встретил сокурсник; они разговорились. Курчавая голова юноши выглядела довольно объёмистой, что не совсем соответствовало хоть и плотному, но вместе с тем несколько худощавому телу. Ростом юноша был до 177 см. Он повернулся в мою сторону, чтобы – на «здравствуй, Саня» – ответить улыбкой проходящим мимо своим товарищам. И я заметил в его русском взгляде едва фиксируемые бурятские очертания. Мне нравятся нацмены своей подчеркнутой рускостью, основание которой, однако, мотивировано таинственным Востоком. Сочетание того и другого формирует метисацию – теперь уже телесную. В Прибайкалье сочетание обоих видов метисации обрисовывает новый субэтнический ареал

с его неповторимым культурным слоем. В этой связи вспоминается XIX столетие, когда блестящий интеллектуал В. Г. Белинский (1811-1848), из Москвы перебравшись в Петербург, начал его противопоставлять культурной столице россиян. Выходило так, что Петербург несёт прогресс, Москва же – увешана традициями, и ничто указанные поселения не соединит. Подспудно критик выражал мысль, согласно которой петербургский прогресс нагнетает социально насыщенную изменчивость, Москва – отяжелена устойчивостью ввиду своей архаичности. Перенесёмся в наши дни, чтобы рассуждение В. Г. Белинского соотнести с творчеством известных классиков – А. В. Вампилова и В. Г. Распутина. Впрочем, сейчас было бы не очень резонно это осуществлять, ибо моя память раскручивается выше упомянутым мигом, фиксирующим общение двух студентов. Ведь человек, который повернулся в мою сторону, чтобы, не заметив меня, произнести «привет, ребята», был Александр Вампилов – не так уж внешне выразительный, зато обаятельный. Ему было 22 года, и он публиковался – а я его, в ту пору не зная лично, читал – в университетской многотиражке и областной «Советской молодёжи».

Для меня при слове «Вампилов» всплывает «Распутин», и выше я невольно – тандемом – упомянул их имена. Особо не обременяясь здесь анализом их творчества, хотелось бы сказать о великом предназначении художественной практики Александра Валентиновича и Валентина Григорьевича. Однако вовсе не убеждён, что предлагаю истину в последней инстанции. Таких истин может быть много, и все они – приблизительные. Господствующая ныне – под влиянием разрушительной научно-технической революции (НТР) – массовая индивидуализация социума затвердила плюрализм мнений, замещающих пусть и относительную, но истину. Однако, принимая положение об относительности истины (имеющей с мнениями слишком мало общего), мы с необходимостью соглашаемся с тем, что абсолютная истина – в принципе достижима. Она поэтапно разворачивается за счет снятия многообразия относительных истин, и плюрализм их – фундамент в поисках абсолюта.

Веселье на Новый год. А. В. Вампилов спасает меня.

Итак, обратимся к творчеству бессмертных и начнем с А. В. Вампилова. Драматург занят поисками перспектив, которые приоткрываются нашему современнику (заметим попутно, что, поскольку искусство мэтра у нас и за рубежом востребовано, оно продолжает оставаться весьма актуальным; укажем на то, что самым значимым учителем А.В. Вампилова оставался А. П. Чехов (1860–1904). Величие А.П. Чехова – и это особенно «обольщало» А. В. Вампилова – состоит в том, что, воспроизводя светотени, гениальный мастер «завешивает» своих персонажей удивительной многоликостью. И, завершая введённый за скобки и несколько затянувшийся пассаж, обратимся к только что сдавшему экзамен по русской литературе студенту А. В. Вампилову. Саша после экзамена, где его «допытывали» творчеством А. П. Чехова, – так вот он в сердцах воскликнул перед собравшимися в коридоре сокурсниками: «Ну уж Чехова-то я знаю!» Видимо, не по вкусу экзаменатору пришлось суждения «бойкого всезнайки». Что ж, бывает и такое (из рассказа профессора Б.А. Кислова – сокурсника А.В. Вампилова). ...Как говорится, прервусь на полуслове в этом пункте и продолжу разговор о неземной фее. Я оставил её в счастливый момент общения с молодым человеком – Александром Вампиловым. Это имя никому, кроме его владельца, ничего не оповещало. Я волей-неволей был занят учебой, но порою на переменах встречал «обёрнутую» узкой талией ненаглядную красавицу. Тогда я словно окрылялся. Незнание имени делало её просто небесной в моём притуплённом состоянии. Подошел новый – 1960-й – год. Нам, филологам, для празднования было отведено помещение деканата физико-математического факультета (аудитория 204-я на втором этаже всё того же единственного корпуса). Радостно провожали уходящий год; подняли бокалы за неизбежное пришествие перемен. Я тоже подшофе: привлекает процесс питья. Но открывается массивная дверь, и входят счастливые Он и Она. Мне сделалось дурно. Взобравшись на подоконник, раскрыл створку и завис над бездной. Раздался баритональный окрик: «– Держите, он сорвется!» Несколько рук подхватили меня, поставив на пол. Голос же, который прогремел рядом с входной дверью, что в семи-восьми метрах от окна, ставшего на мгновение моим (чтобы затем опять принадлежать деканату физическо-математического факультета); голос, который мог затеряться в общем веселье, – не растворился

небытием, но обрёл провидческий окрас. Немного спустя я осознал, что, «наслаждаясь» «пограничной ситуацией», был вызволен не очень-то – и меня, надеюсь, поймут – приятным мне Вампиловым. Я не поблагодарил его, и всё само собой – как и этот предновогодний вечер – рассеялось легкой дымкой. ...Саша и юная леди поженились, и преобразованные художественным текстом их отношения засвечены «Утиной охотой».

Гриша Дмитриев – посредник в выверке мировоззренческих вех А. В. Вампилова и В. Г. Распутина. Вмешательство Ф. Энгельса (1820–1895).

Работая над новой пьесой (ею оказалась его фундаментальная вещь – «Утиная охота»), А.В. Вампилов писал: *«Я начал третью трагикомедию. Мне кажется, что она будет не только моей лучшей, мне кажется, она будет хорошей пьесой...»* [3]. Может быть. Мы обращаемся к её оценке, продолжая наращивать «линию А. В. Вампилова», чтобы затем «разрядиться» присутствием диалогического настроения В.Г. Распутина. И всё-таки вспоминаю чуткого посредника в отношениях между А. В. Вампиловым и В. Г. Распутиным – Гришу Дмитриева. На историко-филологическом факультете он учился раньше будущих творцов художественного совершенства и влиял на их «мировоззренческий антураж». По окончании ИГУ был направлен в деревню. Оттуда Гришу, как яркого педагога, отправили в аспирантуру. Диссертацию не завершил и закрепился в «Советской молодёжи». Писал о культуре и литературе. Было бы интересно собрать его творения и издать сборником. Гриша слыл аскетом. Его подвижное квадратное лицо, сравнимое с обликом Фантомаса, в ходе общения неожиданно оборачивалось обвораживающим собеседника образом. Это – непередаваемо. На его правой руке отсутствовали три пальца. Он выстраивал непримиримую к недостаткам мораль, способную вовлечь тружеников в активное созидание коммунизма (который, согласно партийной программе, был не за горами, и это убеждало нас в правоте этических поисков Гриши).

В аспирантуре мы подружились с Гришей. Кажется, особенно Гриша влиял на В. Г. Распутина. Обоих объединял, выражусь так, творческий ригоризм, получивший впоследствии у Валентина

Григорьевича православный оттенок. Характер А. В. Вампилова был менее покладистым. Профессор-историк Н. Н. Щербаков, проживавший студентом вместе с А. В. Вампиловым в общежитии (на пересечении улиц 5-й Армии и Горького), отмечал, что Саша был за силовое решение противоречий: получая зуботычины, он – Саша Вампилов (а иным именем, чем Саша, мы его никогда не величали) – «награждал» тумаками разных противников. Неуравновешенный характер Зилова из «Утиной охоты» – определённое воспроизведение отдельных черт создателя этого образа. Общаясь с А. В. Вампиловым, Гриша Дмитриев уже не поучал его, но воспринимал как равного себе жизнеустроителя.

Сын репрессированного учителя, А. В. Вампилов испытывал социальное отчуждение, преодоление которого шло у него за счет приобщения к художественному творчеству. Наделив своими (а также присущими другим людям) недостатками создаваемые образы, А.В. Вампилов, поглощённый ими, проходил школу очищения. Показателен в этом отношении образ бессмертного Зилова, отмеченный «комфортом потребительства» в отношении как к себе, так и к своей жене Галине. Потребительство для Зилова – жизненное кредо. Но наступают минуты просветления, когда он осознаёт важность преодоления ненавистного самоотчуждения. И только чистая беспредельность естественной природы, убеждён Зилов, может сыграть решающую роль в его действенном перерождении. Отсюда совмещённая (т. е. и зиловская, и собственно авторская) апология утиной охоты, красной нитью скользкая по ходу драматического действия, должна убедить зрителя: выход найден, и мы – Зилов и я, т. е. драматург, создатель неприкаянного сценического персонажа, – наконец-то разделались с кризисом сознания, и обретший себя субъект обернулся подлинным творцом. Что ж, схема возрождения вполне приемлемая, но насколько она пронизана правдой жизни?

Вполне соглашаясь с тем, что природа возродит человека – за это в своё время справедливо ратовал Ж.-Ж. Руссо (1712–1778), автор (как и созданный им персонаж) настроен на утиную охоту – панацею от всех зол... Но при всём благородстве «возрожденческих чаяний», они осуществляются несправедливо, т. к. обусловлены покорением лелеющей нас природы. Менее всего мы против охоты на уток. Сказано: охота пуще неволи. Но коль скоро
речь идёт

о сакрально-духовном подъёме, осуществляющемся экстазом благоговения перед природой и высокого единения с ней, – никаких убийств, даже если они с самыми благими – «ритуальными» – намерениями: оставьте их за пределами вашего стремления «вочеловечиться по полной».

...Мы подошли к узловому пункту, выявляющему духовное кредо драматурга; и слово предоставляю Грише Дмитриеву (давно пребывающему в «райских куцах»). В аспирантские годы – повторяю – нашли мы общий язык, с полуслова понимая друг друга. Мне это было важно в том отношении, что Гриша постоянно

делился впечатлениями о В. Г. Распутине и А. В. Вампилове. Так А. В. Вампилов в Гришином изложении представал вечно куда-то устремлённым, не находящем себе покоя «на одном и том же месте»; мыслил непринуждённо, раскованно и остро. Не лез за словом в карман. Я это могу подтвердить. В декабре 1969 г. меня пригласил на банкет (всё в том же первом корпусе ИГУ) Б. А. Кислов

– по случаю успешной защиты кандидатской диссертации по философии. Мы собрались с Сашей во главе. Его – как еще недавнего однокурсника – Б. А. Кислов, конечно же, пригласил прежде всего. (Когда сегодня я пристаю к восьмидесятилетнему Б. А. с просьбой: «– Ну напиши о Сане. Ты ведь хорошо его знал», – то отвечает мой визави добродушно: «– О чём вспоминать – как он меня пить научил?» «– Но ведь было не только это», – одолеваю я настойчивостью моего друга. Борис Анатольевич, улыбнувшись, смолкает: разговор окончен.)

Войдя в банкетное помещение (это просто-напросто университетская столовая), Саша отчего-то оказался сидящим в кресле; мы все – на стульях. Беседуем, выпиваем, поздравляем «именинника» – Б. А. Кислова. Один наш знакомый, ставший недавно кандидатом философских наук, наделяет присутствующих анекдотами про Василия Ивановича – с весёлым, слегка гогочущим смехом. Саше это надоело. « – Ты, гнилозубый, – обратился он к «испеченному» кандидату, – умолкни, пока не поздно, со своей глоткой». И действительно, воцарилось приятное молчание.

Саша встал, вышел в коридор (мы, человек десять, – за ним), поднялся на второй этаж; посетил амфитеатром обустроенную аудиторию № 64 (сейчас это

аудитория 223; в прежние времена, когда учился А. В. Вампилов, она была закреплена за филологическим отделением). Примостившись у расстроенного пианино, Саша сыграл мелодию к «Прощанию в июне». Затем взобрался к последнему ряду, сел у окна с видом на Ангару. Вдохновлённый своим состоянием Саша громко

и как-то торжественно произнёс: « – Вот на этом месте я просидел пять лет. Лекции не слушал: спал. Девчонки меня прикрывали. – И завершил филиппику довольно странным «жестом»: – Университет мне ничего не дал». – Кажется, я правильно оценил услышанное (пусть и с опозданием в несколько лет): ИГУ оставил А. В. Вампилова при своих интересах; зато драматург А.В. Вампилов одарил университет вселенской славой. Всё правильно: Вампилов оказался пророком в своём Отечестве, и ему оставалось жить менее трёх лет. Я еще – да простят меня читатели – отступлю два шага назад, чтобы потом сделать «шаг вперёд» (В. И. Ленин, 1870-1924).

...Рассматриваемым выше временем смотрел я в драмтеатре «Прощание в июне». Сидя где-то в десятых рядах, я наблюдал, как перед началом постановки несколько раз на сцене появлялся явно взволнованный Саша, что-то пытался артистам объяснить, потом исчезал. ...Я мимоходом оцениваю драматургию одного из лучших представителей этого цеха. Кстати, постановка «Прощания в июне» прошла триумфально. И всё же... Не спуская с прицела «Утиную охоту», повторюсь: фокус главной пьесы А.В. Вампилова – Зилов. Но что такое «трагикомедия», как свою пьесу охарактеризовал автор? В Толковом словаре сказано, что трагикомедия – «печальное и одновременно смешное происшествие» [4]. В данном случае оно – предмет художественного изображения. Зилов предстаёт в двух указанных ипостасях. Театральный термин «трагикомедия» выступает у А. В. Вампилова художественным методом, раскрывающим внутренний мир названного персонажа. Используя выражение

М. Ю. Лермонтова (1814–1841), А.В. Вампилов создал своеобразный портрет героя нашего времени (это отмечает и В. Г. Распутин). И как у М. Ю. Лермонтова Печорин – вроде герой наизнанку, так и вампиловский Зилов – отдалённый «потомок» «лишнего человека». М. Ю. Лермонтов, идя вслед за А.С. Пушкиным (1799–

1837),

не знает, что ему делать со своим персонажем.

Этого не скажешь об А.В. Вампилове. Автор имеет намерение открыть перспективу Зилову. Идеал, долженствующий возродить Зилова, – содержится в поступке, именуемом «утиная охота». Выше было сказано, что это не выход – ни художественный, ни собственно жизненный. Повторюсь, что нельзя морально возрождаться актом убийства. Между тем Зилов (и теперь уже вослед ему автор) видит в этом спасение. Напрасный труд! Раскрывая эту тупиковую ситуацию в мировоззрении А. В. Вампилова, укажем на то, что драматург был явно охвачен распространённой в 50-е гг. минувшего столетия так называемой оттепелью. Характеризуя оттепель в качестве «так называемой», мы указываем на сползание общества, включая его молодёжную сферу, в бездну наконец-то (полу)легализованного потребительства. Это неудачное массовое движение (его примером служили «стиляги») прикрывалось борьбой с культом личности и стремлением разорвать «железный занавес». Поскольку многие родители представителей поколения оттепели были «охвачены» ГУЛАГом, молодёжь извлекала из этого пользу по расширению «корзины потребительства». Ошибка громадного таланта А. В. Вампилова – в том, что он, отталкиваясь от факта расстрела властями отца, как-то по инерции «отчалил» в сторону конформизма, обставив – повторимся – его своим первоклассным талантом (говоря «властями» мы не имеем в виду Советскую власть как совокупность законов новой общественной формации. Что это так, спрячемся за двестише начала XIX века: «Законы святы, // да исполнители лихие супостаты».).

...А.В. Вампилов как художник-мыслитель высокого полёта – и об этом свидетельствует «Утиная охота» – фокусом художественного исследования избрал раскрытие социально выраженной изменчивости. Она, как известно, представлена сильным

полом. В данном случае это опять-таки Зилов. Его жена Галина, воплощающая социально воспроизводимую устойчивость, выявлена

в тупиковой несостыковке с феноменом Зилова. На деле это подтверждает правоту мысли Ф. Энгельса о том, что на заре цивилизации осуществилось ниспровержение материнского права,

выразившееся «всемирно-историческим поражением женского пола. Муж, – подчёркивает Учитель, – захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почетного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [5]. ...Не требуем от А.В. Вампилова неперемного знания этой цитаты. Вместе с тем от художника вампиловского уровня мы вправе ожидать внепотребительского осмысления межличностных стилей поведения.

Дело в том, что, как это известно, планида А. В. Вампилова отличалась приобщенностью к труду (напомним: труд – физически выраженная целеположенная деятельность. Ею овладевают только люди. Животные реализуют многочисленные предтрудовые варианты выживания). Будучи почти деревенским пареньком, А. В. Вампилов – напомним мы – лишь со второго раза поступил в университет. Непримиримо относясь к несправедливости, имел постоянные неприятности. Женился на «осиной талии», но семейная жизнь не сложилась. Второй раз обрёл семью, и вроде бы всё ладно – так вот незадача: пришлось досрочно покинуть сей мир.

А. В. Вампилов и КПСС.

...И я прошу Гришу Дмитриева (которого постоянно чувствую рядом) передать высказывание секретаря по идеологии Иркутского ОК КПСС Е. Н. Антипина на встрече с творческой интеллигенцией города Иркутска. Гриша присутствовал там от редакции «Советской молодёжи»; Сашу пригласили от местного Союза писателей. Е. Н. Антипин, обладая артистическими данными, произносил речи с пафосом, по-особому звучащим в той или иной конкретно взятой аудитории. Подбирал нужные слова, уместно вставляя их в пафосно-идеологические «игры». Рассматривая духовные достижения областного масштаба, секретарь обратил внимание присутствующих на вышедшую недавно в местном альманахе пьесу А. В. Вампилова «Утиная охота». Совмещая объективность в изложении темы с личной пристрастностью (это недурно сочеталось в устах ревнителя коммунистических ценностей), он, по словам Гриши, произнёс: «Пьеса “Утиная охота” – это роскошный художественно вытканый ковёр. Роскошный. Но в нём есть нити, –

подчеркнул с нажимом (от которого Саше мало не показалось) Евстафий Никитич, – такие нити...»

– Бедный Саша, – сочувственно произнёс Гриша, – сидел, потупив голову, собравшись в комок. Отмечу, на мой взгляд, важное обстоятельство. То, как Гриша охарактеризовал поведение Саши на встрече с Е. Н. Антипиным, свидетельствует о том, что А. В. Вампилов на официальном уровне воочию воспринимал себя «репрессивно ущемлённым». При всём желании он до конца указанное состояние не в силах был преодолеть. Однако меняющееся время настойчиво диктовало А. В. Вампилову – во что бы то ни стало оставаться самим собой. Это означало, что внутренний мир А. В. Вампилова, содержа в себе тупиковость как выражение негативной диалектики, упорно работал над тем, как преодолеть ее диалектикой позитивной. Последняя совершенствовалась фактом биэтничности А. В. Вампилова. Ну а как отнестись к партийной оценке Е.Н. Антипина? Считаю её превосходной. В ней дана перспектива соцреализма, рассматривающего внутренний мир писателя в его соотнесённости с духовностью эпохи через уникальную метафору – «роскошный художественно вытканый ковёр», – направляющую неповторимое творчество «иркутского самородка» к «новым берегам» (Р. Гароди, 1913–2012). Думаю, для А. В. Вампилова общение с идеологом ОК КПСС не прошло даром.

Духовная метисация А. В. Вампилова – своеобразный методологический прорыв в глубины внутреннего мира человека и его народа.

Будучи природным метисом, свою духовную метисацию А. В. Вампилов осуществлял в русскоязычном раскладе. Это способствовало тому, что духовная метисация А. В. Вампилова, обогащаясь в духовной сфере амбивалентной соотнесённостью двух этнических начал, вела его к всё более расширяющейся народности. Одна из пьес А. В. Вампилова – «Прошлым летом в Чулимске» – оригинальна введением в число действующих лиц эвенка – старика Ильи Еремеева. У него умерла старушка-жена, навсегда уехала дочь. Человек сорок лет проработал в геологических партиях, но справок на пенсию не накопил, и теперь ему в ней отказали. Драматург, тонко оперируя

эвенкским произношением русских слов, вскрывает вызывающую удивление человечность Ильи Еремеева. Его поведение, пронизанное мудростью, ставит представителя малой народности выше окружающих «городских собратьев». Ничего не добившись, он прямо-таки умильно рассуждает, покидая Чулимск: «Тайга меня ждёт. Ягода ждёт, шишка ждёт. Белка – тоже ждёт... Зимой, однако, приду» [6].

Следя по пьесе за поведением старого эвенка, вы постоянно видите за этим образом его создателя. Вас не смущает, что духовная метисация А. В. Вампилова обеспечена бурятским этносом, а вовсе не эвенкским. А. В. Вампилов сумел проникнуться феноменом метисации как таковой благодаря – повторимся – ведущей роли в её духовном претворении русскоязычного компонента. Помню летними месяцами в Южной Якутии я работал маршрутным рабочим в геологических партиях. Нас постоянно сопровождали эвенки. Они перевозили грузы оленьими упряжками. Читая пьесу А.В. Вампилова, я будто снова пообщался с этими – теперь уже далёкими – знакомыми. Я обрёл радость встречи со своим детством. Такова народность уникального драматурга-евразийца. Н. К. Рерих (1874–1947) бы ему позавидовал.

...Если на творчество А.В. Вампилова смотреть с обычной жизненной точки зрения, его драматургия преисполнена самого живого интереса. Вас, несомненно, влечет к тому, чтобы перечитать отдельные страницы яркого наследия. Сознание незаметно подводит к тому, что вы, сопоставляя текст А. В. Вампилова с известными жизненными реалиями, тянетесь к цельновыраженным установкам и неизбежно подключаете к наследию классика обобщённый подход. И здесь в творчестве А. В. Вампилова не всё импонирует. Но это также говорит о том, что «философская обеспеченность» наследия драматурга должна пополняться каждым новым витком временной спирали. Значит, раскрытие наследия А.В.

Вампилова с однозначных позиций явно невозможно и ему – стало быть, наследию – обеспечена серьёзная взрослеющая жизнь. Точнее: взрослеющая оценка мужающего наследия драматурга.

В. Г. Распутин: предварительные суждения.

Расставшись с частью темы, посвященной личности А. В. Вампилова, перейдём к рассказу о роли В. Г. Распутина в

эстетическом спектре нынешнего российского менталитета. Нас также интересует творческая переключка славных современников. Известно, что В. Г. Распутин и А. В. Вампилов одновременно поступали в ИГУ, однако с первой попытки это удалось В. Г. Распутину, со второй – А. В. Вампилову. Студент В. Г. Распутин оставался тихим, незаметным. Наставники молодых людей, такие как доцент Н. С. Тендитник, профессор В. П. Трушкин, впоследствии не без горечи отмечали, что названные молодые люди прошли по университету без особых знаковых достижений. Выше – применительно к А. В. Вампилову – это было показано. А вот о студенте В. Г. Распутине доцент кафедры диалектического и исторического материализма Владилен Дашинимаевич Намсараев вспоминал: «Я был молодым ассистентом и вёл семинарские занятия в группе, где учился Распутин. Спрашиваешь его по тому или иному вопросу – Валя встанет, упрётся взглядом в пол и – ни гу-гу. Всё больше молчал».

Зато потом Н. С. Тендитник, В. П. Трушкин и ряд других специалистов по литературе всячески содействовали расцвету талантов своих прежде не воспринятых питомцев, пропагандировали их творчество, и те отвечали им, можно сказать, сыновней благодарностью. Что ж, лучше позже, чем никогда. Думаю. Надежда Степановна была влюблена в застенчивого и одновременно волевого В. Г. Распутину. Одно время я часто бывал в гостях у Н. С. Тендитник, которая вела у нас курсы русской литературы. Она пила чай, держалась настороженно по отношению к официальным структурам. Настольной темой тогдашних её рассуждений была окопная правда – то, как она запечатлевалась в художественной литературе. Надежда Степановна вспоминала суровые послевоенные годы, когда пришедшие с войны калеки костылями разрешали встающие перед ними проблемы. А ведь они пережили «окопную правду», и незачем их – по мнению Н. С. Тендитник – обставлять лубочными картинками. И вот при мне Н. С. Тендитник – действующий доцент (до пенсии ей еще далеко) – звонит В. Г. Распутину и говорит, что готова безвозмездно работать у него литературным секретарём. Позволить такое себе Валя не мог. Он писал очень остро заточенным карандашом, и разобрать его писанину было сложным занятием. Сам-то с этим справлялся. На то он и автор.

Издавелека смотрел я на В. Г. Распутина, а потом и ближе. ...Я увидел его впервые тем же вечером, когда стоял на краю бездны. Отведённый от неминуемой гибели внешними усилиями, решил я пройтись по корпусу. Зашел в 70-ю аудиторию – самую большую в здании. Там стояла ёлка до потолка, и множество молодых людей радовались под новогоднюю музыку. Я пригласил на танец Свету Молчанову с математического отделения. До этого с её братом Максимом учился в 11-й школе. Время от времени Максим приглашал меня к себе. Там я впервые услышал полное исполнение знаменитого концерта П. И. Чайковского (1840–1893) для фортепьяно с оркестром. Удалось мне пообщаться и с Иваном Ивановичем Молчановым-Сибирским (1903–1958), протянувшим мне для чтения избранного Д. Г. Байрона (1788–1821) ...Когда мы медленно выбирались из объятий танцующей массы, Света указала на высокого юношу, стоявшего в простенке между окнами. Валентин. Потом она танцевала с ним еще и еще раз. Меня это успокоило. К рассвету я вернулся домой и долго отсыпался.

Когда Валентин Григорьевич и Светлана Ивановна поженились, слышал я от Виктории Станиславовны Молчановой – жены Ивана Ивановича – высокую оценку рассказа В. Г. Распутина «Василий и Василиса». Виктория Станиславовна приходилась тещей Валентину Григорьевичу, а с тещами уживаться трудно. Однако от пожилой женщины мною были услышаны восторженные слова по адресу начинающего литератора. ...Шли годы.

Я осваивал необъёмного по количеству им созданного, зато стилистически обаятельного В. Г. Распутина. Сердечная привлекательность письма молодого автора открыла мне двери для осознания его философского подхода к сущности человека.

Его проза казалась мне выражением чего-то неизведанного, но чего? По выходе повести «Живи и помни» я серьезнее приобщился к тому, что создавал теперь всесоюзно прославленный стилист. В упомянутом тексте речь шла о приангарской колхознице Настёне, её трудовых буднях Великой Отечественной войны и неожиданной тайной встрече с мужем-дезертиром Андреем Гуськовым – носителем пагубой нежити. Авторская задумка могла заключаться в том, чтобы возвести Настёну на своеобразную голгофу (голгофа – место тяжких мучений), по жизненному промеру тождественную

пограничной ситуации. Но если человек выставлен на голгофу, значит он святой, независимо от того, религиозной святостью он отмечен или нет (заметим, что разбойник Варрава рядом со Христом на голгофе, он что – тоже не далёк от святости, коли толпа требует снятия его со креста?). И в то же время, соотнося с голгофой пограничную ситуацию, мы придаём пока еще земной жизни распинаемого, т. е. Иисуса Христа, ни с чем не сравнимую исключительную значимость, недостижимо возвышаем его над обыденностью. И если я хотя бы на ощупь – т. е. весьма приблизительно – раскручиваю тайные замыслы писателя, может показаться следующее: Настёна как символ жизненной святости несёт в себе – пребыванием в пограничной ситуации – подлинную ипостась богочеловечности. Дав художественно выразимую картину случившегося, автор неожиданно (хотя эмпирически это кажется само собой разумеющимся) свёртывает повесть. Вот они – завершающие строки «Откровения от Валентина»: «После похорон собрались бабы у Надьки на немудрёные поминки и всплакнули: жалко было Настёну».

Взгляд В. Г. Распутина на художественно воспроизводимый текст.

Попытаемся порассуждать. Согласимся с тем, что люди по-разному смотрят на мир. В интересующем нас плане, к примеру, Лев Николаевич Толстой (1828–1910), создавая образ Наташи Ростовской, видит её – и это вполне естественно – глазами мужчины; то же можно сказать об А. С. Пушкине, рисуя образ Татьяны Лариной... Но если взглянуть на женские образы, созданные В. Г. Распутиным...

Осенью 1974 г. я оказался в гуманитарном корпусе Московского государственного университета (МГУ), где В. Г. Распутин после только что вышедшей повести «Живи и помни» общался с читателями. Аудитория была университетская, т. е. достаточно подготовленная. Удивительно было то, что журнальный вариант книги только что издан, а о нем уже известно широкому читателю. Но ведь это было в советское время и – в самой читающей стране. Выступали многие, и я запомнил слова одной из читательниц: «Дорогой Валентин Григорьевич, – обратилась она к классику, – спасибо Вам за то, что Вы одарили нас образом современной русской женщины». Для меня эти слова непреложны.

Они наглядны в том, что В. Г. Распутин – писатель, созидая женские образы, женским же взглядом освещает (а также *освящает*) их. Особенно этот взгляд примечателен при создании образов женщин старшего поколения (они именуются «распутинскими старухами»).

А в июле того же года мне посчастливилось познакомиться с самим Валентином Григорьевичем. Я стоял у входа в издательство ИГУ, что почти рядом с милой «фундочкой» (прежний Белый Дом на берегу Ангары), носящей ныне имя В. Г. Распутина. Мимо проходил Валентин Григорьевич. Он с семьёй жил тогда на третьем этаже здания, примыкающего к гостинице «Интурист» (ныне отель «Иркутск»). Минуя меня, Валя плавно и дружески повернулся ко мне и протянул руку. Ради знакомства мы пожали друг другу руки. Мгновение пожатия руки *такого* человека ошеломило меня. Валя продолжил шествие вдоль набережной имени Гагарина, но теперь уже со мной. Я запомнил, что Валя был в тапочках на босу ногу, в джинсах и в рубашке с короткими рукавами. Совсем по-домашнему. Минут через 15 мы дошли до психбольницы, откуда в садик для общения с нами явился... Гриша Дмитриев. Гриша был удивлён и обрадован. У него наблюдалось нервное расстройство, и вот Валя решил его навестить. А тут и я пришёлся кстати. С полчаса побеседовав с Гришей, расстались с ним. Гриша был явно окрылён общением с Валей. Он, как всегда, говорил о смысле жизни, а мы слушали и не перебивали.

Я заметил, как чутко отнёсся Валя к Гришиным, обычно оригинальным, суждениям. Гриша же тесно связывал нравственную тематику с экологическими запросами. Я подумал – уже позже – о том, не является ли широкая природозащитная деятельность В.Г. Распутина результатом обсуждения экотематики с Гришей Дмитриевым? Через несколько лет одиноко живущего Гриши не стало... Валя обладал удивительной вживаемостью в изображаемый материал. Так в «Прощании с Матёрой» местные «архаровцы» (заимствую это слово из повести В.Г. Распутина «Пожар») раздувают мощное пламя, чтобы сжечь на затопляемой территории взмывшее в небо одинокое дерево. Рисующий эту сцену писатель воспринимается вселившимся в

широкую древесную крону: он вместе с деревом – против истребителей природы.

Плодотворная попытка В. Г. Распутина увидеть мир глазами этого мира.

Антропоморфизм В. Г. Распутина – ценное подспорье для современной гносеологии. Смотря на мир, как он это умеет, Валентин Григорьевич добивается эффекта видения мира глазами этого мира. Насыщенное теоретико-познавательными взлётами искусство В. Г. Распутина растворяет их (т. е. познавательные реалии)

в чувственно-изобразительном массиве. Это соответствует установке создателя интеллектуального романа Ф. М. Достоевского, согласно которой в художественном изображении «мысль должна превратиться в страстное чувство».

...Совершенство познавательной позиции В.Г. Распутина связано с его обострённой приобщенностью к «женской статуарности». Отмечаемая приобщённость совершенствует современную теорию познания благодаря приурочиванию к ней женской мудрости; и тогда познание оборачивается постижением – непосредственным, духовно насыщенным – раскрытием бытия. Действительно, гносеология всегда определялась «рационально заданной» мужской духовностью. Женская мудрость не присутствовала в становлении научной картины мира. Это ненормальное положение, связанное с уже отмеченным великим поражением женского пола, ныне серьёзно корректируется. В. Г. Распутин, по-своему синтезирующий духовность социально выраженной устойчивости и социально воспроизводимой изменчивости, своим искусством внёс вклад в наше постиженческое амплуа.

Выше мы привели мнение преподавателя марксистско-ленинской философии о «творческом молчании» студента В.Г. Распутина. Не думаю, что молодой человек не понимал азов обществоведения. Наверняка аллергия на них складывалась под влиянием многократно повторяемого, а также вполне заидеологизированного преподнесения взглядов теоретиков научного мировоззрения. Помню, в школе изучали «скучнейшего» «Евгения Онегина». С нетерпением ожидая окончания урока, я размышлял о том, как

минувшим летом осваивал рекомендуемую «Пионерской правдой» литературу. Сейчас, «прокручивая» детство, с интересом цитирую когда-то насильно зазубренные строфы романа А. С. Пушкина, перемежая их памятными мгновениями «невозврата». Что касается В. Г. Распутина, размышляю над его рассказом о том, как он в букинистическом магазине на Литейном проспекте (Ленинград) приобретал собрание сочинений К. Н. Леонтьева (1831–1891). Оно было обещано другому покупателю (вовремя, однако, не пришедшему за книгами), и В. Г. Распутин сумел убедить продавца, чтобы 12 дореволюционных томов попали в руки читателя из Иркутска.

Духовные мотивы, общие для обоих классиков.

Творчество В. Г. Распутина предполагает разглядеть его ценностную насыщенность, где главное – куда оно направлено? Будучи крупным мыслителем, В. Г. Распутин прекрасно осознаёт, что движение – единственный способ существования реальной действительности, содержащее две противоположно направленных стороны – устойчивость и изменчивость. Также ясно, что социально воспроизводимая устойчивость определяется женским началом, запечатлеваемым семейными узами. Благодаря им, носителем устойчивости являются настраиваемые женщинами традиции. Философский подтекст творчества В. Г. Распутина может быть сведён к обоснованию паритета в отношениях между социально обуславливаемыми устойчивостью и изменчивостью. При этом нужно отметить, что женское начало для В. Г. Распутина служит высшим проявлением повседневной нравственности.

Биологическая составляющая не имеет здесь самодовлеющего значения. Сказанное свидетельствует о том, что Настёна в «Живи и помни» приобщилась к высшей жизни за счет преодоления полового соответствия, придерживаясь которого она с неизбежностью оказывалась связанной с нёжностью. Отсюда можно сделать вывод о том, что чистота женщины обусловлена её аскетизмом. Трагедия Настёны вытекает как результат её неадекватной телесной самореализации. Мы вовсе не думаем, что В. Г. Распутин стоит за жесткие запреты. Но очевидно его неприятие половой распущенности. И в этом он солидарен со старухой Гуськовой, которая, впрочем, по неведению считает

Настёну порочной. ...Писатель утверждает торжество «вечной женственности», обретающее себя в половом самоограничении. Согласно этой позиции, возможный паритет женского и мужского срезов самореализации достигим за счет, выразимся так, «половой уравновешенности». Мужская биоактивность в образовательном пространстве должна ориентироваться на женское целомудрие.

Но что в данном случае означает образование? Под образованием – в рассматриваемом дискурсе – имеем в виду такой характер отношений между мужчинами и женщинами, когда воспитание мужчин осуществляется благодаря любви. Заслуга женщин перед человечеством выражена в том, что любовь как «воспитательный атрибут» складывается в условиях социально воспроизводимой устойчивости, настаивая на том, что подлинное выражение цельного человека неизбежно бывает обусловленным женским «образовательным подспорьем». Выступая против «половой необустроенности», писатель видит её несостоятельность в том, что она связана с несовершенством общежития. И гендерность как показатель отмечаемого несовершенства должна служить восстановлению подлинной человечности в отношениях между социально выраженными устойчивостью и изменчивостью.

...Мы попытались увидеть основное в творчестве обоих писателей. Ничего нового – скажем ещё раз – они не открывают, воспроизводя неповторимо совершенным искусством вечные человеческие ценности – жизнь, любовь, борьбу, смерть, возрождение на новой основе того, что с уходом из жизни отдельных поколений с неизбежностью утрачивается и благодаря памяти усиленно репродуцируется. Прочитируем В. Г. Распутина. Он делится впечатлениями от общения с А. В. Вампиловым, и то, что говорит об искусстве А. В. Вампилова, можно отнести и к нему. *«Казалось бы, – сообщает он, – и в рассказах, и в пьесах (и даже в газетных очерках, когда Вампилов работал в газете) старые, знакомые истины. Он не пытался выдумывать новые, их нет, он ставил лишь их в нынешние условия, и они, – завершает свою мысль В.Г. Распутин, – начинали звучать по-новому»* [7]. Отгалкиваясь от высказанной здесь В. Г. Распутиным установки (её, надо полагать,

конструктивно оценивал и А. В. Вампилов), нам важно проследить, как происходит художественно-философское воспроизведение социальных связей и последовательность его «прогона».

Специфика диалога за каждым из уважаемых собеседников – сохраняется.

Рассматривая творчество А. В. Вампилова, мы могли увидеть, что автор поэтизирует социально схваченную изменчивость, «проговариваемую» сильным полом. Вершинное создание автора – «Утиная охота» – демонстрирует сие образом Зилова. В этой же трагикомедии социально выраженная устойчивость, носителем которой является жена Зилова, Галина, вынесена за рамки «подлинной человечности». ...Мировоззренческий приоритет А.В. Вампилова, воспроизведённый в художественно воссозданной им картине социальной реальности, связан – пусть и с критически выраженной – абсолютизацией роли социально воспроизводимой изменчивости. Основанием для этого послужил жизненный выбор драматурга, связанный с неадекватно использованными достижениями оттепели (50-е гг. XX в.); и мировоззренческие «несостыковки» А.В. Вампилова влекут его – повторим еще раз – в «тупиковый омут».

Уйдя из жизни молодым человеком, А. В. Вампилов, проживи он дольше, способен был меняться контекстом соответствующей социальной амплитуды. В. Г. Распутин, в отличие от своего литературного собрата, длительное время пребывал сочетанием уютного зазеркалья с ухабистым земным бездорожьём. Его отец, отвоёвав с врагом, был заперт в ГУЛАГ, но, к счастью, пережил заключение и вернулся домой. Наблюдая, что творилось вокруг, В. Г. Распутин сконструировал – и это убедительно звучит в «Уроках французского» – избирательный подход как средство достижения индивидуализированного блага *не за счет* окружающих. Вместе с тем В. Г. Распутин всегда стоял за справедливость.

Профессор-историк Герман Иванович Медведев, учившийся одновременно с В. Г. Распутиным, вспоминал студенческие годы: «Взрослые люди обидели девушку. Валя открыто встал на её защиту и был побит». В 1980 г. В. Г. Распутина жестоко прижали бандиты – сохранится ли? Выжил! Но никуда не обратился,

закрывшись дома. Жена Светлана в это время была в отъезде – в институте повышения квалификации. ...Ярким документом глубинных страданий В.Г. Распутина служит книга «Боль души» (2007). В целом В.Г. Распутин, обойдя стороной диссидентство, верой

и правдой служил обществу, социалистической государственности и на официальном уровне был всевозможно обласкан.

Для нас, своих ровесников, он оставался просто Вале́й. Доцент факультета филологии и журналистики Игорь Константинович Петров сообщает: «Когда после длительной разлуки мы встретились и я, почувствовав неудобство от “ты”, сказал: “Здравствуйте, Валентин Григорьевич”, – он живо возразил: “Пусть будет всё, как прежде”». (Благородный И. К. Петров, сокурсник А.В. Вампилова, написал правдиво-прочувствованные воспоминания о своём друге.) О В.Г. Распутине нужно писать правду: ведь он сын правды. Мы попытаемся разглядеть её в высотах личностной самоидентификации Героя Социалистического Труда СССР.

...Согласно названию настоящего текста, надлежит показать диалоговое соотношение двух друзей. И автор предлагаемого материала был занят тем, что расчищал собеседникам полифонически озвученное пространство. Местоположением его предстали запечатлённые Н. К. Рерихом Гималаи. Где-то там – в заоблачных высях – общаются освобождённые от пережитого ими повседневно два небожителя – А. В. Вампилов и В. Г. Распутин. Как вспоминал хорошо его знавший заведующий кафедрой журналистики филфака ИГУ доцент Павел Викторович Забелин, он – А.В. Вампилов – ночами гулял с В. Г. Распутиным: «Им было о чем поговорить: они работали в одном направлении, создавали новую (отнюдь не так называемую молодёжную, модную для того времени) большую – соцреалистическую – литературу». Да, были претворены содержательные диалоги, и важный отголосок их – как выше было показано – сохранил для нас В. Г. Распутин. Но задолго до этого (7 октября 1971 г.) о В. Г. Распутине завлиту ленинградского БДТ Д. М. Шварц А. В. Вампилов заявлял: «...запомните это имя: Валентин Распутин. Хорошенько запомните» [8].

...В уже цитированной статье «Истины Александра Вампилова» В. Г. Распутин раскрывает своё отношение к Зилову:

«Зилов – это не просто герой, <...> это тип, явление далеко неординарное и безопасное, и с «зиловщиной», пустившей глубокие социальные корни, нам впереди еще бороться и бороться, страдать от неё и страдать – и, быть может, самая большая заслуга Вампилова в том и состоит, что он один из первых её распознал и показал настолько ярко, с такой художественной силой, что мы только-только сейчас стыдливо решаемся смотреть это на сцене» [9]. Усиливая эффект присутствия собеседников, мы, как бы повторяя вышесказанное, на деле – по спирали – оттеняем их клиповую к нам сопричастность.

Незавершённость диалогов А. В. Вампилова и В. Г. Распутина – прорыв в будущее.

...Проводимые классиками беседы обособляли их. В разговорах отсутствовало одномыслие. Кажется, это плохо. И вместе с тем это важное обстоятельство, диктующее разномыслие в отношениях между А. В. Вампиловым и В. Г. Распутиным, содействовало выработке друзьями идейного единства, в котором сегодня весьма нуждается общество. Мы вряд ли ошибёмся, сочтя диалоги А. В. Вампилова и В. Г. Распутина сократическими. В то же время они библейски поучительны. Являясь таковыми, они преисполнены полифонизма: они симфоничны. Это как бы синтез Пятой и Шестой симфоний П. И. Чайковского. Пятую симфонию выводит А.В. Вампилов, хотя, приобщаясь к своей судьбе, ему бы лучше овладеть Шестой.

...В заключение – бегло «пролистывая» диалогизм «ночных собеседников» контекстом выше выстроенного материала, мы видим, что по вопросу о Зилове у В. Г. Распутина была своя, довольно пессимистическая позиция. Он считал «зиловщину» трудноискоренимым социальным злом. А. В. Вампилов, наоборот, рассчитывал на возрождение Зилова под влиянием «утиной охоты». Наконец, если посмотреть на Зилова с современных – обобщающих – позиций, он предстаёт воплощением иллюзорно воспроизводимого торжества социально завербованной изменчивости. В.Г. Распутин, как о том свидетельствует «философски насыщенный трактат» «Живи и помни», воссоздает житейски значимый статус социально востребованной устойчивости. Но этому статусу, по мысли

писателя, чрезвычайно трудно затвердиться из-за незримого присутствия нежити – всеохватного зла.

...Разнонаправленность диалогизма, который при жизни вели А.В. Вампилов и В.Г. Распутин (заметим, что эту разнонаправленность в предлагаемой здесь форме они могли не замечать и что её открываем современным жизненным контекстом мы – духовные наследники XX века), сегодня фокусируется тем, что затверждает жизнь на Земле «образом» социальной формы движения материи. Но есть ли будущее у неё – вот чем преисполнялись «сократические бдения» рассматриваемых настоящим текстом «русских мальчиков» (Ф. М. Достоевский), пророчески обнаруживаемых мыслителями предреволюционного XIX столетия.

Литература

Коноплёв Н. С. Историческая выводимость восточносибирской – метисированной – духовности: К постановке вопроса / Н.С. Коноплёв // Россия и Восток: взгляд из Сибири: мат-лы и тез. докл. к XI междунар. научн.-практ. конф. – Иркутск, 13-16 мая 1998 г.: в 2 т. / под ред. В. И. Дятлова и В. П. Олтаржевского. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – Т. I. – С. 36-40.

Молчанов Ю. Б. Четыре концепции времени в философии и физике / Ю. Б. Молчанов. – М.: Наука, 1977. – 192 с.

Вампилов А. В. Избранное / А. В. Вампилов. – М.: Согласие, 1999. – С. 698.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – С. 1337.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Т. 21 // Соч. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 60.

Вампилов А.В. Избранное. – М.: Согласие, 1999. – С. 386.

Распутин В. Г. Истины Александра Вампилова / В. Г. Распутин // Что в слове, что за словом?: Очерки, интервью, рецензии. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. – С. 304.

Вампилов А.В. Избранное. – М.: Согласие, 1999. – С. 770.

Распутин В. Г. Истины Александра Вампилова... С. 302.

В.И. ЛЕНИН КАК ТЕОРЕТИК И УСТРОИТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

К 150-летию юбилею Вождя

Аннотация. Рассмотрена философская картина мира – как она, возможно, могла быть выстроена В.И. Лениным. Особое место в ней уделено всемирно-исторической роли Великого Октября, утвердившего труд в качестве организующей силы общества. Возглавляемое Вождём советское правительство уравнило права женщин и мужчин, благодаря чему произошло укрепление социальной формы движения материи.

Ключевые слова: В.И. Ленин, Россия, Советская власть, ГОЭЛРО, А.М. Горький, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс, философская картина мира, социальная форма движения материи.

N.S. Konoplyov

LENIN AS A THEORETIC AND ORGANIZER OF SOCIAL FORM MOTION OF MATTER

To the 150th anniversary of the Leader

Annotation. The philosophical picture of the world is considered - how it could have been built by V.I. Lenin. A special place in it is given to the world-historical role of the Great October Revolution, <which established labor as the organizing force of society. The Soviet government headed by the Leader equalized the rights of women and men, thanks to which the social form of the movement of matter was strengthened.

Key words: V.I. Lenin, Russia, Soviet power, GOELRO, A.M. Gorky, G.V. F. Hegel, K. Marx, F. Engels, philosophical picture of the world, social form of motion of matter.

В.И. Ленин как марксист и не только... Когда-то было произнесено: «Портретов Ленина не видно: // Похожих не было и нет. // Века уж дорисуют, видно, // Недорисованный портрет» [- С. 160]. Прошло много лет, и лишь сейчас приобщаемся к тому,

чтобы цельно представить облик великого человека. Сказано также: «Большое видится на расстоянии» [-. С.174]. Действительно, мы по-настоящему – а это 2020-й год -- сумели оценить Великий Октябрь (1917) со случившейся – пусть и временной – утратой его достижений. Пространство и время всегда отделяют человека от чего-то близкого. Для тех, кто знает и ценит В.И. Ленина (1870-1924), -- он с каждым идёт по жизни, и эту близость бессильны разлучить непредвиденные завалы. И -- очевидно: социалистическая революция немыслима без В.И. Ленина. Более того, она развернулась ленинским вариантом. Нас поймут, если услышат, что XX столетие оказалось бы иным без участия в нём Вождя. Так, ортодоксальные марксисты во главе с Г.В. Плехановым (1856-1918) были убеждены, что Россия не доросла до народной революции. Однако В.И. Ленин думал иначе. К действию объективных законов он привлёк стимулирующий их чисто человеческий (в данном случае партийно сорганизованный) – субъективный -- настрой. ...Проследите отдельно взятые общественные отношения: они преисполнены неуловимыми нюансами. Владея объективно заданной конкретной ситуацией, мы – между тем -- часто оказываемся отброшенными ею на «социальные задворки». Действительно, как вполне объективированная структура она – эта ситуация -- не терпит личностного вмешательства. К примеру, обе мировые войны разразились по объективным причинам, обусловленным неравномерным развитием капиталистического эпицентра. Если над Британской колониальной империей долгие годы не закатно сияло солнце, то взорвавшей XX век техническим прогрессом Германии достались далёкие отблески его – упомянутого века - сияния, образно говоря – дырки от бублика. И мы видим: законы общественного развития вынужденно – пример тому война - уступают место «человеческому беззаконию». Его для В.И. Ленина нет: оно заменено полнотой «человеческого фактора», своевольно корректирующего законы общества. Это придаёт им так называемый закономерностный характер, связанный с преодолением сциентистского понимания факта науки как «среднестатистического резюме» (А.И. Ракитов, 1928-2019). Таковому факту в социо-гуманитарном познании отказано ввиду того, что он (т. е. гуманитарный факт) опирается не на массовую, но на уникальную ситуацию. Соответствуя созданной

К. Марксом (1818-1883) и Ф. Энгельсом (1820-1895) философии исторического материализма, В.И. Ленин сумел связать действия законов общественного развития с поведением народных масс, которые своими устремлениями усиливают их (т. е. данных законов) классово состоявшимся и одновременно общечеловеческим раскладом. Несомненной новизной здесь стало то, что В.И. Ленин показал открытость отмечаемых законов. Вобрав в снятом виде законы нижних – естественноприродных -- уровней, общество своим законосообразным проявлением открыто для той новизны, которая соответствует перспективам человеческого совершенствования. Своей преобразующей деятельностью народные массы – повторяем -- придают рассматриваемым законам как законосообразным феноменам общечеловеческое звучание благодаря усилению их субъектно претворяемой выразимости. ...Производственные отношения – продолжим тему -- относительно самостоятельны и могут не заикливаться на сложившемся уровне производительных сил. Так, ведомая В.И. Лениным пролетарская революция в России могла бы не произойти из-за превалирования крестьянского сословия над другими группами народонаселения. Вместе с тем В.И. Ленин-революционер в эпоху империализма чётко продолжает опираться на открытые К. Марксом установки, характеризующие общественное развитие. При этом В.И. Ленин, усиливая их действие глубоким осмыслением роли субъективного фактора, с очевидностью показывает: складывающийся границами законов общественного развития *действительный* субъективный фактор не имеет ничего общего с анархизмом, волюнтаризмом, но, действуя в русле общих закономерностей, приобщает их к общечеловеческой развёрстке. ...В.И. Лениным развито учение о пролетарской партии, отвечающее широким интересам народа. И если для основоположников научной философии законы общественного развития носят вполне естественный характер, то В.И. Ленин, специфицирующий их – названных законов -- действия «субъектностью», убеждён: роль коммунистической партии отличается умением предотвращать стихийность массового движения поглощением её, т. е. стихийности, действиями указанных – широко рассматриваемых - законов. Живое творчество народных масс, указывал В.И. Ленин, способно творить чудеса, свидетельствующие о том, что

влияние объективных законов общественного развития подотчётно – выразимся так – партийному порядку. С одной стороны, для В.И. Ленина «учение Маркса всесильно, потому что оно верно» [23.- С. 43]. Но В.И. Ленин не был бы Вождём, если он, взяв за нечто неизменное учение исторического материализма, застыл бы на нём, как это случилось с евродемократами, поддержавшими «своих» империалистов в Первой мировой... О В.И. Ленине прекрасно сказал С.А. Есенин (1895-1925): «Он много мыслил // По-марксистски, // Совсем по-ленински // Творил» [С. 205]. ...Эпоха империализма значительно изменила взгляды на эксплуатацию. Если раньше капитал как способ манипуляции человеческим трудом сильно не угрожал Земле -- носителю ближнего Космоса и социальная философия К. Маркса специально не рассматривала такие важные компоненты жизнедеятельности как полезные ископаемые, воду, воздух, пищевые ресурсы в качестве неуклонно скользящих по нисходящей, то теперь положение изменилось. Промышленный капитал, слившись с банковским, военными преступлениями завоёвывал новые источники доходов. Покорённое население переживало тяжкую долю. Но оно не мирилось с произволом. «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией, -- угрожающе заявляют в «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс. - Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. – И далее – с пафосом: ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!» [- 459]. Рассматриваемое здесь положение таково, что имеющиеся запасы Земли неистощимы: ими нужно умело пользоваться на общественных началах. И это доступно людям труда, а капитал жестоко с ними расправляется. ...Справедливое подчёркивание отрицательной роли капитала несколько затеняет положение – тогда неочевидное -- об исчерпаемости жизненных ресурсов. Мы не хотим отмечать – с современных позиций -- слабые места великих учителей. Они были детьми своего времени и с этих позиций смотрели на того же Т.С. Мальтуса (1766-1834), хотя утверждением научного коммунизма далеко опережали своё время. В.И. Ленин это прекрасно понимал: он увидел в наступившей эпохе империализма опасность такого торжества капитала, когда мало что останется от обжитой части Земли. В

беседе с философом и писателем-фантастом А.А. Богдановым (1873-1928) В.И. Ленин говорит: «-- Вот вы бы написали для рабочих роман на тему о том, как хищники капитализма ограбили землю, растратив всю нефть, все железо, весь уголь. Это была бы очень полезная книга, синьор махист!» [- С.438]. А.А. Богданов своими фантастическими романами, сопоставляя положение дел в инопланетных реалиях с «земной обителью» настраивал сознание читателя на необходимость бережного отношения к Земле – единственному источнику нашей жизни. Положительно воспринимая позицию писателя-фантаста, В.И. Ленин вместе с тем осознаёт, что А.А. Богданов, будучи эмпириомонистом, а стало быть субъективным идеалистом, не в силах с подлинно жизненных позиций осмыслить опасность господства капитала, и его аналогии с земными реалиями, содержащиеся в романах-утопиях, могут увести упоминаемых В.И. Лениным рабочих на путь призрачных мечтаний, иллюзорных выводов. Несостоятельность богдановской философии В.И. Ленин показал в «Материализме и эмпириокритицизме» (1909). Вместе с тем, записанная А.М. Горьким (1868-1936) беседа двух философов свидетельствует о включении В.И. Лениным рассмотренной там тематики по империализму в усиливающуюся с тех пор тенденцию на экологическое осмысление характера причастности социума к окружающей среде.

Создание В.И. Лениным научной картины мира.

...Капитал разрушает человека и среду его обитания, истребляя разнообразие богатств планеты. Философски осваивая жизненную проблематику, В.И. Ленин к двадцатому столетию подошёл универсально мыслящим теоретиком. Это позволило ему обосновать необходимость революционных преобразований, опираясь не только на наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, но и на разрабатываемую им научную картину мира. Суть её заключалась в том, чтобы предмет естественных и общественных наук диалектически сочетал устойчивость и изменчивость. Существовавшая до этого – XVII – вторая треть XIX столетия -- классическая научная картина мира оказалась метафизической, т. е. односторонней. Используя движение как единственный – вбирающий устойчивость и изменчивость (что вполне соответствует порядку вещей) -- способ существования материи, она не уделяла специального внимания (и в этом была её

ограниченность) изменчивости как ведущей стороне объективно воспроизводимого прогресса, благодаря чему естественные процессы только и получают адекватное содержание. Отсюда величайший учёный того времени И. Ньютон (1642-1727) рассматривал пространство и время как сосуществующие -- независимые друг от друга – системы. Будучи деистом, он «наивно» подводил их к «религиозному знаменателю». Но ему бы их объединить наличествующими внутренними (т. е. диалектически насыщенными) связями! Это удалось – на базе неклассической научной картины мира (здание которой – повторимся – возводил также В.И. Ленин) – создателю специальной теории относительности А. Эйнштейну (1879-1955). Сменившая классическую (и – однако: метафизическую) научную картину мира неклассическая (рубеж XIX—XX вв. -- 20-е гг. XX столетия) научная картина стремилась быть построенной на понимании движения как спаянного единства устойчивости и изменчивости. Когда В.И. Ленин отмечает, что «электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна» [.- С. 277], -- этим подчёркивается положение об изменчивости как непереносимом условии предметной затверждаемости бытия в его статусном (однако речь может идти и об отдельных компонентах данного устойчивого образования) амплуа. И это касается предмета любой науки, который тоже эволюционирует под влиянием внешних воздействий, структурных преобразований. Совершенствуется (пополняющая себя новыми исследовательскими приёмами) общенаучная методология. Особую роль здесь сыграл системно-структурный подход, выявляющий предмет (любой) науки в его устойчиво-изменчивом наполнении. ...Изменчивость в становлении предмета складывающейся науки обнаруживается при синтезе её с другой – смежной – наукой. Так взаимодействие физики и химии выливается в новую науку – физическую химию (или физхимию), предмет которой качественно меняется в сопоставлении с предметами отдельно взятых наук физики и химии. Кстати, основателем этой науки стал М.В. Ломоносов (1711-1765), который в 1752 г. впервые прочитал студентам Академического университета (С.-Петербург) «Курс истинной физической химии». Рассматривая возникающую на стыке прежних наук какую-либо новую науку (скажем, уже упомянутую физхимию), мы обнаруживаем, что её предмет также обретает

меняющееся положение; и ситуация находит философское обследование с привлечением общенаучной методологии. Последняя приобретает междисциплинарное звучание, конкретно претворяемое – скажем -- тем же системно-структурным обеспечением.

Советская власть и план ГОЭЛРО фокусом ленинского прочтения коммунизма. Обращаясь – далее -- к наследию В.И. Ленина в интересующем нас контексте, кратко рассмотрим Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО, 1920). Его развёртывание требовало серьёзного теоретического обоснования, где состыковывались науки о природе и обществе. Особую значимость приобретало положение человека, предложившего сие неслыханное действие. Им стал Владимир Ильич Ленин, приравнявший электрификацию (вместе с Советской властью) к тому, что составляет содержание коммунизма. Электрификация здесь – средство преобразования общественных отношений принципами Советской власти. Мы пытаемся выяснить, какую роль играла формула В.И. Ленина «Коммунизм -- это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» [42.- С. 159], где – повторимся – фокус «Советской власти» и «электрификации» раскрывает смысл понятия «коммунизм»? Думается, содержание электрификации и Советской власти выводят нас за границы формационного объяснения общественных отношений. «Формационность» предполагает цивилизационное обустройство социума в его классовом обличье. ...Сложившийся оборот дела ленинская формула коммунизма оставляет позади. К. Маркс и Ф. Энгельс пишут: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна соотносываться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» [.- С. 34]. Конечно, коммунизм обустроивается идеально воспроизводимым состоянием, и эту часть цитаты мы не станем комментировать. Но вторая её половина необычайно содержательна. И хотя она написана (1845 г.) сравнительно молодыми людьми, тем не менее преисполнена самого высокого смысла. Называя коммунизмом преодоление «теперешнего состояния» с имеющейся «налицо предпосылкой», К. Маркс и Ф.

Энгельс рассматривают коммунизм постоянно совершенствующимся. Это видно из словосочетания «действительное движение». Будучи сторонниками диалектики Г.Ф.В. Гегеля (1770-1831), которую они направили материалистическим руслом, основоположники научного мировоззрения под «действительным движением» понимали торжество становящегося рационального мироуклада. Чеканная ленинская формула коммунизма позволяет вывести сложившееся учение о нём за пределы «устоявшейся формационности». Формационно промеренная цивилизация также не пригодна для коммунизма, и нынешний цивилизационный подход является либеральным приёмом отбрасывания «классовости». Определяя коммунизм через Советскую власть и электрификацию всей страны, В.И. Ленин ищет новое содержание для оперирования понятием «коммунизм». И он не далёк от истины ввиду того, что «Советская власть» свидетельствует о преодолении отчуждения в обществе равных возможностей. При этом «электрификация всей страны» утверждает многоаспектное совершенствование, творческий взлёт её носителей. Следует отметить, что ленинское видение коммунизма за пределами ныне существующей цивилизации связано с более совершенным осмыслением материалистической диалектики. Её ленинский вариант (в отличие от гегелевского) настаивает на элиминации тупиковой дурнобесконечности, явно «незаконно» допускаемой великим идеалистом. Подтверждая это положение, приведём мнение Ф. Энгельса -- серьёзного исследователя наследия Г.Ф.В. Гегеля, преобразовавшего принципы его диалектики в законы объективной реальности. «Эта диалектическая философия, -- характеризует Ф. Энгельс философию своего предшественника, -- разрушает все представления об окончательной абсолютной истине и о соответствующих ей абсолютных состояниях человечества... <...> Для диалектической философии нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всём и во всём видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу» [21.- 276]. Суровый приговор идеалистической диалектике связан – и Ф. Энгельс это

демонстрирует (как выше мы отметили) заменой гегельянских принципов тремя всеобщими законами – с необходимостью её материалистического истолкования. Диалектика Г.Ф.В. Гегеля, будучи беспредельной, неожиданно религиозно свёртывается. Философ не завершает – и с идеализмом такое случается не редко – логику синтеза системы и метода. В.И. Ленин пишет: «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть поставленный на голову материализм <...> -- т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолюте, чистую идею etc.» [29.- С. 93]. В.И. Ленин перестраивается с гегелевского на собственное – диалектико-материалистическое -- видение философии, отмечая: **«Практика выше (теоретического) познания**, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» [29.- С.195]. Практика также «...есть проверка, критерий объективности познания» [29.- 103]. Наконец, «мышление человека тогда “экономно”, когда оно *правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия» [18.- С. 176]. Объективная истина и практика обладают онтологически насыщенной бытийностью. ...Любая форма движения материи по-своему диалектична. Касается это и её социального уровня. Здесь диалектика находит себя в практическом применении радио. Далее этого диалектика не пошла, поскольку пик её как «вещи для нас» (попутно отметим: мистическая «вещь в себе», будучи нонсенсом, плотно от нас закрыта) – в обслуживании общественных отношений с превалированием в них жизненно значимых потребностей. Отсюда то, что готовит нам будущее – со временем станет видно по нему: по мере того, как оно предстанет настоящим. Такое понимание объективной диалектики оберегает нас от зигзагов её гегелевского наката, а также подтверждает положение о том, что, включаясь в становление неклассической научной картины мира, В.И. Ленин серьёзное внимание уделил научно-техническому обеспечению своих взглядов на него. Это позволило ему на руководящем -- теоретико-практическом -- уровне обосновать план ГОЭЛРО. Высокий уровень научного осмысления реальной действительности, прочерченный «Материализмом и эмпириокритицизмом» В.И. Ленина, продемонстрировал возможности неклассической картины мира (сегодня по её стопам движется постнеклассическая научная

картина /«постнеклассика /, использующая, помимо других исследовательских программ, трансдисциплинарную методологию, связанную, в частности, с обоснованием жизни).

В.И. Ленин о роли техники в социальных преобразованиях. ...Мы рассказываем о месте науки и философии в духовном багаже Вождя. Менее знакома нашему современнику «техническая оснащённость» ленинского гения. Обратимся опять к свидетельству А.М. Горького. Алексей Максимович пишет:

«Я предложил ему [В.И. Ленину] съездить в Главное Артиллерийское Управление посмотреть изобретённый одним большевиком, бывшим артиллеристом, аппарат, корректирующий стрельбу по аэропланам.

А что я в этом понимаю? – спросил он, но – поехал. В сумрачной комнате, вокруг стола, на котором стоял аппарат, собралось человек семь хмурых генералов, все седые, усатые старики, учёные люди. Среди них скромная штатская фигура Ленина как-то потерялась, стала незаметной. Изобретатель начал объяснять конструкцию аппарата. Ленин послушал его минуты две, три, одобрительно сказал:

Гм-гм! – и начал спрашивать изобретателя так же свободно, как будто экзаменовал его по вопросам политики:

А как достигнута вами одновременно двойная работа механизма, устанавливающая точку прицела? И нельзя ли связать установку хоботов орудий автоматически с показаниями механизма?

Спрашивал про объём поля поражения и ещё о чём-то, -- изобретатель и генералы оживлённо объясняли ему, а на другой день изобретатель рассказывал мне:

Я сообщил моим генералам, что придёте вы с товарищем, но умолчал, кто -- товарищ. Они не узнали Ильича, да, вероятно, и не могли себе представить, что он явится без шума, без помпы, охраны. Спрашивают: «Это техник, профессор? Ленин?» Страшно удивились: «Как? Не похоже! И – позвольте! – откуда он знает наши премудрости? Он ставил вопросы как человек технически сведущий! Мистификация!» -- кажется, так и не поверили, что у них был именно Ленин...

А Ленин, по дороге из ГАУ, возбуждённо похохатывал и говорил об изобретателе:

Ведь вот как можно ошибаться в оценке человека! Я знал, что это старый честный человек, но – из тех, что звёзд с неба не хватают. А он как раз именно на это и оказался годен. Молодчина! Нет, генералы-то как окрысились на меня, когда я выразил сомнение в практической ценности аппарата! А я нарочно сделал это, -- хотелось знать, как именно они оценивают эту остроумную штуку.

Залился смехом, потом спросил:

Говорите, у И. есть ещё изобретение? В чём дело? Нужно, чтоб он ничем иным не занимался. Эх, если б у нас была возможность поставить всех этих техников в условия, идеальные для их работы! Через двадцать пять лет Россия была бы передовой страной мира!

Да, часто слышал я его похвалы товарищам» [.- С. 459].

Культуро-цивилизационная программа В.И. Ленина. Социальная форма движения материи. Приводимый отрывок весьма поучителен. Он характеризует В.И. Ленина как предельно одарённую личность, взлёт которой особенно интенсивен в неожиданной, подверженной риску, ситуации (мы видим, что, будучи штатским и впервые послушав о техническом изобретении, стал на равных общаться с умудрёнными генералами). В.И. Ленин далеко не разобрался в своих интеллектуальных способностях («А что я в этом понимаю?». Но, заинтересовавшись той или иной ситуацией, мгновенно настраивается, доводя её до «онтологического упора»). В.И. Ленин признаёт свои ошибки как результат недопонимания чего-то в людях и с удовлетворением от них (т. е. от ошибок) отказывается. В.И. Ленин, по его признанию, может поступать «нарочно» -- с целью выявления более полного знания. Он мечтает о создании для трудящихся идеальных производственных условий, и тогда Россия «была бы передовой страной мира». Пытаясь раскрыть затронутый настоящим текстом ленинский – выразимся так – творческий пейзаж, обращаем внимание на то, что Вождь постоянно заинтересован научно обеспечивать подступающие к нему проблемы. В.И. Ленин дорожит наукой как условием приоткрыть завесу над далеко ещё до конца не постигнутой жизнью. И связь с нею науки Ильичу обеспечивает материалистическая философия. Принимая активное участие в становлении неклассической научной картины мира, В.И. Ленин –

устроитель доставшейся ему в «наследство» Ойкумены – обогащает её бытоукладной составляющей, преподносимой синтезом Советской власти и достижениями ГОЭЛРО (с его ленински выстроенным техническим обеспечением). Вариант предложенной В.И. Лениным неклассической научной картины мира, соотнесённый с социо-техническими достижениями (т. е. с Советской властью и мощной программой ГОЭЛРО) неизбежно поднимается на философско-мировоззренческий пьедестал. Вырывая Россию из мира эксплуатации, Советская власть с В.И. Лениным во главе (не без риска) восстанавливала – посредством кооперации -- многовековые традиции, пронизывая их цивилизационным общежитием. Сложность здесь состояла в том, что подстрекаемый капиталом классовый раздрай мешал нормальному синтезу культуры и цивилизации. Власть имущие развязали мировую бойню (1914-1918), чтобы не лишиться классово-эксплуататорских привилегий. Лучше от этого не стало никому (кроме, разумеется, «хозяев жизни»), хуже -- подавляющему большинству. Но пробился свет в туннеле. В.И. Ленин, отмечая охвативший человечество кризис, подчёркивает его обратную сторону, связанную с развитием народной инициативы. Он пишет: «Основная причина этого громадного ускорения мирового развития есть вовлечение в него новых сотен и сотен миллионов людей. Старая буржуазная и империалистская Европа, которая привыкла считать себя пупом земли, загнила и лопнула в первой империалистской войне <...>. Как бы ни хныкали по этому поводу Шпенглеры и все способные восторгаться <...> им образованные мещане, но этот упадок старой Европы означает лишь один из эпизодов в истории падения мировой буржуазии, обожравшейся империалистским грабежом и угнетением большинства населения земли» [45.- С.174]. Мысль В.И. Ленина связана с тем, как обуздать становящееся невыносимым империалистическое зло. И понятен ответ: воплощённое Первой мировой войной оно отозвалось растущей энергией революционных масс. Вместе с тем раскрытие О.Л.Г. Шпенглером (1880-1936) крушения западной цивилизации двумя томами «Заката Европы» (1918-1922) позволяет Вождю мирового пролетариата сделать вывод об опасном положении, охватывающим народонаселение Земли за приносимые ему страдания (по ходу изложения укажем:

написание «Земли» с заглавной буквы связано здесь с представлением о ней как космическом теле, выразившем себя социальной формой движения материи; и вышеприведённый ленинский отрывок даёт для этого -- по нашему мнению -- определённые основания). Критически восприняв двухтомный фолиант «образованного мещанина», В.И. Ленин серьёзное внимание уделил характеру взаимосвязи культуры и цивилизации. Рассматривая хозяйственные уложения России, не совсем совпадающие с триипостасностью Марксова учения о формациях, В.И. Ленин рассуждает так: «Не было ещё, кажется, такого человека, который, задавшись вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики» [36.- С.295]. Перечислив пять общественно-экономических элементов переходного периода, он подчёркивает: «Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом» [36.- С. 296]. ...Факт переходности экономики в современном В.И. Ленину российском общественном обустройстве подчёркивает его – данного факта -- связь с сохраняющим значение общинным укладом, утвердившимся на Руси с древнейших времён. Конструктивную направленность русской земледельческой общины подчёркивал К. Маркс. Западные общины, отмечал он, «покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновлённые родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. “Земледельческая община”, -- отметил он, рассуждая о России, -- была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами» [19.- С. 418]. При социализме она развернётся спасительным колхозным строем, бригадами коммунистического труда. Названные формы производственного коллективизма сопряжены со спецификой отечественной экономики, приобщённой к тому культурному самообеспечению, под влиянием которого всплывшая из архаики кооперация отзовется торжеством социализма. Прежде критикуемая марксистами она обуславливалась народническим истолкованием. Условиями диктатуры пролетариата кооперацию мирно воспитывает коллективизм, и, пройдя по всем формациям, она уводит стягивающую их цивилизацию в коммунистическое завтра.

...Кооперация стала мощным заслоном против притязаний капитализированной Новой экономической политики (НЭПа) на захват власти в стране победившего пролетариата (по ходу изложения отметим: поскольку государственная власть оставалась пролетарской, капитализм НЭПа (1921-1929) был свёрнут, как только прошло его время). Кооперацией также овладела великая культурная революция, под напором которой было преодолено самоотчуждение части рабочих и крестьян, подвергнутых нэпманскому воздействию. Основанная на территориальной, а не на кровнородственной основе отечественная община выделялась «интернациональными узорами». Это обеспечило ей широкие временные перспективы за счёт построения цивилизационно обеспеченного, внеформационно «оборудованного» общества социального равенства. Воспринимая кооперацию как условие единства культуры и цивилизации, В.И. Ленин выводил из неё (т. е. кооперации) культурную революцию как систему воспроизводимых традиций, опираясь на которую социализм обустривает новую Россию. «Теперь, -- рассуждает В.И. Ленин, - мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тождественен <...> с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать, -- продолжает он, -- коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. <...> Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную “культурную” работу. Но если, -- завершает Владимир Ильич свою мысль, -- <...> ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [45.- С. 370]. Беря кооперацию за основу нарабатываемых – социалистических -- традиций, В.И. Ленин закрепляет их, грандиозной – и выше о ней шла речь – программой ГОЭЛРО. ...Опирающаяся на кооперативные традиция культура стимулирует становление социалистической экономики. ...В.И. Ленин по-новому вскрывает внутренние связи культуры и цивилизации. Для того же О.Л.Г. Шпенглера не существующая вне войн цивилизация, привела, к примеру, Европу к «закату», и в этом отношении она как «искусственный конструкт» толкает культуру «на задворки мироздания». Последняя свёртывается под игом разрушительного прогресса. ...В.И. Ленин, как мы видели, справедливо относит

немецкого культуролога к разряду «образованных мещан», на которого – особенно условиями Первой мировой войны -- пессимизм А. Шопенгауэра (1788-1860) оказал известное воздействие. ...Так, опираясь на общинно-кооперативное строительство, Советская власть по-ленински решала проблему соотношения культуры и цивилизации. При этом крестьянство не сторонилось культуры, складывающейся из общины, стягиваемой кооперацией. Всё это было – как мы старались показать с опорой на К. Маркса, считавшего общинную собственность крестьян «коммунистической собственностью» [19.- С. 412] – во плоти русского народа. Согласно К. Марксу, если русскую общину освободить от давления государства, она может стать примером бесклассового общежития. Не зная об этих высказываниях К. Маркса, В.И. Ленин рассуждает в том же направлении, что весьма симптоматично. Своим трудом «Империализм, как высшая стадия капитализма», В.И. Ленин показал, что происходит обобществление труда, подрывающее частную собственность. Империализм обнажил представшие тупиком противоречия между трудом и капиталом. Выход, по мнению В.И. Ленина один: мировая революция, у которой долгий срок. Но будущее – за социальным равенством, которое охватит многие «обитаемые веси». ...Под руководством В.И. Ленина отстоялась Великая Октябрьская социалистическая революция, когда цепь капитализма была прервана, и на шестой части планеты владыкой мира стал свободный труд. Вслед за Россией (к сожалению, временно утратившей революционные достижения), на путь социализма встали Китай, Северная Корея, Лаос, Куба. ...Свободный труд набирают мощь. Говоря о значении Великого Октября, отметим: на Земле осуществилось более 20 цивилизаций. История вида Homo Sapiens насчитывает примерно 200 тысяч лет. Из них три пятых времени ушло на становление воспитанной традициями культуры. Закрепившись на них, человечество выжило, заявив о себе сложившейся (15-10 тысяч лет назад) разносторонней цивилизацией.

Культуро-цивилизационная программа В.И. Ленина. Социальная форма движения материи... Под её (т. е. цивилизации) воздействием – далее – складывается социальная форма движения материи. Что касается последнего (т. е. движения), оно – единственный способ существования материи

начиная с Большого Взрыва, «прогремевшего» 14 млрд лет назад. Ходом эволюции обозначились различные формы движения; пиком их предстал социальный уровень -- человечество. Далее. Движение являет собою противоречивую соотнесённость двух сторон -- устойчивости и изменчивости. Социальная форма движения определилась устойчивостью с её носителем – прекрасным полом. ...Репродуцируя моногамно складывающиеся поколения, женщины укрепляют семейные узы, выверяя ими специфического носителя социальной формы движения материи. Им – повторимся – является моногамная семья. ...Социально же скреплённая изменчивость, выявленная (ходом эволюции) мужским началом, определила ведущую сторону общественных отношений. Со времени становления моногамной семьи культура как совокупность коллективно закрепляемых традиций (т. е. имеющая «женскую ипостасность», поскольку мать, рожающая детей, образует – на основе семейного очага – вместе с ними первичный коллектив) постепенно уступает место цивилизации, обусловливаемой массовой индивидуализацией (которая допустима благодаря сложившейся моногамной семье) обретающего себя общества. Если культура связана с наработкой традиций, то цивилизация, где превалирует индивидуальность, возводима прогрессом с его интеллектуально-производственным реноме. Можно сказать, что цивилизация (а мы прежде всего выделяем её западный вариант), охватившая достижениями НТР весь мир, существует последние 10 тысяч лет (т. е. со времён становления неолитической революции и – шире – как об этом выше было сказано – социальной формы движения материи). Западная цивилизация развивалась частной собственностью (это не значит, что, скажем, азиатский способ производства базировался на ней), и предметным воплощением её стал женский пол, который мужчинами не был допущен к социопрогрессу. Переход от культуры к цивилизации обуславливался низведением женского права до уровня приложения к обстоятельствам жизни... «Ниспровержение материнского права, -- пишет Ф. Энгельс, -- было всемирно-историческим поражением женского пола. Муж захватил бразды правления и в доме, а жена была лишена своего почётного положения, закабалена, превращена в рабу его желаний, в простое орудие деторождения» [21.- С. 60]. ...Западная цивилизация развернулась мужскими стандартами,

главный из которых – передача труда машине, ведущая к нежелательным последствиям. Ведь если труд как физически выверенная целеположенная деятельность создал человека (а это так!), то противоположное ему интеллектуальное действие, как бы ни было оно интенсифицировано, захватывает индивида физической деградацией – при усиливающемся знанием совершенстве (писатель-фантаст А.Р. Беляев (1884-1942) романом «Голова профессора Доуэля» (1928) классно об этом повествует). ...Закрепив мужское господство, Запад беспощадно – чего сто́ит длившаяся столетиями «охота на ведьм» -- пролонгировал его. Сказанное означало: границами евроцивилизации социальная форма движения материи серьёзно исказилась классово заданной формационностью.

Вместо заключения: В.И. Ленин и планета Земля. Великий Октябрь провозгласил равенство мужчин и женщин. Ныне эта установка охватила человечество, и социальная форма движения материи – на этом практически настаивает большинство землян – способна гармонично развиваться как непосредственно пределами Земли, так и с выходом за её границы. Связывая обрисованную ситуацию с Великим Октябрём, уверены: В.И. Ленин -- самый значимый человек на планете Земля. При опоре на народ Вождём решены две важнейших проблемы. Ранее мы их обозначили и вот теперь -- повторим. Прежде всего освобождённый пролетарской революцией свободный труд потеснил капитал, который ныне дискредитирует себя по отношению к жителям Земли неадекватно используемыми достижениями НТР (борьба с ним продолжена). И – во-вторых – было положено начало сохранению и совершенствованию социальной формы движения материи благодаря признанию за женщинами равных прав с мужчинами. Являясь хрупким «субстратом», социальная форма движения материи ищет всемерной поддержки, и многомерная цивилизация в союзе с заложенными культурой традициями, несомненно, станет способствовать подлинному очеловечиванию лика Земли.

ГОЛУБЧИКОВ
Юрий Николаевич

Ведущий научный сотрудник географического факультета МГУ имени Ломоносова. Родился 1 января 1953 года в г. Львове. Окончил географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1975), асп-ру каф. физической географии СССР (1980). Канд. дисс. «Ландшафтно-геофизические особенности муссоно-мерзлотной горной тайги зоны БАМ» (1980). С 1984 на географическом факультете МГУ: м.н.с. каф. физ. географии зарубежных стран, с 1986 с.н.с. Проблемной лаборатории освоения Севера, с 2003 в.н.с. Проблемной лаборатории «Московский регион», (с 2005 лаб. рекреационных исследований каф. рекреационной географии и туризма географ. факультета). Читает курс лекций «Основы гуманитарной географии». Автор 500 научных, публицистических и научно-популярных работ, включая 15 книг.

E-mail: golubchikov@list.ru

ТРЕВОЖНЫЕ РАСКАТЫ ГРЯДУЩЕГО

Аннотация. С Интернетом ученик всё большей степени учиться сам, а задача учителя состоит в том чтобы научить его жить то есть обучить искусству обретения счастья. В этом плане приобретает особое значение обучение на свежем воздухе. Другой составной частью гуманитарной географии служит россияведение. География рассматривается как детерминанта исторического процесса. Глобальные катастрофы выдвигаются предметом гуманитарно-географического исследования. Проводятся представления о грядущем более жёстком контроле

общества через протоколы Интернета. Краеведение, туризм и россиеведение выдвигаются на роль интегрирующих предметов в географическом образовании. Рассматривается роль идеологии в современной науке. Делается вывод о необходимости новой методологической вооруженности науки.

Abstract. With the Internet, the student is increasingly learning on his own, and the teacher's task is to teach him how to live, that is, to teach him the art of gaining happiness. In this regard, learning in the outdoors acquires particular importance. Another constituent part of human geography is Russian studies. Geography is considered as a determinant of the historical process. Global catastrophes are put forward by the subject of humanitarian-geographical research. There are ideas about the coming tighter control of society through the protocols of the Internet. Local lore, tourism and Russian studies are put forward for the role of integrating subjects in geographical education. The role of ideology in modern science is discussed. The conclusion about the need of new methodological armament of science is made.

Ключевые слова: катастрофизм, краеведение, глобализация, война, россиеведение, туризм. География, идеология.

Keywords: catastrophism, local lore, globalisation, war, Russian studies, tourism, geography, frontier, ideology.

Учить жить

Еще Страбон полагал, что «полезность географии предполагает в географе также философа – человека, который посвятил себя изучению искусства жить, т.е. счастья» [1964, с. 1(7)]. С Интернетом ученик всё большей степени учиться сам. С ним десакрализируется фигура учителя, а сами обучаемые нередко информированнее в интересующих их вопросах, чем наставники. Но у учителя есть нечто, что никогда не постичь через Интернет и что зовется жизненным опытом. Задача учителя и состоит в том чтобы научить жить то есть обучить искусству обретения счастья. «То есть чтобы люди – вместе и каждый в отдельности – могли наилучшим образом делать то, ради чего родились на свет» [Зархина, 1990, с. 182].

Наиболее доступным образом учат жить походы и путешествия. Они предлагают образовательную модель диаметрально противоположную традиционной. Обучать надо не всему и впрямь, а тому, что надо сейчас и тут. Можно полагать,

что поиск знания и даже не знания, а понимания посредством туризма станет доминирующей темой образования будущего

Взаимообучение в них идет в режиме полилога – разговора многих участников, включая преподавателя, а иногда и местных жителей. Немаловажно, что участники похода непосредственно заботятся друг о друге. Походы и путешествия учат быть готовым к неизбежным неожиданностям, связанным с преодолением пространства, наилучшим образом связывают обучающихся с обучаемыми. Наконец, ходьба образует, то идеальное состояние для молодого организма, когда ум, тело и мир сливается в одно целое. Ничуть не уступают ей руль велосипеда, палки лыж, весло в руке, совместное питание и костры. Едва ли найдется еще столь гармоничная для человека деятельность.

Замечательный сибирский писатель и краевед А.К.Омельчук пишет «Родина с малой буквы: наше родное место. Родина с большой буквы начинается с малой... Чему только ни учат (и не учат) наших школьников, но главного предмета нет. О своей родине (именно с малой буквы), о своем родном месте выпускник знает беспредельно и бестолково мало, и только на основе житейского опыта... Вот учитель-родиновед, если он всё-таки появится в современной отечественной школе. Невообразимый энциклопедист! Географ, историк, ботаник, археолог, зоолог, травознаец, лесовед, гидролог, грибник, облаковед, орнитолог, фенолог, фольклорист, этнограф, певец и плясун» [2023, с. 94].

Автор известных учебников по географии СССР для средней школы К.Ф. Строев [1974] считал, что поисково-краеведческая деятельность учителя прямо ведет его к научно-исследовательской работе. Этот же процесс втягивает в науку и учеников. Людей, любительски занимающихся наукой становится все больше. С туризмом наука обретает массовый характер. Занятия наукой все более реализуются как самый серьезный вид отдыха. За рубежом говорят о становлении народной науки («citizen science»). Вплоть до конца XIX века наука развивалась главным образом людьми, имеющими дополнительный источник доходов и была своего рода «citizen science». Можно ожидать, что главным фактором дальнейшего развития науки станет рост популяции хорошо образованных индивидуалов, профессионально не связанных с научной деятельностью.

Гумбольдт полагал, что «знание и изучение суть радость и право человечества; они суть части народного богатства и нередко замена благ, слишком скудно распределенных природой» [1862, с. 29]. Говоря современными словами, Гумбольдт декларировал право человека на познание и творчество, на верификацию научного знания.

Советская философия избегала пространства. Значение в ней имели только фазовые, временные различия, например, между феодализмом и капитализмом. «Различия же страновые, континентальные в формационной теории лишены какого бы ни было значения», обращает внимание А.С. Панарин [1999].

Привычное со школьной скамьи деление географии на физическую экономическую сложилось у нас в стране с тридцатых годов прошлого века. Тогда группа марксистов-философов во главе с академиком Митиным начинает жёстко проводить принцип «партийности» в науке [Дронин, 1999]. Согласно ему в основу естественных наук, к каким причислена физическая география, ставится диалектический материализм. В основу общественных дисциплин, включая экономическую географию, ставятся принципы исторического материализма и политэкономии. Все науки что, не вписываются в схему жесткого разделения естественных и общественных причисляются к нежелательным. Это прежде всего такие естественно-гуманитарные дисциплины как антропогеография, краеведение, россиеведение.

В физической географии исчез человек, остался лишь антропогенный фактор, в географии экономической – не осталось природы, остались только природные ресурсы. Курс физической географии перестал логически предшествовать курсу экономической, а курс экономической географии никак не продолжает курса физической географии. Это два разных курса. Изучать их стало возможным совершенно порознь. И уж вовсе отдалёнными они оказались от курса истории. Нет на географических факультетах аналогов курсов «общей геологии» или «региональной геологии», как на геологических факультетах. В западной географической науке гуманитарная география занимает центральное и общенаучное положение. Оно сопоставимо с положением общего землеведения среди физико-географических наук.

До Октябрьской революции краеведение было частью науки о всей России, которая именовалась россиеведением, отечествоведением или родиноведением. Применительно к крупным регионам использовались также такие термины как «сибириеведение», «ураловедение», «украиноведение». Географией родного края именовал краеведение Л.С. Берг [1925]. «Краеведение — это «малое страноведение» или «малая география» [Барков, 1961, с.22]. Естественно-гуманитарные по своему существу россиеведение и краеведение не вписывались в постулаты марксизма-ленинизма.

В то же время ужесточается доступ к крупномасштабным картам. А карта для краеведа, что ноты для музыканта – основа краеведческой работы. То официальное движение, которое оформилось к 1970-м гг. под названием «краеведения» правильнее было бы именовать историей КПСС в данном городе или районе. Это уже была полная утрата интереса к краеведению у народа. Наука от краеведения отказалась и оно оказалось в ведении краеведческих музеев, школ и турклубов. Научный мир связывал краеведение уже не с фундаментальным знанием, а с просветительской или памятнико-охранительной деятельностью.

Ныне краеведение возрождается, но активно уходит из географии в сферу исторической науки. При этом оно исследует не столько день сегодняшний, сколько прошлое. Мы же полагаем, что краеведение должно составлять душу и сердце школьной географии. Самым наглядным образом соединяя физическую географию с экономической, а их вместе – с историей, краеведение образует ту высшую ступень интеграции, что заключает главную прелесть географии. Чтобы сохранить краеведение в лоне географической науки, нужно соотнести его с оздоровлением. «Именно исследовательская активность и запускает оздоровление, возникает интерес к жизни, укрепляется жизнеутверждающая ориентация, происходит обновление понимания себя и мира» [Аршинова и др., 2018, с.17].

Из географических отечественных изданий выпали живые описания природы и человека. В географии исчез человек, остались население и антропогенный фактор. «Человека забыли!!!» - восклицал Н.Н. Баранский [1980, с. 21]. Не нашлось в географии места для «географии человека». Во всей науке не нашлось. Нет в ней такой науки человековедения, не читается в

университетах такой курс. «Специальные науки, занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее скрывают сущность человека, чем раскрывают ее» — подмечает философ И.А.Пфаненштиль [2016, с. 5].

В этом отношении гуманитарный географ даже напоминает чем-то философа. А «современный философ уже не может работать так, как работали в XIX-XX веках. Он не имеет право писать огромные тексты с пустыми смысловыми воронками и с чудовищно развитой терминологией. Хотя бы потому, что такие тексты никто никогда не прочтет в силу того простого факта, что ни у кого более не будет времени на чтение. Философские тексты должны быть компактны, с плотной смысловой упакованностью и при этом они должны быть литературными текстами, т. е. они должны радовать, смешить, огорчать и очаровывать» [2014, с. 6].

С туризмом географические науки вновь возносятся на страноведческую высоту. Туризм дает новое дыхание географическим описаниям и, как можно надеяться, разбивает их шаблонность. От физико-географических и экономико-географических характеристик туристско-географические описания отличаются естественно-гуманитарным наполнением, публицистичностью и журнализмом. Добротные страноведческие компиляции или краеведческие изыскания нередко в новом свете раскрывают географическую область. Самым наглядным образом соединяют они физическую географию с экономической, а их вместе — с историей и оздоровлением. Лучшими своими образцами они способствуют притоку все возрастающего потока посетителей и тем самым сопровождаются неявным, но выраженным экономическим эффектом.

Благодаря туризму с наукой начинают соседствовать источники информации из повседневности: реклама, путеводители, популярные издания. В союзе с искусством и средствами массовой информации россияне и краеведение формирует образ территории, отражает в нем «самое-пресамое». Публицистичность и журнализм поднимают географию на постдисциплинарный уровень. Они особенно важны в век рекламы и имиджевых продвижений. Чтобы стать интересной и захватывающей, география должна соотнестись феноменом массовой вовлеченности населения в туризм и на новой основе впечатлений возродить краеведение и страноведение.

Текущий мир вступает в своеобразный «пространственный поворот» (Spatial turn) [Сухоруков. Гладкий. 2021]. На первый в нем план выходят различия региональные, страновые и континентальные. Возрастает значение туристско-географических описаний. Они отличаются журнализмом и наполнением информацией из повседневности (рекламой, путеводителями). «Это был важный вклад географии в общенаучную методологию и философскую рефлексию, и он весьма способствовал восстановлению репутации географии как фундаментальной науки», – замечает Л.В. Смирнягин [2010, с. 81].

Вместе с тем, россиеведение оказалось вытеснено из географического образования и уступлено социологам, историкам, журналистам-международникам [Шаповалов. 2001; Чубайс. 2014]. На факультете иностранных языков и регионоведения МГУ и в ряде других российских вузов созданы направления «зарубежное регионоведение» и «регионоведение России». И это хорошо, что россиеведческий компонент внедряется в программы обучения русскому языку как иностранному и повышает, тем самым, притягательность страны [Головина. Максимчик. 2023]. Плохо, что он не представлен в самой географии, в которой должен составлять душу и сердце. «Такой исследовательский комплекс – россиеведение – необходим в не меньшей степени, чем востоковедение. А уж нам-то, русским, – в большей» [Пивоваров. Фурсов, 2003, с. 39]. Прививать понимание своей страны и своего края – это также кратчайший путь к повышению качества жизни людей.

Те сухопутные дали, что преодолевал русский человек, оказались неподвластны ни одному народу мира. Как шерпы, балкарцы или тирольцы сформированы покорением гор, так и русские сформированы пешей ходьбой и паломничеством. По-английски говоря, они были туристами. Быт и формы расселения русских таковы, что, даже проживая на одном месте, человек вынужден много ходить. Отсюда следует также вывод, что активные путешествия или даже просто ходьба жизненно необходимы русскому человеку. На ее основе в советское время сложилась своеобразная романтика бардовской песни. У нас же историю туризма часто выводят с английских туров в Средиземноморье или в Альпы в середине XIX века. «Строго

говоря, нет оснований рассуждать о прогрессе в данной области и считать текущие формы рекреационной деятельности более совершенными, нежели существовавшие в прошлом» – пишет Д.В. Николаенко [1984]. И всегда туризм был тем естественно-гуманитарным феноменом, что тесно связует природу и человека.

Как ни у одной из стран мира, география может служить у России ее философией и национальной идеей. Их следует возвеличить не только из-за обширности пространств, но ещё из-за амбивалентного отношения россиян к прошлому [Шелкопляс. 2018]. В настоящем также немало разделяющего. В результате, наиболее обеспечивают привлекательность страны именно географические атрибуты. Географическое образование не вправе упустить этот мощнейший ресурс осмысления России. Достойное место должны в нем вновь занять такие холистические дисциплины, как краеведение, антропогеография, россиеведение, география человека, гуманитарная география, родиноведение, отечествоведение. Их возрождение позволяет не только расширить философско-предметное поле географии, но и повышает общую конкурентноспособность страны. Для авторитета государства конструирование своего притягательного портрета может быть поважнее укрепления военно-экономического могущества.

Географическая детерминанта исторического процесса

Предшественницу гуманитарной географии (она же география человека), антропогеографию, всегда интересовали географические причины исторических судеб. Антропогеографами предполагалось, что прошлое и будущее страны в большой степени уже детерминированы географическими факторами. В изящных очертаниях материков и океанов великие мыслители прошлого усматривали не только величественное зрелище, но и пытались угадать их смысл, цели и язык, читали историю человечества.

Любой континент мог быть заселён совершенно другими народами, но их судьбы уже изначально были предопределены наиболее постоянными характеристиками исторического процесса: берегами морей, цепями гор, направлением рек, конфигурацией природных зон и ландшафтов. Они и определяют лицо и историю страны. Великий французский географ Элизе

Реклю утверждал, что развитие человечества наперёд задано «величественными буквами на равнинах, долинах и побережьях наших материков» [1895, с. 106]. В те времена ум ученого ещё цепенел перед таинственностью мироздания и искал пути его постижения.

Великие равнины России и Сибири с доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. «Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до Океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России. И снова принесли ей обновленные формы своей жизни... Кочевники ворвались на евразийские просторы, когда древние цивилизации оседлых земледельцев уже умирали от недостатка энергетики, их искусство становилось тяжелым, невыразительным и прагматичным, а их социальный строй – деспотическим. Они уже не были способны самостоятельно взлететь на гребень волны нового расцвета» [Рерих, 1999]. В этом небольшом отрывке сподвижница Н.К.Рериха Л.В. Шапошникова [1995] находила ключ ко всей русской истории.

С распадом СССР Россия вновь обрела 1000–летнюю историю (до того отсчёт её велся с 1917 г.). Открываются перспективы дальнейшего её углубления. Ведь все народы уходят корнями в глубины тысячелетий. История наций циклична. Проследившая эту историю на пространстве Евразии с V в. до н.э. (Скифская держава) до 20-х годов XX в., Г.В. Вернадский (1927) обнаруживает периодическую ритмичность государствообразующего процесса. За обозримый им исторический срок Евразия объединялась четыре раза. Каждый из этих раз на пространствах от Желтого моря до Черного возникали и разрушались мощные государственные образования. «Таковы были, - указывает Г.В.Вернадский, - державы скифская, гуннская, монгольская, таково московское царство и всероссийская империя» [Вернадский, 1927, с.14]. Одни потом быстро гибли, другие существовали не одно столетие. Но все в конце концов распадались на более мелкие государства. И тогда осколки империй вступали в периоды интенсивной конфронтации и противоборства. Текли главные реки крови. Затем эта раздробленная система суверенитетов вновь сливалась в единое государство. Но самой устойчивой формой единой

государственности в этих условиях была военная империя. Россия - продолжатель геополитической роли державы гуннов и империи Чингисхана. «В конечном счете, может быть, это необоримая логика географии, которая лежит в основе всей истории» писал Г.В.Вернадский [1997, с. 12].

Экстраполируя таблицу Г.В.Вернадского мы находим сегодня единое евразийское пространство распавшимся на страны Балтии, Белоруссию, Украину, Россию, находящуюся возможно на первой ступени распада, страны Кавказа и Центральной Азии. Какая же следующая военная империя возникнет на этом Среднем материке, на месте вымирающей и, возможно, распадающейся России? Ответ дает демография, которая почти всегда судьба. При современных демографических тенденциях вымирания русского населения и миграционных потоков на основной части страны утверждается военная империя Ислама [Голубчиков, Мнацаканян, 2005].

Тут уместны слова Н.В.Гоголя: «География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории. Она должна показать, как положение Земли имело влияние на целые нации; как оно дало особенный характер им; как часто гора, вечная граница, взгроможденная природою, дала другое направление событиям, изменила вид мира, преградив великое разлитие опустошительного народа или заключивши в неприступной своей крепости народ малочисленный... Здесь-то они должны увидеть, как образуется правление; что его не люди совершенно устанавливают, но нечувствительно устанавливает и развивает самое положение Земли; что формы его оттого священны, и изменение их неминуемо должно навлечь несчастье на народ» [1986, с. 35].

В духовном плане Россия через Византию наследует античность Древней Греции. Многие народы готовы к восприятию России как своей исторической прародины. Для Индии Россия остаётся таинственной прародиной Гипербореи (Арктиды). Горы Южной Сибири служили, по образному выражению Гоголя, вулканом народов, заселявших Европу. Вся Германия и вся Скандинавия были заселены выходцами оттуда о чем говорит топонимика. Север Италии был землёй венетов-славян, отсюда и Венеция. Вышедшие из степей Причерноморья готы основали королевства Испании. Магьяры и

болгары до сих пор хранят воспоминания о своей прародине в Приуралье.

Ни одному народу мира предки не оставили столь великое географическое наследие. Во всей всемирной истории невозможно указать другой подобный пример окончательного завоевания столь обширных пространств с таким сложным этническим составом, в столь короткий срок и таким ничтожно малым количеством людей. На границе Аляски и Канады русское племя встречается с англосаксонским. Две ветви европейцев, направившись в разные стороны почти из одного центра, вновь сошлись на другом конце земного шара. История их народов – есть история колонизаций. Но отношение к этой истории разное. Ни один курс американской истории не представим без красочно иллюстрированной главы о движении евро-американцев на Запад. Национальным триумфом американской истории стала своеобразная «фронтирность», сложилось целое направление исследований роли фронта в формировании нации и государства.

Создание же Империи русскими землепроходцами в их движении на восток не стало базовым компонентом отечественной истории. Нет у нас какой-либо «землепроходческой» атрибутики, подобной ковбойской или золотоискательской [Белаш, 1996]. Нет атрибутики «Дикого поля» как степной границы между Востоком и Западом, Севером и Югом [Афанасьев, 2012]. И подавно ничего не найти по героизации западного фронта, утвердившегося в Черновцах, Львове, Гродно, Риге после Великой Отечественной войны. «Огромная сплошная территория, добытая кровью и страданиями нашей истории, должна нами охраняться как общечеловеческое достижение, делающее более доступным, более исполнимым наступление единой мировой организации человечества», – писал мыслитель-энциклопедист В.И. Вернадский [1989].

Географические факторы также чаще, чем это представляется исторической и военно-политической науками, играют свою роль в возникновении войн. Они же в определенной степени позволяют намечать места их возникновения и тем самым, возможно, способствуют их предотвращению. Предметом географии всегда были территориальные споры, этнические противоречия, столкновения религиозных или конфессиональных

групп, другие причины локальных вооруженных конфликтов и войн. Глубинные противоречия, лежащие в основе силовых столкновений, потому и являются по своей природе географическими, утверждал Н.С. Мироненко [2001].

Не дело географа держать ту или иную сторону в политических и даже межнациональных распрях. Его дело с беспристрастностью энтомолога, наблюдающего через лупу за поведением насекомых, рассматривать пространственное выражение бурных политических процессов. «Такая география - пишет геополитолог А.В.Новиков - уводит ученого из мира политических страстей, вооружает его глобальным видением мира, соприкасает с вечностью, и тогда сиюминутные распри кажутся ничтожными перед могучим потоком Истории» [1989, с.160].

В современной российской политике память о ее географической детерминанте вытеснена наивной верой в хорошие отношения между государствами, надеждами на дружеские чувства между лидерами стран, любовью к международным коалициям. Но, как отмечает Э.А.Поздняков [1993], союзы создаются не благодаря чувствам и эмоциям, а вследствие действия географических причин и баланса сил. Дружеские же чувства между правителями - следствие этих причин, а не экономического сотрудничества. Правители приходят и уходят, умирают даже диктаторы, но неизменными остаются цепи гор, берега морей, направление рек. Именно они будут предопределять внешнюю политику (экспансию) государств. Это происходит потому, что география – самый фундаментальный и постоянный фактор исторического процесса. Поэтому наиболее дальновидные деятели выстраивали свою внешнюю политику (экспансию) на географических принципах.

Ряд мыслителей предсказывает, что мир следующих десятилетий будет куда более жестким, чем мир холодной войны [Валлерстайн, 2003]. Агрессию прошлого века все-таки сковывала забота двух сверхдержав о том, чтобы война не переросла в ядерную. Теперь возможности угрожать полным уничтожением миллионам неограниченно возросли. В “ядерный клуб” недавно входила лишь “большая пятерка”: США, СССР, Великобритания, Китай и Франция. А теперь ядерные боеголовки доступны Индии, Пакистану, Израилю, Северной Корее и, как предполагается,

Ирану. Любая из этих стран запросто может уничтожить мир. А остальные страны задаются вопросом: если все страны мира равны, то почему одним можно иметь ядерное оружие, а другим нельзя?

Понятно, что сами народы воевать друг с другом не станут. Их ведут в бой амбициозные пассионарии и созданные ими политические системы. Финансирование этих войн дает банкирам ни с чем не сравнимый доход. Народы же только подставляют себя под пули и оплакивают «с кровавых не вернувшихся полей». Хорошо сказал по этому поводу Артур Шопенгауэр [электронный ресурс]: «Мир представляется как некий ад, который тем ужаснее дантовского ада, что здесь один человек должен быть дьяволом для другого, к чему, разумеется, не все одинаково способны, а способнее всех какой-нибудь архидьявол: приняв на себя облик завоевателя, он ставит несколько сот тысяч людей друг против друга и кличет им: «страдание и смерть — вот ваш удел: палите же друг друга из ружей и пушек!», — и они повинуются».

Еще совсем недавно Америка была лучше всех защищена окружающими ее океанами. Ныне они из фактора защиты превратились в фактор угроз от оружия массового уничтожения подводного базирования. А лучше всех защищенными выглядят глубинные районы России. Красноярск, к примеру, самый удаленный от берегов всех морей и океанов из крупных городов мира. Ведь расположен он почти в самом центре Азии. Это делает город наилучшим образом защищенным от любых ударов с атомных подводных лодок и надводных кораблей.

Впрочем, нынешнее человечество с его взбалмошными правителями весьма неустойчиво. Если ещё недавно его крах ожидался от экологического кризиса, то ныне оно приближается к атомной самоликвидации. И тут сибирский писатель Анатолий Омельчук в новом неожиданном свете вырисовывает значимость Сибири. «Мысль о запасной земле человечества пришла мне, когда я оказался, это было очень давно, в тех местах, где сегодня на полуострове Ямал строят Сабетту. И мне рассказывал простой зоотехник, как они попали в метель и 15 суток без пищи, без огня выживали со своими оленями, он при этом вообще не считал, что произошло нечто экстраординарное. Я, честно говоря, подумал, что, если случится ядерная зима, еще что-нибудь такое, то выживут только они. Потому что они слушают голос земли,

понимают ее, и не завязаны на всю эту пресловутую цивилизацию. Если планета сможет возродиться, то только потому, что останутся они. Только они имеют шанс» [Наталья Дворцова. Электронный ресурс]. Со всеми видами грядущих катастроф справится, таким образом, не индустриально-рыночная демократия, а те немногие районы планеты, где есть к тому мудрые этнокультурные предпосылки.

Время уяснить, что жизнь любого, быть может, прообраз особой цивилизации особого типа, оставшейся после нас. Лишь тот, кто поднял сушу до заоблачных высот Гималаев и протянул ее от Огненной Земли до Таймыра, знает, ради какого возвышения допускает существование человека там. Новым императивом географической науки должна стать разработка стратегий выживания с позиции того неведомого, что может подстергать человечество на его тернистом пути в свое грядущее, как это, возможно, уже не раз происходило в истории человечества.

И уже можно предвидеть как на маргинальных осколах погибшей цивилизации возродится новая протоцивилизация, быть может наконец-то не с той энергетикой к уничтожению себе подобных. Можно допустить при этом, что и ее ученые начнут старательно выводить себя из обезьян и тщательно закрывать глаза на те немногие артефакты, свидетельствующие о существовании их могучих предшественников.

Все мегалитические сооружения, типа Аркаима, которыми могло бы так гордиться человечество, низведены к сооруже́нным полудикарями от нечего делать. «А осознать их значение важнее всего для России, полагает Ал.А.Григорьев. Это-то определенные круги, похоже, и не устраивает. Ведь тогда «также прояснится значимая роль в мире предшественниц России, вероятно, также как и сейчас великих и многонациональных. Возможно, именно поэтому долгое время была непоколебимой географическая концепция о великих оледенениях прошлого, которые якобы словно гигантским ледовым покрывалом простирались на равнинах России» [2017, с. 204]. Ал. А. Григорьев [2020] отмечает также, что признание катастрофизма происходит благодаря творениям таких гениальных мастеров, как Эмиль Верхарн, Валерий Брюсов, Вильям Блейк, Федор Тютчев, Велемир Хлебников, Уолт Уитмен. Ими был вскрыт глобальный характер

катастроф и причины гибели исчезнувших цивилизаций.

Важнейшей темой гуманитарной географии следует признать также те угрозы, что уже могли угрожать человечеству, и те, что могут дестабилизировать его в будущем. В связи с этим разработка стратегий выживания становятся новым императивом гуманитарной географии. Любая крупная катастрофа, вроде пандемии или войны, наглядно смыкает физическую географию с географией экономической и вместе с тем оказывается за пределами пристального рассмотрения, как той, так и другой. Это типичные гуманитарно-географические проблемы, оставляющие свой зловещий отпечаток как на человеке, так и на природе.

Телеология катастроф

Платон полагал, что настоящее определяется не только прошлым. Оно еще стремится соответствовать будущему, которое существует в настоящем в виде стремления к неким целям. Он определял их как «эйдосы», действующие на все сущее извне. Уподобиться своим «эйдосам» стремятся все вещи видимого мира. Они как бы предшествуют своим эйдосам. Творец тоже действует в соответствии с неким своим высшим прообразом и идеалом. Все его создания тоже имеют свой идеал. У времени таким идеалом является вечность.

С Платоном соглашался Аристотель. Но он считал, что помимо эйдосов существует еще некая внутренняя цель («энтелехия»), согласно которой действует природа. Если сравнивать произведения природы с произведениями искусства, то и те и другие обладают не только формальными чертами единства, цельности и завершенности. Они еще целенаправленны для чего-то разумного. Только душа произведения искусства находится вне его, она и есть эйдос, цель этого произведения. В природных же организмах цель присутствует в них самих. Так, семя или яйцо уже изначально содержат в себе начала жизни, стремления и души. Эта душа и есть энтелехия и цель, придающая структурную цельность телу. Поэтому организмы более цельны, более прекрасны и в большей мере являются сущностью, чем произведения искусства [Аристотель, 1937; Лосев, 1975].

Не только живые существа, но и все природные системы имеют внутреннюю цель (энтелехию). Также развивается история, направленная к достижению своего изначального идеала. Настоящее таким образом как бы уже запрограммировано будущим, а прошлое - настоящим. Поэтому в свой момент всему и предопределенно стать тем, чем надлежало быть. Разыскание конечных целей есть первейшая и самая важная задача исследования природы», – повторял за Аристотелем Л.С.Берг [1977, С. 64]. В современной системной фразеологии такие цели именуются аттракторами (лат.: *attrahere*—притягивать). Специалисты в области синергетики утверждают, что противиться аттракторам нет смысла. Аттракторы все равно заставят двигаться в нужном направлении. Хотя само движение к аттрактору идет через кажущуюся случайность выбора пути в критические моменты, которые называют точками бифуркации. Некоторыми они воспринимаются как сбой, как досадное недоразумение. Другие полагают, что точки бифуркации как раз и есть те вехи, что позволяют формировать судьбу. Есть и такие, что не готовы воспринимать точки бифуркации как следствие чистой случайности. Какая тут может быть случайность? Случайно ни один волосок с твоей головы не упадет, «даже волосы у тебя на голове все сосчитаны!» (Матф.10:29-31).

Иммануил Кант в «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784) пояснял. Люди женятся, выходят замуж. Казалось, бы очень индивидуальны и часто случайны эти их выборы и поступки. Но обуславливая рождения и смерти, браки, они осуществляют некие законы природы и ведут человечество к неведомой ему цели. Предполагать при этом у отдельного человека наличие разумной цели, по Канту, не приходится «все в целом соткано из глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению» [1990, с. 7]. Но невероятный ряд поколений обнаруживает некую общую для всего человечества разумную цель истории. Введение телеологического принципа в познание позволяет объяснить гигантские объёмы фактов. «А это необходимее всего в истории, где ни одно событие не брошено без цели» - провозглашал великий Гоголь [1986, с. 37]. Напротив, отрицание телеологического момента теоретической модели

социально-исторического процесса, отвержение цели и плана человечества лишает исторические события перспективы их объяснения [Бахтин, 2023].

Вместе с тем, мы живем в принципиально нестабильном мире, предвидеть в котором ничего нельзя. Постоянно существует вероятность «черного лебедя» с самыми неожиданными последствиями и потрясениями. Как утверждал в 1924 г. А.Л.Чижевский: «За редчайшими исключениями во всей истории человечества мы не отыщем фактов ясного предвидения историческими лицами ближайшего будущего своих народов и государств или конечных результатов войн и революций. Исторические события, завершаясь, всегда давали иные итоги, чем те, которые были предположены при их возникновении. Получалось как будто не то, к чему стремились или чего желали люди и целые сообщества» [1990, №1, с. 22].

Благодаря бурной истории катастроф, грядущее никогда не похоже на прошлое и в своей сущности не выводится из него. На том и зиждется свобода выбора, дарующая в конечном итоге развитие. Ведь если бы могли предсказывать будущее и готовиться к нему («знал бы, где упасть, соломки бы подстелил»), то были бы скорее не людьми, а биороботами.

Катастрофы в истории Земли и человека служат, по всей видимости, предотвращением куда более опустошительных событий. Давайте представим, что катастрофа Великой Отечественной войны брала бы отсчет не с 22 июня 1941 года, а с 22 июня 1951 года. Ведь жертв и трагедий было бы тогда неизмеримо больше хотя бы потому, что все главные игроки обладали бы к тому бы времени атомным оружием.

С другой стороны, разразись в 1941 году глобальная физико-географическая катастрофа, и война бы сделалась бессмысленной. Катастрофа даже объединила бы противников в противостоянии угрозе.

Так почему же Провидение не уберегло мир от стольких жертв? «Положим, силы иных миров остановили бы войну 14-го года. Войны бы не было. Много людей избавилось бы от страданий и смерти. Но человечество так грубо, что только эти страдания могли возбудить в нем отвращение к войне. Только они оказались «наукой», заставившей людей думать иначе, способствовали движению их мысли. Что делать, люди таковы,

что только тяжкие страдания могут их переделать и вести к лучшему. Так, может быть, хулигана ничем не уймешь, кроме грубого наказания, пьяного буяна приходится связывать, на сумасшедшего надевать смирительную рубашку» [Циолковский, 2001, с. 59-60].

Между духовным возвышением и катастрофой прослеживается самая зримая причинно-следственная связь. В годы испытаний у людей пробуждалось много положительного, усиливалось сострадание, завязывались узы взаимопомощи. Храмы в такие времена наполнялись людьми. «Именно в катастрофические эпохи человеческое сердце дает миру лучшее, что в нем есть, а уму открываются те глубочайшие тайны, которые в будничные эпохи истории заслоняются от умственного взора серою обыденщиною» — писал Евгений Трубецкой [2003, с. 373].

В плане подстерегающих нас катастроф, каждый день нужно жить как последний. Но мы так не живем. Надеемся на лучшее. Нас успокаивает наблюдаемая повсюду устойчивость - в смене зимы и лета, восхода и заката. Поэтому в общих чертах представляем, что нас ждет завтра. Прошлое уже ушло, будущее еще не пришло. Но оно тоже быстро уйдет. Необратимо уходит – Время, наш самый драгоценный ресурс. Ничего из прошлого не изменить. «Все проходит, и это пройдет» – цитировал царь Соломон надпись со своего кольца. Настоящее тоже унесет время, этот величайший нам дар.

Только будущее в наших руках. Но оно очень вероятно и малопредсказуемо. Можно разбогатеть и можно заболеть. Все может быть, или не быть. Только одно достоверно известно. Когда-нибудь над всеми нами восторжествует смерть, унеся нас со всеми нашими страданиями.

Впрочем, приходит время и все плохое проходит, как, впрочем, и хорошее. Тогда мы часто сознаем, что зло было лишь невидимым нам по близорукости благом. Не дано нам знать, что лучше или хуже? Жизнь, разрушающая любовь, или смерть, делающая её вечной? «Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (Еккл. 6:12).

Тотальный идеологический контроль

Никогда ещё общество не имело столько свобод как к началу XXI века. Если до 1991 года до 99,9% информации контролировалось, фильтровалось, просеивалось, подвергалось цензуре (специальное 5-е управление КГБ следило за этим) , то после запуска в 1992 году Интернета свобода информации слилась со свободой перемещения людей через все границы [Бахтин, 2021]. На смену территориальным сообществам нагрянули самоорганизующиеся сетевые социумы. На их основе уже просматривалось становление нового муниципального управления (микрoполитики).

Ныне надежды на воплощение анархических чаяний о прямом народном самоуправлении сокрушены представлениями о грядущем более жестком контроле общества через протоколы Интернета, подтверждаемые все более мощными формами цензуры на всех континентах. Раньше может были и куда более жесткие ограничения, но касались они отдельных стран. В СССР, например, было немало что засекречено при определённых ограничениях на свободу передвижений. Как говорил студентам экономико-географам географического факультета МГУ профессор Н.Н.Баранский: «Если вы выберете экономическую географию зарубежных стран, то вы сможете много читать и потом писать об этих странах, но никогда не сможете их увидеть. Если вы выберете экономгеографию СССР, вы сможете много увидеть и узнать о своей стране, но никогда не сможете написать об этом» [цит. по Слепенчук, Щербаков, 2023,с. 97].

Но тогда западные страны были символом свободы слова. Теперь ограничения охватили и их. В самом свободном из обществ все меньше остаётся того, о чем можно говорить. Назовёшь кого-то не тем толерантным словом и наживёшь серьёзные себе неприятности. «В былые времена Шекспир, по крайней мере, мог совершенно свободно писать и ставить свои пьесы. Сегодня большинство его произведений были бы запрещены как «политически неправильные». «Отелло» — за расизм, «Укрощение строптивой — за женофобство, а «Ромео и Джульетта», следуя высказыванию одной весьма прогрессивной британской учительницы, отказавшейся вести своих воспитанниц на спектакль, — как «примитивно гетеросексуальное представление»» [Буковский. 1996, с. 521].

Парадокс в том, что апогей и свобод, и несвобод наступил одновременно. Совпали они благодаря глобальной цифровизации. Пару лет назад казалось бы немислимыми были бы запреты в обществе на обсуждение последствий какого-либо медицинского препарата. Теперь уже никого не удивляют призывы подвергать уголовному преследованию за отказ от вакцинации. Отдельно клеймят тех, кто не согласен с утверждениями о потеплении климата и вреде выбросов углекислого газа. Для оппонентов не остаётся никаких трибун. «При этом все сложнее придерживаться нейтралитета... Это тоже черта глубоких революций... Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» – превосходная иллюстрация безуспешности попыток интеллигента Живаго остаться в стороне от гражданской “человекоубоины”» [Гринин, Гринин, 2022, с. 581].

О зле и добре предпочитают не говорить. Никто из политиков не может указать на зло. На вопросы «кто виноват?» или «кто за этим стоит?», – реагируют как на нечто неэтичное и неприличное. «Тема добра и зла выведена за рамки гуманитарной науки как нечто „неакадемическое“. Этого вопроса нет в образовательных стандартах... Но именно с разграничения вопроса добра и зла и начинается социогенез. Без этой дихотомии не может состояться ни одно сообщество. И купирование вопроса о добре и зле есть путь, если называть вещи своими именами, самоликвидации. Сообщества, как это не единожды показывала мировая история, гибнут, разучившись различать между собой добро и зло» [Якунин, 2017, с. 19].

Нечто подобное аллегорично передают великие мастера живописи Средневековья. В те времена выбор был более категоричен и финален. Жизнь и смерть ходили рядом. Надо было постоянно быть готовым к ответу: что спасать? – душу или тело? Добро тогда связывали с духовным миром, зло — с миром материальным. А иногда считали, что добро и зло сотрудничают между собой. Что зло столь же необходимо для выявления добра, как тьма для выявления света.

Зато возникли опасные иллюзии о беспредельности человеческого совершенства и совершенной его автономности. Они могут стать наиболее эффективными инструментами самоуничтожения, которые когда-либо изобретались человеческой культурой — предупреждает Жак Атали [1993].

В.И. Вернадский писал: «Геологические науки в XIX в. заставили и религию, и философию силой логики и жизненных приложений склониться перед научным фактом и переделать свои построения» [Вернадский, 1988, с. 236]. И те склонились. Даже в православии утвердились ересь сциентизма, низконаукопоклонничества и распространились воззрения, что если Бог всемогущ, то вполне мог попустить и эволюцию, которая рассматривается как научно доказанный факт. Человек в ней своему происхождению обязан обезьяне. Но тогда и именуйтесь обезьянопоклонниками, господа хорошие, поскольку в православии человек выводится от Адама.

Только в науке идеология определяет какие парадигмы правильны и что для них является или не является фактом. Сама же по себе «теория не следует из фактов, так как из них вообще ничего не следует, они ни на что не указывают, ни о чем не говорят... На одни и те же факты с успехом могут наложиться различные теоретические объяснения, в силу чего в науке на протяжении всей ее истории конкурируют противоположные идеи, концепции и картины мира» [Гусев, 2018].

В основу современной научной идеологии был положен фундаментальный догмат о случайности. Никакой цели у этой случайности нет и быть не может. Тем не менее, парадоксальным образом именно случайность предопределяет закономерный эволюционный прогресс всего сущего. Все объекты природного происхождения эволюционно самоорганизовались в процессе случайного перехода от хаоса к порядку, благодаря некой неравновесности. Такое понятие как «цель» оказалось выброшенным за борт современной науки. Сами эти идеологи наукой обычно не занимаются, но как пишет В.Н.Тростников [1989], среди них много авторов научно-популярных книг, школьных учебников и именитых философов.

Большинство научного сообщества понимает нежелательность разработки тех или иных тем, сознавая нежелательность возражений по этому поводу. Понятно, что не может быть по табуированным темам ни серьезного финансирования, ни научных конференций высокого уровня, ни научных грантов, если только исследование не будет направлено на высмеивание таких тем. Поэтому, если вступающему в науку студенту кажется, что все дороги перед ним в ней открыты, то уже

начиная с курсовой работы, он начинает понимать, что не все может быть разрабатываемо. Надо делать то, что рекомендуется, а не то, что хочется и к чему лежит душа. Со временем он все больше выстраивает свою деятельность именно так, как надо.

Методолог науки Пол Фейерабенд пишет: «Современная наука подавляет своих оппонентов, а не убеждает их. Она действует с помощью силы, а не аргументов... Скептицизм сводится к минимуму; он направлен против мнений противников и против незначительных разработок собственных основных идей, однако никогда против фундаментальных идей. Нападки на фундаментальные идеи вызывают такую же "реакцию, как "табу" в так называемых примитивных обществах... Фундаментальные верования защищаются с помощью этой реакции, и все то, что не охватывается обоснованной категориальной системой или считается несовместимой с ней, либо рассматривается как нечто совершенно неприемлемое, либо - что бывает чаще - просто объявляется несуществующим» [1986, с. 451-454]. М.В. Бахтин [4] замечает, что «90% ученых, философов, обществоведов как попугаи повторяют псевдонаучные формулы, которые они черпают в дешевых СМИ... Это говорит о крайне слабом уровне критического мышления современного научного сообщества, которое не может отличить научный факт от элементарной журналистской утки».

С пандемией государственная идеология еще более определяет, что является истиной, а что нет. К ней подлаживается господствующая научная парадигма. На определённом этапе господствующая парадигма может смениться на другую, и не лучшую, более соответствующую действительности, а просто иную [Гусев, 1989]. Бывает, новые идеологии громко заявляют о себе, но нередко действуют исподволь. Реализуясь в самых разнообразных формах и практиках идеологические воздействия становятся все более разнообразными и невидимыми. Экономическая и юридическая науки даже рассматриваются как разновидность «риторики», построенной на искусстве интерпретации и переубеждения.

Утверждается, что кто не обучится быстро и качественно работать онлайн, будет не нужен на рынке образовательных услуг и в науке. Возможно так бы оно и было, если бы работа на этом рынке и в науке была бы посвящена делу. Тогда бы уже сейчас

80% рабочих мест можно было бы сократить. Пандемия то подтвердила. Но количество посещающих работу работников всегда было признаком могущества руководителя. Работа в научно-образовательном учреждении и раньше вовсе не требовала постоянного присутствия на рабочем месте. Но вот у меня вся жизнь - непрерывная борьба за право работать вне работы. Живу далеко и каждый день ездить 2-3 часа до МГУ в одну сторону выматывающе. А меня непрерывно прессовали к рабочему месту рабочими расписаниям. Только последние несколько лет отстали.

Чуть ли не любой руководитель начинает свою деятельность с ужесточения дисциплины, чтобы все были на работе. Когда я работал в Лаборатории Севера МГУ на Красносельской то должен был пребывать на рабочем месте. Только после 17 часов мог поехать в Ленинскую библиотеку, где уже по-настоящему принимался за работу до закрытия. Смягчения в рабочем расписании последовали только со сдачей в аренду помещений лаборатории. Иногда думаешь, сколько бы мог сделать бы мог сделать для науки, если бы не вынужденное пребывание в стенах науки.

Что же в будущем? Уменьшится ли свобода? Ведь население будет расти. Экологический кризис никуда не уйдет. Все более растущее население потребляет все больше природных ресурсов и не только в абсолютном, но и в среднестатистическом исчислении. На всех всего не хватит, все богатыми стать не смогут Или из-за всего начнутся войны, или придется все распределять из какого-то единого центра. Существование при высокой плотности населения возможно только при интенсивном регулировании, что ведет к значительному уменьшению свободы действий.

Надежды на воплощение мечтаний и чаяний о прямом народном самоуправлении с последующим исчезновением значения столиц и границ все более сокрушаются представлениями о грядущем более жестком контроле общества через протоколы Интернета. Благодаря кредитным карточкам, мобильным телефонам, Интернету, спутникам слежения и прочей технике, жизнь каждого непрерывно регистрируют, фиксируют, фотографируют, просматривают и прослушивают.

Быстра и скоротечна река времени. Глубоко размывает свое ложе ложью, загромождает мифами берега, намывает новые

вымыслы. У каждого в ее стремлении своя правда, обрамленная своими реальностями жизни. Знание в ней о прошлом всегда было переменчивым и непостоянным. Наглядным тому подтверждением служит история Великой Отечественной войны. В 1945, 1957, 1964, 1975, 1989, 1993 и сейчас – это в значительной степени различные истории. А поскольку они еще различны в зависимости от политических, национальных и иных предпочтений, то и представить ее даже в общих чертах непросто. Одно дело история этой войны глазами власовского солдата, другая совершенно она в воспоминаниях участника бандеровского движения, третья – в разработках американского политика. Никто из них ни в чем не обманывает, но и правда каждого из них своя. Вот такая история. Хорошо о ней сказал Джордж Оруэлл в романе «1984»: «Кто контролирует прошлое, — контролирует будущее. Кто контролирует настоящее, — контролирует прошлое».

Возьмём, к примеру, историю Московского университета им. М.В.Ломоносова. Вряд ли может быть какая-нибудь более лучше изученная история, чем Московского университета. Ведь главный университет страны в составе своего исторического факультета располагает самым крупным в мире коллективом историков. Им опубликованы тысячи работ по истории Московского университета. Из них можно узнать, что основал МГУ великий естествоиспытатель М.Н.Ломоносов, имя которого присвоено университету. Проект Главного Здания на Воробьевых Горах создан группой талантливых архитекторов под руководством Льва Руднева. Координация работ по его возведению, оборудованию и подбору кадров осуществлялась ректорами А.Н.Несмеяновым и И.Г. Петровским.

На деле все было не совсем так, а то и вовсе не так. Университет был создан по инициативе и указу царевны Елизаветы Пётровны, дочери Петра I. Потому и носил название Императорского университета. Профессором в нем был М.В. Ломоносов. Наибольшую известность широкому энциклопедисту того времени принесли работы по истории. Главная книга И.В.Ломоносова «Древняя Российская история...» (1754-1758 гг.) сегодня почти не известна российскому читателю. В ней великий ученый уводит корни русского народа в глубины тысячелетий. Вовлекает в славную историю Руси этносы, издревле известные

под разными именами античным авторам, составителям библейских книг, арабским, персидским, китайским и другим хронист

Имя Ломоносова было присвоено МГУ в 1940 году, а с 1932 по 1937 год МГУ носил имя историка М.Н. Покровского. Имя Покровского носил также с 1932 года до объединения с педагогическим институтом имени Герцена в 1958 году, Ленинградский педагогический институт. М.Н. Покровский тоже был в своё время широко известен, как автор многочисленных курсов, учебников и книг по российской истории. Только в отличие от трудов М.В. Ломоносова, наполнены они ненавистью ко всему русскому. Современные историки не любят упоминать, что имена Московскому университету присваивались двум авторам книг по российской истории, правда, сегодня малоизвестных.

Строительство университетского комплекса на Ленинских горах началось в январе 1949 г. по личной инициативе И.В.Сталина. Он хотел построить лучшее в мире университетское здание и поручил руководство этим делом Л.П. Берии. На этой самой крупной в истории Москвы стройки было занято 14290 одних только заключенных. Незадолго до торжественного открытия символа нашей науки Л.П.Берия был расстрелян. Своёобразным памятником ему осталась стоящая высотка МГУ. Одновременно с МГУ сооружал Л.П.Берия и советский ядерный щит, избавивший наши города от участи Хиросимы. На основе руководимого им ядерного проекта сформировалась тогда известная теперь всему миру школа ядерщиков-физиков МГУ. Но ни один из выдающихся профессоров исторического факультета МГУ не отводит места в истории Московского университета именам ни Сталина, ни Берии, ни Покровского, даже о Елизавете Петровне упоминается как-то вскользь.

Имя маршала Берии так тщательно вымарывалась из истории Московского университета, что до сих пор нельзя ничего найти о происхождении красного мрамора, которым облицованы внутренние стены первого этажа главного здания МГУ. Это одно из главных украшений университета, но никаких указаний не было где добыт этот мрамор ни в изданиях 1950-х годов о каменных украшениях в МГУ, ни в Интернете. Абсолютно тем же мрамором облицованы стены станции метро Краснопресненская

и применительно к ним никакой уже тайны нет. Это салиетский мрамор юрского периода из Мингрелии, с родины Берии.

Если даже история такого объекта, как Московский университет, столь недоосвещена, то что же тогда говорить вообще о прошлом.получается,чем больше науки,тем меньше истины, тем труднее во всем разобраться.

Еще более непримиримо отношение к трактовкам некоторых исторических событий. Подчас государство требует «единственно-верных» b[интерпретаций и пониманий. Цифровая централизация берется контролировать правду. Информация противоположная господствующей трактовке оценивается как клевета. Расширяется число табуированных тем. Хотя «запрет этой темы делает ее лишь интересней для самостоятельно думающих людей» [Шелкопляс, 2018, с 137]. Над свободой интерпретаций сгущаются тучи.Вспоминается министерство правды в романе Оруэлла «1984» [Оруэлл...,], занимавшееся переписыванием и фабрикацией истории. Как мантра повторяется, что «история не имеет сослагательного наклонения». А ведь потому она ничему и не учит, что ее уроки возможны лишь при вариативном прочтении.

Вспомним недавнее прошлое. Никогда советская наука не рассматривала серьезно никакого глобального катастрофически быстрого сценария. Она утверждала веру в эволюцию социально-экономических формаций, постепенного их перехода к коммунизму и в слияние всех народов СССР в единый советский народ. Тысячи диссертаций были посвящены обоснованиям этих концепций. И ни одной не было защищено против. На страже недопустимости таких работ бдительно стоял идеологический аппарат ЦК и самого КГБ. А может, если бы предостерегала какая-то работа, рассматривающая самый катастрофический сценарий, то и не рухнула бы великая страна?

«В один же день и бедственную ночь» случилось все наоборот. Сам СССР оказался внезапно разрушен. Его осколки приступили к строительству капитализма. Получилось нечто диаметрально противоположное тому, что предрекалось, к чему все шло на стадии первоначальной. Характерно, что ни могучие вооруженные силы, ни самая мощная и дорогостоящая система государственной безопасности ничем не послужили сохранению территориальной целостности государства. Их без единого

выстрела сразили геополитически мыслящие в пользу Запада интеллектуальные силы. А может, если бы предостерегала какая-то работа, рассматривающая самый катастрофический сценарий, то и не рухнула бы великая страна? Один из наиболее компетентных социальных аналитиков Е.В.Шелкопляс отмечает «По сути, великое государство, общество и культура были погублены учёными и политиками, подменившими требование науки о постоянном развитии знаний в меняющемся мире заклинаниями и цитатами из уже устаревших, но канонизированных трудов предшественников» [Шелкопляс, 2028, с. 144]. Так что пагубность ложной философии нельзя недооценивать.

Характерно, что и западные советологи тоже не смогли предсказать распада СССР, одну из причин того Н.С.Мироненко [2001] находит в том, что их методика пренебрегала историей, литературой, показаниями свидетелей, тяготела к притянутой статистике. А вот гибель религии в СССР, напротив, казалась неизбежной. На эту цель были затрачены огромные средства. И что же? Религии не только не погибли, но и процветают в пореформенной России. Все средства на их уничтожение оказались затраченными впустую. Разве наука что-то выиграла от этой борьбы? Точно также в свое время агрессивная религиозность оказалось бессильной в борьбе с наукой.

«Любое сужение окружающего нас мира может привести к взрывоопасным последствиям, потому что оно исключает из картины некоторые источники неопределенности и принуждает нас неверно интерпретировать ткань, из которой соткан мир» – пишет американский мыслитель ливанского происхождения Нассим Талеб [Талеб. 2010, с. 50]. Его сочинение «Черный лебедь» демонстрирует ловушки ретроспективного воспроизведения настоящего и чрезмерным вниманием к средним с пренебрежением к отклонениям. Таким «черным лебедем» могут обернуться практикуемые методы ограничений интерпретаций тех или иных сценариев.

О новой идеологии

В постатеистической России люди ищут Бога через науку. «Физики без метафизики нам не хватает, но и метафизика без

физики нам не нужна» [Генис, 2003, с. 210-211]. А в ответ им заученно твердят: «Научно только исследование, не допускающее существование Бога, потому что исследование, допускающее существование Бога, ненаучно». Науке нужен прорыв ко многим мировоззренческим моделям, в том числе альтернативным и полярным, устоявшимся.

Но и церковная организация не должна оставаться лишь «приютом для усталых и отсталых». Ещё русские религиозные философы XIX–начала XX веков говорили о необходимости принципиального обновления Церкви. С.Н.Булгаков писал: церковная ограда должна вместить в себе не только дом для инвалидов, но и рабочую мастерскую, и учёный кабинет, и художественную студию. Так должна вновь возродиться церковная жизнь» [Булгаков. 1997, с. 347—348].

Среди величайших тайн Вселенной все более высвечиваются: «Откуда появился человек, есть ли душа или ее нет? Если есть — бессмертна ли она или смертна? Живет ли она один раз, как утверждает христианство, или перевоплощается множество раз в различных телах? Как связана душа с телом? Есть ли судьба? Связана ли судьба человека с точным временем и местом его рождения? Как на судьбу человека влияют небесные тела? Можно ли заглянуть в будущее человека? Что такое предвидение, на чем оно основано?» – резюмирует выдающийся исследователь творчества философов М.В.Бахтин [2022, С. 8].

А быть может, в утробе матери, нужно и столь много «избыточно лишнего» генетического материала, чтобы душа тщательно выбирала своих будущих родителей. Если бы зачатие каждого человека было бы случайным, Земля бы наполнилась всевозможными уродами. Но на ней преобладают красивые люди, в особенности дети. Значит, там не случайная лотерея и даже не «поле возможностей», а нечто сродни мистическому «Бог есть любовь».

Ещё быть может и все эти гигантские расстояния с их «избыточно-излишним» звёздным материалом критически нужны и важны для нас? Может в чем-то права праматерь астрономии астрология, столь неистово попираемая современными астрономами? К.Э. Циолковский рассматривал весь космос как то, что обуславливает нашу жизнь: «Трудно предположить, чтобы

какая-нибудь его часть не имела рано или поздно на нас влияния» [2001, с.43].

Вся наука, а вслед за ней и вся культура в целом должны, следуя развитию современной физики, отказаться от фундаментального догмата о случайности, положенного в основу современной научной идеологии. По словам выдающегося российского философа Виктора Аксючица: «Тот образ вселенной, которым так гордится наука (“мир—автомат”, “вселенная—заведенные часы”), — это образ ада... Бесконечный круговорот вещества, существование по застывшим неизменным “законам” лишены цели, а значит, и смысла, а бессмысленное прозябанье — это одна из форм небытия» [Аксючиц, 2018, с. 377].

Вопросы устойчивости земной биосферы волнуют нас не только из любознательности. В зависимости от даваемых ответов на ее причины получаем не только различную картину мироздания, но и по-разному видим мир. Или мы – хаотическая песчинка на краю бездушной Вселенной, или все вращается ради нас. От этих представлений выстраивается не только мораль, но и само счастье человечества.

Еще 50-70 лет назад ничего не было известно ни о тончайшей настроенности Вселенной на человека, ни о невероятной сложности биосферы. Картина мира могла быть аппроксимирована простейшими законами природы (законы Ньютона, закон Ома), эволюцией и актуализмом. Открывшаяся невероятная антропность мира аппроксимируется скорее компьютером с его программами настроенными на пользователя и работающими при его правильных запросах (молитвах). Мир уже не может быть истолкован с позиции редукционизма, эмпиризма, актуализма, атеизма, позитивизма, механистического материализма. Начался трудный процесс преодоления противопоставления души и тела. В неклассической эпистемологии сознание воплощается телом, а тело оживляется духом. Румынский профессор медицины Д. Константин-Дулкан обосновывает формирование мозга сознанием, а организма мозгом [Constantin-Dulcan, 2008].

Актуальным становится конструирование новой идеологии, способной стать путеводной звездой для многих сердец. Выстраивать ее видимо следует в духе антропокосмичности. Водворяя человека в центр Вселенной, она повышает уровни

нравственного и интеллектуального здоровья человечества и умиротворяет его. Хочется надеяться, что на этой основе осуществится долгожданный переход к духовному возвышению.

Список литературы

1. Аксючиц В. В. Гибель богов натурализма. Пределы науки и фиаско научного мировоззрения. – М., Берлин : Директ-Медиа. – 2018. 293 с.
2. Аристотель. О душе / Аристотель. – Москва: Государственное социально-экономической издательство – 1937. – 180 с. – https://vk.com/doc-169555587_512174868.
3. Аршинова В.В., Токарь О.В., Кузнецова Н.В., Арпентьева М.Р., Киричкова М.Е., Новаков А.В. Тревел-психотерапия или психотерапевтический туризм // Сервис в России и за рубежом. 2018, Том 12, Вып. 3 (81). С.6-24.
4. Афанасьев О.Е. Фронтирность и дуальность как интегральные характеристики геоисторического региона «Юго-Восточная Украина» // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 166–174.
5. Баранский Н.Н. Страноведение и география физическая и экономическая // Н.Н. Баранский. Избранные труды. Научные принципы географии. – М.: Мысль. 1980. С.18-51.
6. Барков А.С. О научном краеведении // Вопросы методики и истории географии. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71–83.
7. Бахтин М.В. Пандемия – прорыв в новый технологический уклад? // Человек в современном мире: пандемия и новый технологический уклад. Сборник научных трудов / Сост., ред. М.В. Бахтин, И.Э. Соколовская. – М.: Энциклопедист-Максимум, 2021 – С. 9-21.
8. Бахтин М.В. Человек в поисках себя: очерки антропологических и этических учений. Том I. Античность и Средневековье – Рагуза. – 2022. – 470 с.
9. Бахтин М.В. Развитие принципов причинности и телеологизма в моделях истории А. Тойнби и М. Вебера // Антология современной русской философии. Том 6. Сост., вступ. ст. М. В. Бахтин. – Рагуза-М: «Энциклопедист-Максимум», 2024. – С. 4-12.

10. Белаш Н.Ю. Фронтьер в Америке. Фронтьер в России? // География. – 1996.– № 5.– С. 12-13.
11. Берг Л.С. Предмет и задачи краеведения. Как изучать свой край. – Л.. 1925.– 65 с.
12. Буковский В. Московский процесс. – Париж-Москва: Русская мысль - Издательство «МИК». – 1996. – 526 с.
13. Булгаков С.Н. Церковь и культура // Булгаков С.Н. Два града. Исследование о природе общественных идеалов. – Санкт-Петербург: РХГИ. – 1997.– 589 с.
14. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / Пер. с англ. под ред. Б. Л. Иноземцева; Центр исследований постиндустриального общества. /И. Валлерстайн – М.: Логос. – 2003. – 368 с.
15. Вернадский, В.И. Пространство и время в неживой и живой природе // Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М.: Наука. – 1988. – С. 210-385.
16. Вернадский В.И. «Мирное сожителство народов...» (Из размышлений по национальному вопросу) // Советская культура, 1989, 14 сентября, С.6.
17. Вернадский Г. В. **Начертание русской истории.** — **Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927.** — **264 с.**
18. Вернадский Г. В. **Русская история.** — **Аграф, 1997.** — **542 с.**
19. Генис А. Культурология. – Москва: У-Фактория. – 2003. – 544 с.
20. Гиренок Ф. Г. Фигуры и складки. 2-е изд. /Ф. Г. Гиренок./ – М.: Академический Проект. – 2014.– 244 с. («Философские технологии: hic et nunc»).
21. Гоголь Н.В. Статьи / Н.В.Гоголь // Избранные сочинения. –Том VI. – Москва: Художественная литература. – 1986. – 544 с.
22. Головина П. А., Максимчик О.А. Интеграция руссиеведческого компонента в содержание обучения иностранному языку: экспериментальное исследование // Лингвистика и профессиональная коммуникация. Сборник научных трудов по материалам III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ярославль, 17 мая 2023 года, [Электронный ресурс]. – Ярославль: Изд-во ЯГТУ. – 2023. – С. 166-171.

23. Голубчиков Ю.Н. География человека. – М.: УРСС, 2003, 296 с.
24. Голубчиков Ю.Н., Мнацаканян Р.А. Исламизация России. Тревожные сценарии будущего. — М.: Вече, 2005. — 416 с.
25. Григорьев Ал. А. Наследие эпохи мегалитов. Географические аспекты – СПб.: Астерион. – 2017. – 221 с.
26. Григорьев, Ал.А. Мир географии в зеркале литературы и искусства– М.: АНО «Диалог культур». – 2020. –224 с.
27. Гринин Л. Е., Гринин А. Л. О попытках совершить глобалистскую революцию. 2: Возможна ли глобалистская революция и какова ее цена для мира? // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2022 – 13. – С 572–606. – DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_16.
28. Гумбольдт А. Космос. Опыт физического мироописания. Перевод с немецкого Н. Фролова. Изд. 2-е. Ч. 1. М., 1862. 413 с.
29. Гусев Д.А. Религия, атеизм и наука: интерпретации взаимодействий и эвристических возможностей (в историко-философском и общетеоретическом аспектах) // Вопросы философии. – 2018. – № 6.
30. Дронин Н. М. **Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии.** — М.: ГЕОС, **1999.** — **232 с.**
31. Зархина Е.С. Звезда в траве. Природа–люди–идеи. – Хабаровское книжное издательство. – 1990. – 256 с.
32. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / Кант И. Сочинения в шести томах. Том 6. – Москва: Мысль. – 1966. – 743 с. – (Философ.наследие).
33. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Том IV. Аристотель и поздняя классика– Москва: Искусство.– 1975. – 672 с.
34. Мироненко Н. С. Страноведение: Теория и методы: Уч. пос. для вузов – Москва: Аспект Пресс – 2001. – 268 с.
35. Наталья Дворцова. Анатолий Омельчук и прекрасная Оэлун, мама Чингисхан [электронный ресурс] <https://aspur.ru/natalya-dvortsova-anatoliy-omelchuk-intervyu/>
36. Николаенко, Д.В. Гуманитарная география: Проблемы и перспективы. // Сочинения Д.В. Николаенко – Т. 2.

Симферополь. – 1984. – <http://www.hiv-aids-epidemic.com.ua/past-0010.htm>.

37. Новиков А.В. Из истории политической географии // Политическая география. Современное состояние и пути развития. – М.: МФГО СССР, 1989. С. 154-174.

38. Омельчук А.К. Россия начинается с восхода.—Тюмень: ООО»Инфо-плюс», 2023. — 208 с.

39. Оруэлл Дж. 1984 <https://freelibrary.ru/bookread/103438-dzhordzh-oruell-1984/page-49>

40. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. М.: УРСС, 1999. 272 с.

41. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Россиеведение: на развилке дорог // Россия и современный мир: Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2003. – №1 (38). – С. 28-42.

42. Поздняков Э.А. Концепция геополитики // Геополитика: теория и практика. – М.: ИМЭМОЭ, 1993, С. 7-75.

43. Пфаненштиль И.А. Геополитические аспекты глобализации в контексте цивилизационных перспектив человечества // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 1. С. 40–47. DOI: 10.15372/PEMW20160106.

44. Реклю Э. Земля. Описание жизни земного шара – Том I. СПб.– 1895 – 229 с.

45. Рерих Н.К. Пути благословения. — М.: Держава Рериха. 1999 —432 с.

46. Слепенчук М.В., Щербаков А.Б. Андрей Капица: Колумб XX века – Москва: Молодая гвардия, 2023 – 400 с. – (Жизнь замечательных людей).

47. Смирнягин Л.В. Возможности и потребности заимствований теоретических основ западной географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г. Дружинина, В.Е. Шувалова. Материалы Междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г. Ростов-н/Д., 2010. С. 78–82.

48. Страбон. География в 17 книгах. [Текст] Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского. / Под общ. ред. С.Л. Утченко – Л.: Наука, 1964. – 957 с. («Классики науки»).

49. Строев К.Ф. Краеведение. Изд.2-е. – М.: Просвещение, 1974. – 144 с.

50. Сухоруков В.Д., Гладкий Ю.Н. К вопросу о научной экспликации географического пространства // Региональные геосистемы, 2021. 45(2).
51. Талев Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости – Москва: Колибри. – 2010. – 528 с.
52. Тростников В.Н. Научна ли «научная картина мира?» // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 257-263.
53. Трубецкой, Е.Н. Смысл жизни – Москва: АСТ. –2003. – 400 с.
54. Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. –М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
55. Циолковский, К.Э. Очерки о Вселенной. – 2-е изд. – Калуга: Золотая Аллея. – 2001. – 384 с.
56. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса // Химия и жизнь. – 1990 – № 1. – С. 22–32; № 3 – С.22–33.
57. Чубайс И. Б. Российская идея. Становление и история, разрыв и возрождение. Россияведение, или Теория России. – М.: Аква-Терм. – 2012. – 488 с.
58. Шаповалов, В.В. Россияведение. Учебное пособие для вузов. – М.: Фаир-Пресс. – 2001.– 576 с.
59. Шапошникова Л.В. Веления Космоса. — Международный Центр Рерихов, 1995 — 144 с.
60. Шелкопляс Е. В. Введение в теорию оптимума развития: принципы, анализ социальных процессов, образ будущего : монография : в 2 кн. Иваново, 2018. – Кн. 1 : Общие принципы теории оптимума развития – 188 с.
61. Шопенгауэр А. Размышления о государстве, политике и праве. 1. Государство. 1.3. shopengauer_artur_razmyshleniya_o_gosudarstve_politike_i_prave_(fragmenty)_litmir (дата обращения: 03.10.2023)
62. Якунин В. И. Ценностное измерение геополитических сдвигов на евразийском пространстве // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2017. № 4. С. 7–23.
- Constantin-Dulcan, D. In Căutarea sensului pierdut creierul și noua spiritualitate. – Cluj-Napoca. – 2008. – 417 p.

БОРИСЛАВ МИХАЛЕВИЧ
(Михалевич Борис Аркадьевич)

Философ, эстетик, художник, искусствовед. Выдающийся деятель науки и культуры современной России. Доктор философии PhD (в философии, эстетике, искусствознании), профессор, заведующий кафедры «Эстетика Цивилизации», Международного Университета Фундаментального Образования (ОКСФОРД).

Академик Международной Академии наук (Франция). Член Союзов художников Санкт-Петербурга, Эстонии (Таллинн, Тарту). Президент Союза современного искусства АВАНГАРД-ФОРУМ, СПб.

**КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ СТИЛЯ
НА ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ЧИСТОГО ИСКУССТВА»
(Супрематизм - Субстанциализм)**

«... стиль покоится на глубочайших твердынях познания, на самом существе вещей, поскольку нам дано его распознать в зримых и осязаемых образах».

И. ГЁТЕ

В высокой ориентации на ценностный уровень произведения искусства принято практически первую определяющую величину соизмерять явлением и чистотой стиля в нём. К направлению, методу, манере, в этом ряду *стиль* занимает определяющую позицию, воздействующую на все тенденции ориентации художника. Представляя *стиль* как внутренне сосредоточенное и осмысленное движения творческого порыва художника в духовном поле эстетического качества, для его оценочной позиции следует взойти к им избранной субстантной образующей. Этот путь прекрасно сопровождал своим творчеством художник Казимир Малевич. Всемирное чествование 100-летия создания «Чёрного КВАДРАТА» – ясное подтверждение правильности избранного пути, созданной им концепции,

верности идеи и замысла. Развитие стиля «Супрематизм» качественно-эстетическим образом связано у К. Малевича с творческими принципами, избранным им методом и развитым направлением «прибавочного элемента». Исходя из линии «полёта Стрелы», научно-мировоззренческой перспективы времени, Малевич в трудном исследовании искусства пришёл ко многим подвижным авангардным заявкам, но стиль «Супрематизм» стал лицом его «Чёрного КВАДРАТА», дал возможность развернуть образно-логическую сущность концепции автора в плоть до *МЕТАЗЕРО*, (- 0) минус Нуль и в (+ 0.10) становлении образности Материи. Она восходит к субстанциальности архаики, иконе, пролившейся форме классики, к новым методам и приёмам, к изначальному присутствию Настоящего, Прошлого, Будущего – явлению материи Здесь. Для Малевича субстанциальное предчувствие формы явилось фактом восхождения к субстантному стилю, линейно открывающему наличное Сущее в «Чёрном КВАДРАТЕ» как логико-символической его единице, взошедшей на волне формирования *Стиля*, «чистого искусства». К. Малевич знал и говорил о том, что и в дальнейшем найденная, развитая глубина образной сущности чистым стилем и логикой явится в зримых образах. Практически, творец стоял на рубеже новой сверхреальности, но мировоззренчески, ограниченный единицей Атома как пространства Квадрата в рамках времени и ситуации научного потенциала раскрыть присутствие субстанции в инволюции был не в силах. За Атомом-Квадратом *первоэлемента* ему зрилась стерильная чистота, невозможность присутствия чего-то *там...* Чёрная стерильность. Нечто (вмещающая в себя явление всей последующей материализации) и пропасть за ней, белое (невозможное в духовном) Ничто. Как Большой взрыв из Атома-Бытия квадрата Эволюции, с обратной перспективой духовно-эстетического поля в ней. Художник-философ тонко уловил и разработал оживлённое движение активных принципов искусства. Вавилон и Египет, Возрождение, Ван Гог и Матисс, Пикассо, Кандинский и Филонов, Шагал – это активный, стилевой Авангард с развитым чувством структурной плаценты всеобщего Эстетического поля. Каждый в своём срезе сущего, в

субстанции движения, своей духовно-логической ауре определяется творимым образом, своим Я. Тем и интересен эффект Стиля, загадочен и ценен. Наличие линейности пространства из Атома Авангарда в дальнейшей перспективе перешло к квантовой структуре субстанциально-духовной энергии Света, солитонно-голографической всесущности Состояния, образно вибрирующей в явлениях и образах Настоящего, Прошедшего, Будущего. Одновременная, эволюционно-инволюционная, пульсирующая идея Принципа. Его структурное проявление в Абсолюте. Субстанциальная плацента Абсолюта все явлена в Едином и во Всём. Стиль художественного отражения сущности Света – Субстанциализм (1). Субстанциализм Борислава Михалевича полотном «Троицы» открывает наличие образного принципа *Всесостояния* и творчески явленного мира в нём. *Свет как Дух стал качественно выразительной формулой и формой своего наличия – Образом искусства.* В его содержании, структуре и системе, образно очувствлённые слои, переливы плаценты изтоники-эстетического поля Всесущности. Явленные и неявленные, возможные и ушедшие стили искусства. Образное проявление истины Света *в стиле высшего качества эстетической красоты и гармонии.*

2014 г.

(1) СУБСТАНЦИАЛИЗМ

– СТИЛЬ РАЗВИТОГ О КЛАССИЧЕСКОГО АВАНГАРДА, ОБУСЛОВЛЕННОГО НОВАТОРСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИМ ПОДХОДОМ В РЕШЕНИИ ПОСТАНОВОЧНЫХ ЗАДАЧ.

СУБСТАНЦИАЛИЗМ – КОНЦЕПТУАЛЬНО ФОРМИРУЕТ ПРИНЦИПЫ РАЗВИТИЯ НОВОЙ САМООБРАЗУЮЩЕЙ ПАРАДИГМЫ ПРИ НАУЧНОЙ (ВЗОШЕДШЕЙ К КВАНТОВОМУ, ЭНЕРГО – СВЕТОНОСНОМУ ОПРЕДЕЛЕНИЮ СУЩЕГО) ФОРМУЛЕ – «ПОЛЁТА СТРЕЛЫ» ЦИВИЛИЗАЦИИ В СОЛИТОННО – ГОЛОГРАФИЧЕСКОМ ЕЁ СОСТОЯНИИ.

СУБСТАНЦИАЛИЗМ – СВОИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЕКЦИИ РЕШАЕТ В ЭВОЛЮЦИОННО-ИНВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ ФОРМООБРАЗУЮЩЕЙ СТРУКТУРНОЙ ПЛАЦЕНТЫ ВСЕСОДЕРЖАЩЕГО АБСОЛЮТА.

СУБСТАНЦИАЛИЗМ – ИСХОДЯЩАЯ ЭНЕРГИЯ ВОЛИ ПРИНЦИПА, ПРОСТРАНСТВО ДУХОВНО-

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ФОРМОТВОРЕНИЯ СВЕТА. ВОТ ЦВЕТОНОСНОСНАЯ СТРУКТУРА БОЖЕСТВЕННОГО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ, СОДЕРЖАНИЯ И ХАРАКТЕРА СОЗНАТЕЛЬНО – ИНТЕЛЛЕКТНОЙ МАТЕРИИ, ОБРАЗНО ОЧУВСТВЛЁННОГО СЛОЯ ИЗТОНИКО – ЭСТЕТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ВСЕСУЩЕГО.

СУБСТАНЦИАЛИЗМ – КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТИНЫ ОБРАЗА СВЕТА.

Публикация:

Концептологическая проекция стиля на эстетическое поле «чистого искусства». // Актуальная эстетика – II. Материалы

**АНТОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОЙ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Том 6

(серия "Русское философское наследие")

Редактор *М.В. Бахтин*

Верстка: *Н. Хлопцева*

Издательский дом «Энциклопедист-Максимум»

123325, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4

Подписано в печать 01.11.2023 г.

Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Учет.-изд. л. 19.
Тираж 1 000 экземпляров. Заказ 404.